Δ 171/271

Д 171/271

Л. Л. Беннигсенъ.

ПИСЬМА О ВОЙНѢ 1812 ГОДА.

Переводъ съ французскаго, съ біографіей Л. Л. Беннигсена, **П. М. Майкова.**

Приложеніе къ „Военно-Историческому Вѣстнику“ 1912 г.

КІЕВЪ
1912 г.

ГР. Л. Л. БЕННИГСЕНЪ.

БЕ7
Б461по

Д 171/271

ПИСЬМА о ВОЙНѢ 1812 г.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ П. М. МАЙКОВА.

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ „Военно-Историческому Вѣстнику“ 1912 г.

КІЕВЪ
Губернская Типографія, Софійская площадь, зданіе Присутственныхъ мѣстъ.
1912.

B37-5479

БІОГРАФІЯ

Гр. Л. Л. Беннигсена.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

„ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА".

Нижеслѣдующая біографія Л. Л. Беннигсена, составленная П. Майковымъ на основаніи собранныхъ имъ матеріаловъ, представляетъ значительный интересъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Беннигсенъ не представлялъ собой свѣтлаго явленія въ Русской военной и придворной жизни. Его часто спасала самоувѣренность, а также то вліяніе, которымъ пользовались въ XVIII и XIX вѣкахъ при русскомъ дворѣ иностранные выходцы, охотно мѣнявшіе свое отечество. Во всякомъ случаѣ, услуги, которыя онъ оказалъ Россіи, никогда не могли перевѣсить той отрицательной роли, которая была съиграна имъ въ кампаніяхъ 1807 и 1812 гг. особенно-же на Бородинскомъ полѣ, гдѣ онъ самовольно измѣнилъ расположеніе III корпуса и вообще, своими дѣйствіями, какъ начальникъ штаба, усиливалъ недостатки Кутузовскаго командованія. Бездѣйствіе артиллерійскаго резерва у Псарева (свыше 200 орудій) всецѣло относится къ „забывчивости" Беннигсена, который одинъ изъ первыхъ узналъ о гибели ген. Кутайсова.

Все это, вмѣстѣ съ мрачной ролью, съигранной Беннигсеномъ въ русской придворной жизни въ 1801 году, нисколько, однако, не уменьшаетъ поучительности, какъ его писемъ, такъ и настоящей біографіи. Напротивъ, именно изъ темныхъ явленій нашей исторіи мы сумѣемъ извлечь уроки для свѣтлаго будущаго.

Н. Н.

БІОГРАФІЯ

гр. Л. Л. Беннигсена.[1])

Въ западномъ углу Германіи, у береговъ Нѣмецкаго моря, между рѣкою Эльбою и границами Голландіи, еще въ началѣ XVI столѣтія, путемъ разновременныхъ завоеваній, а также брачныхъ и другихъ фамильныхъ договоровъ возникло, изъ различныхъ земель и владѣній, герцогство Брауншвейгъ-Люнебургское, получившее въ 1611 году названіе Ганноверскаго, по присоединеніи къ нему Каленберга (въ которомъ находилось наслѣдственное владѣніе старѣйшей дворянской фамиліи Беннигсеновъ—*Бантельнъ*) и объявленіи столицею онаго города Ганновера Въ воздаяніе услугъ, оказанныхъ герцогомъ Эрнестомъ-Августомъ Германіи и Австрійскому дому, императоръ Леопольдъ I возвелъ герцога Ганноверскаго въ 1692 г. въ потомственное достоинство курфирста Германской Имперіи. Вскорѣ, въ 1705 г., къ Ганноверу было присоединно также герцогство Целле а въ 1714 году курфирстъ Георгъ Людвигъ былъ объявленъ королемъ Великобританіи,[2]) подъ именемъ короля Георга I, причемъ онъ сохранилъ за собою всѣ владѣнія, принадлежавшія ему въ Германіи. Это обстоятельство побуждало Англійскаго короля принимать живое участіе въ дѣлахъ Германіи, въ составъ которой входили и его владѣнія на материкѣ Европы; съ другой же стороны, оно открывало Ганноверцамъ возможность служить при дворѣ Англійскаго короля, которымъ являлся ихъ курфирстъ, и знакомиться на дѣлѣ съ государственнымъ строемъ Англіи и всѣми ея порядками, рѣзко отличавшимися отъ таковыхъ, царившихъ въ то время на материкѣ Европы. Въ числѣ такихъ лицъ былъ также молодой баронъ Беннигсенъ Леонъ (Левинъ) Августъ Беннигсенъ (по русски Леонтій Леонтьевичъ), сынъ полковника барона Леона (Левина) Беннигсена и его супруги, рожденной Раухауптъ (Rauchhaupt). Онъ родился 15 февраля н. ст. 1745 года въ г. Целлѣ, что въ Брауншвейгѣ и, по примѣру отца, а также по общему обычаю нѣмецкихъ дворянъ того времени, предназначался также къ военной службѣ. Послѣ домашняго обученія, которое получало знатное дворянство того времени въ родительскомъ домѣ, молодой Беннигсенъ, по достиженіи 15 лѣтъ, былъ опредѣленъ пажемъ короля

[1]) Авторъ помѣщаемой біографіи гр. Л. Л. Беннигсена, помѣщая нижеслѣдующую біографію, имѣлъ намѣреніе ознакомить читателей немного съ личностію самого Беннигсена, какъ обыкновеннаго человѣка, при чемъ упоминалъ о его военныхъ дѣлахъ только для общей связи краткаго біографическаго очерка Беннигсена, составленнаго преимущественно на основаніи различныхъ бумагъ и писемъ самаго Беннигсена, тщательно сохраненныхъ потомкомъ его четвертой супруги Бутовтъ-Андруйковичемъ (въ имѣніи Старый Дворжецъ близъ ст. Великая Берестовица, Гродненской губ.,) которыми авторъ имѣлъ случай воспользоваться. Авторъ считаетъ долгомъ выразить при этомъ свою глубокую признательность Бутовтъ-Андрейковичу за такое просвѣщенное и чрезвычайно любезное отношеніе къ лицамъ, занимающимся изслѣдованіемъ родной старины.

П. М.

[2]) Извѣстно, что въ царствованіе Англійской королевы Анны, оставшейся бездѣтной, пріемницею Англійской короны, въ 1701 году, актомъ Англійскаго парламента, была признана мать *Георга Людвига, Доротея,* дочь герцога Целльскаго, а сынъ ея Георгъ Людвигъ объявленъ герцогомъ Кембриджскимъ. Но принцесса Софія умерла ранѣе королевы Анны, по кончинѣ которой, въ 1714 году королемъ Великобританіи былъ объявленъ сынъ Софіи, упомянутый Георгъ.

Георга II [1]) и въ январѣ 1760 г. произведенъ въ фендрихи (прапорщики) гвардейской ганноверской пѣхоты. Онъ скоро принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ происходившей, въ то время Семилѣтней войны и, подъ начальствомъ принца Фердинанда Брауншвейскаго дѣйствовалъ противъ французовъ и былъ постепенно произведенъ въ слѣдующіе чины до маіора, именно: въ поручики въ 1760 г. и въ капитаны въ 1762 году. По заключеніи Губбертсбургскаго мира, онъ возвратился въ Ганноверъ и посвятилъ себя ревностному изученію военныхъ наукъ, черченію картъ, верховой ѣзды, а также необходимыхъ для кавалериста ветеринарныхъ свѣдѣній. Въ то же время онъ предавался не мало свѣтскимъ и другимъ удовольствіямъ, вмѣстѣ со своими сотоварищами, но преимущественно посѣщалъ хорошее общество, избѣгая лицъ, завлекавшихъ его въ несоотвѣтствующіе его положенію кутежи и поступки. Тѣмъ не менѣе, различныя увлеченія молодости навлекли на него неудовольствіе и немилость фельдмаршала Редена Опасаясь, что это послѣднее можетъ неблагопріятно отразиться на его военной каррьерѣ, молодой Беннигсенъ вышелъ въ 1762 г. въ отставку и поселился въ родовомъ имѣніи Бантельнѣ, унаслѣдованномъ имъ отъ отца, около этого времени умершаго. Занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, онъ старался всячески улучшить имѣніе, устроить себѣ хорошій домъ, приличную обстановку и т. д. Онъ скоро, 8 декабря 1768 г., вступилъ въ первый бракъ съ дѣвицею Фредерикою фонъ Штейнбергъ, съ которою познакомился въ г. Целле, гдѣ проживала его мать, послѣ кончины ея супруга. Открытая и довольно роскошная жизнь молодыхъ супруговъ въ первые годы, а также всякія улучшенія сельскаго хозяйства не мало разстроили ихъ матеріальное положеніе. Чтобы его поправить, Беннигсенъ сталъ помышлять о поступленіи вновь на службу. Въ это время, въ 1773 году скончалась его супруга, оставивъ двухъ дочерей. Крайне опечаленный этимъ, желая разогнать тоску и, вмѣстѣ съ тѣмъ, найти примѣненіе своимъ военнымъ дарованіямъ и поправить свое положеніе, онъ рѣшился покинуть родину. При содѣйствіи принца Карла Мекленбургъ-Стрелицкаго—отца прусской королевы Луизы, а также его брата Эрнеста, находившагося также на службѣ въ Ганноверѣ, которыхъ Беннигсенъ хорошо зналъ, ему удалось перейдти на службу въ Россійскую армію, въ рядахъ которой въ то время находилось не мало его нѣмецкихъ соотечественниковъ, а происходившія тогда войны съ Турціею и Польшею представляли удобный случай отличиться. Поручивъ двухъ дочерей [2]) своихъ попеченію своей матери, а управленіе имѣніемъ своимъ возложивъ на меньшаго своего брата, баронъ Беннигсенъ въ 1773 году, произведенный въ подполковники, перешелъ на службу Императрицы Екатерины II, премьеръ-маіоромъ, въ Вятскій мушкатерскій полкъ [3]) Въ слѣдующемъ, 1774 г., онъ былъ переведенъ въ Нарвскій мушкатерскій полкъ и назначенъ въ армію фельдмаршала гр. Румянцева, находившуюся на Дунаѣ. Онъ скоро принялъ участіе въ дѣйствіяхъ корпуса М. Ѳ. Каменскаго въ Малой Валахіи, а затѣмъ, и въ Болгаріи за Дунаемъ, подъ начальствомъ гр. Салтыкова, въ различныхъ дѣлахъ подъ Рущукомъ и у подошвы Балканскихъ горъ. Заключенный скоро съ Турціею миръ въ Кучукъ-Кайнарджи положилъ на время конецъ войнѣ съ Турціею, и Беннигсенъ съ полкомъ своимъ былъ перемѣщенъ въ г. Нарву, гдѣ скоро вступилъ въ второй бракъ съ дѣвицею Елизаветою Мейеръ. Этотъ бракъ былъ однако очень непродолжителенъ. Послѣ рожденія сына Адама 10 ноября 1776 г. въ Нарвѣ, молодая супруга скончалась. Это побудило Беннигсена испросить себѣ отпускъ и съѣздить въ г. Целле, чтобы сдать на попеченіе матери своей и этого новорожденнаго внука и, вмѣстѣ съ тѣмъ, повидать прежнихъ своихъ друзей и знакомыхъ. Упомянутый уже герцогъ Эрнестъ Мекленбургскій, въ то время комендантъ г. Целле, принялъ его очень ласково и

---

[1]) Гораздо позже, въ 1825 году, Л. Л. Беннигсенъ въ свою очередь просилъ англійскаго короля Георга IV зачислить его сына въ число камеръ-юнкеровъ двора Его Величества и получилъ отъ короля милостивый рескриптъ, что онъ предоставляетъ ему на выборъ: или сейчасъ же зачислить сына въ число придворныхъ *пажей* по егермейстерской части, или, по достиженіи требуемыхъ лѣтъ, камеръ-юнкеромъ.

[2]) Одна изъ нихъ позднѣе вступила въ бракъ съ барономъ Лейтомъ.

[3]) См. дѣло Д-а Герольдіи Правит. Сената; формул. списокъ Беннигсена; также „Рус. Архивъ“ 1874 № 3.

ввелъ въ высшій кругъ небольшого общества этого города, одною изъ обывательницъ котораго, дѣвицею Амаліею фонъ Швихельтъ, скоро увлекся Беннигсенъ, имѣвшій особую наклонность къ семейной жизни. Родители дѣвицы Швихельтъ, не желая отпускать свою дочь въ малоизвѣстную и отдаленную страну, не соглашались на ея бракъ съ Беннигсеномъ и всячески старались этому противодѣйствовать. Видя это, Беннигсенъ, при содѣйствіи друзей, похитилъ свою невѣсту при разъѣздѣ съ бала и обвѣнчался съ нею въ іюнѣ мѣсяцѣ 1777 года въ Креттенѣ. [1]) Помирившись вскорѣ съ родителями своей супруги, Беннигсенъ отправился съ нею въ Россію въ 1777 году и уже въ 1778 году былъ произведенъ въ подполковники съ опредѣленіемъ въ Кіевскій легко-конный полкъ и назначенъ въ корпусъ войскъ, который предполагалось направить въ помощь Прусскому королю Фридриху II при грозившей возникнуть въ Германіи войнѣ, такъ называемой за Баварское наслѣдство. Однако, извѣстнымъ Тѣшенскимъ договоромъ эта междуусобная война въ Германіи была отвращена, и Беннигсенъ вмѣстѣ съ полкомъ пребывалъ въ окрестностяхъ г. Кіева. Въ 1783 г. при возникшей войнѣ съ Турціею, изъ за присоединенія Крыма къ Россіи, онъ былъ командированъ въ Подолію для содержанія кордона по р. Днѣстру отъ г. Могилева до Каменецъ-Подольскаго. Произведенный въ 1787 г. въ полковники, съ назначеніемъ командующимъ Изюмскимъ легко-конным полкомъ, онъ, какъ видно изъ письма къ его брату, находился въ Кременчугѣ, во время прибытія туда Императрицы Екатерины II, совершавшей тогда свое извѣстное путешествіе въ Тавриду, водою изъ Кіева. Беннигсенъ съ полкомъ своимъ былъ въ числѣ 16 тыс. войскъ, расположенныхъ шпалерами отъ береговъ Днѣпра до замка, гдѣ было устроено помѣщеніе Ея Величеству, затѣмъ онъ участвовалъ въ парадномъ цѣлованіи руки Императрицы, а также въ обѣдѣ, данномъ генералитету и полковникамъ, былъ на смотру войскъ Потемкинымъ и т. д. Находясь въ Кременчугѣ и его окрестностяхъ, Беннигсенъ, какъ кавалеристъ и любитель лошадей, не разъ выписывалъ лошадей изъ Ганновера при посредствѣ своего зятя Лейта, [2]) и, поручая ему покупать лошадей при распродажѣ конюшень герцога Іоркскаго, перепродовалъ ихъ въ свою очередь любителямъ лошадей въ Россіи, въ томъ числѣ и кн. Потемкину.

Надвигавшаяся третья война съ Турціей застала Беннигсена въ горестномъ положеніи. Онъ съ полкомъ своимъ долженъ былъ двинуться въ Бессарабію. Между тѣмъ, супруга его, не привыкшая къ степному климату Кременчуга, слабѣла, чахла, но не желала, оставивъ мужа, отправиться для поправленія здоровья на родину въ виду новой войны, о которой самъ Беннигсенъ долго не рѣшался ей объявить. Упрекая себя въ томъ, что не достаточно настаивалъ на ея отъѣздѣ въ Германію, Беннигсенъ перевезъ ее наконецъ въ Харьковъ, въ 1789 году, гдѣ имѣлись и доктора и друзья его и его зимняя квартира, а затѣмъ самъ выступилъ въ походъ. Но уже въ лагерѣ подъ Ольвіополемъ онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ своей жены 25 іюля. Не имѣя возможности лично слѣдить за воспитаніемъ дочерей и не желая оставить ихъ безъ надзора, Беннигсенъ, съ немалыми затрудненіями, отправилъ ихъ также къ своей матери въ Целле, а самъ въ это время принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ арміи Кн. Потемкина подъ Очаковымъ и затѣмъ при движеніи князя отъ г. Киліи къ Аккерману. Оставленный со своими полкомъ и 2000 казаковъ въ г. Бендерахъ, для поддержанія нашихъ сообщеній Беннигсенъ имѣлъ случай разбить у самаго города отрядъ турокъ, вышедшій на рекогносцировку, и въ 1791 году былъ произведенъ въ бригадиры, съ оставленіемъ командиромъ полка. Эта война сблизила его еще болѣе съ кн. Потемкинымъ, котораго онъ зналъ уже ранѣе. Князь въ концѣ 1791 г. вытребовалъ его къ себѣ, намѣреваясь дать Беннигсену какое то порученіе въ Гаагу и Лондонъ, а также въ Ганноверъ купить лошадей. Все было уже готово къ отправкѣ Беннигсена, но внезапная кончина Потемкина разрушила это предположеніе. Беннигсенъ очень сожалѣлъ, о преждевременной кон-

---

[1]) Отъ этого брака Беннигсенъ имѣлъ трехъ дочерей, изъ которыхъ одна позднѣе умерла дѣвицею, другая вступила въ бракъ съ г. Миллеромъ и третья—съ д'Андертономъ.

[2]) Одна изъ дочерей Беннигсена отъ перваго его брака Беннигна Софья вступила въ 1786 году въ Ганноверѣ въ бракъ съ нѣкимъ барономъ фонъ-Лейтомъ, съ которымъ Беннигсенъ былъ въ перепискѣ и, какъ можно заключить, въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ.

чинѣ князя [1]). Изъ Яссъ, въ началѣ 1792 г. Беннигсенъ пріѣхалъ въ Петербургъ, былъ очень благосклонно принятъ Ея Величествомъ и наслѣдникомъ престола (в. кн. Павломъ Петровичемъ) но старался скорѣе уѣхать, не находя въ Петербургѣ тої покойной жизни, которой [2]) для себя желалъ. Изъ его переписки съ зятемъ его, фонъ Лейтомъ [3]) можно усмотрѣть, что въ это время въ 1792—1793 г. Беннигсенъ, съ ввѣренною ему командою въ 600 человѣкъ, находился близъ западной нашей границы и охранялъ ее на протяженіи болѣе 40 литовскихъ лье. Онъ находился постоянно въ разъѣздахъ и долженъ былъ заниматься также и гражданскими дѣлами, *сводившими его съ ума*; по собственному его признанію, этотъ родъ занятія былъ для него хуже всего. Въ тоже время получаемыя извѣстія о блестящихъ дѣлахъ прусскихъ войскъ противъ арміи революціонной Франціи вызывали въ немъ не только большое сожалѣніе что онъ не принимаетъ участія въ этой кампаніи герц. Брауншвейгскаго, но даже намѣреніе перейти въ ряды прусской арміи, если война Пруссіи съ Франціею затянется. Онъ намѣревался въ началѣ 1794 года съѣздить въ Петербургъ и рѣшить тамъ свою дальнѣйшую участь. Но ѣхать въ столицу ему не довелось. Возникшія смуты въ польскомъ королевствѣ побудили Императрицу направить часть русскихъ войскъ къ границамъ королевства, причемъ Беннигсенъ командовалъ летучимъ отрядомъ, имѣвшимъ цѣлью прикрывать Бѣлоруссію отъ вторженія польскихъ мятежниковъ и, въ то же время, подкрѣплять отдѣльные корпуса генераловъ Ферзена и Мерлина, вступившихъ въ предѣлы Польши, для усмиренія возстанія. Соединясь съ Мерлинымъ, Беннигсенъ аттаковалъ поляковъ подъ Миромъ 19 (31 мая) 1792 года и, разбивъ ихъ, преслѣдовалъ до Слонима, гдѣ въ открытомъ полѣ, несмотря на сильный непріятельскій огонь, нанесъ имъ пораженіе и гналъ болѣе 8 верстъ. За эти успѣшныя дѣйствія Беннигсенъ былъ награжденъ, при грамотѣ 28 іюня 1793 г., орденомъ Св. Владиміра 3 степени. Послѣ этого онъ, вмѣстѣ съ Ферзеномъ, дѣйствовалъ при взятіи укрѣпленія г. Несвижа и въ дѣлѣ подъ Зельвою, 23 іюня 1793 г. (Гроднен. губ. Волковискаго уѣз.), въ которомъ опрокинулъ польскую кавалерію и захватилъ много плѣнныхъ. Въ ту же Польскую войну 1796 года онъ разбилъ сильный польскій отрядъ у м. Солы, при р. Ошмянкѣ и захватилъ много плѣнныхъ и большой обозъ. Въ награду за это Беннигсенъ былъ произведенъ внѣ очереди въ генералъ-маіоры. Направившись послѣ этого дѣла въ м. Олиту, гдѣ стягивались польскіе отряды на противоположномъ берегу р. Нѣмана, Беннигсенъ ночью, посадивъ на лошадей своего полка цѣлый баталіонъ егерей, пустился вплавь черезъ рѣку и, напавъ совершенно внезапно на поляковъ, разбилъ ихъ. За это дѣло онъ удостоился получить 24 сент. 1794 г. золотую шпагу съ алмазами, съ надписью за храбрость. Послѣ этого дѣла онъ овладѣлъ важнымъ пунктомъ на р. Нѣманѣ, г. Ковно, занятымъ значительнымъ польскимъ отрядомъ.

Подойдя затѣмъ къ укрѣпленному въ то время городу Вильнѣ, съ 6-ю эскадронами Изюмскаго легко-коннаго полка, Беннигсенъ 15 сент. 1794 г. сбилъ непріятеля съ баттареи, овладѣлъ оною и, ударивъ затѣмъ на пѣхоту, разсѣялъ ее и овладѣлъ 7-ю пушками. Беннигсенъ былъ награжденъ за это орденомъ Св. Георгія 3-й степени. Тѣмъ временемъ быстрыми дѣйствіями знаменитаго Суворова была взята Варшава послѣ извѣстнаго штурма Праги, и затѣмъ, окончило свое существованіе Польское королевство раздѣломъ его владѣній между Австріею, Пруссіею и Россіею. 2 окт. 1794 г. Беннигсенъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2-й ст. Кромѣ того, въ списокъ военныхъ лицъ, награжденныхъ землями за дѣятельное участіе въ войнѣ съ Польшей былъ внесенъ также и Беннигсенъ, которому 18 августа 1795 г. было пожаловано въ вѣчное потомственное владѣніе, въ Минской губ. мѣстечко Медвѣдица съ разными деревнями, въ коихъ числилось 1087 душъ, и принадлежащими имъ землями [4]). По окончаніи Польской войны Беннигсенъ сопровождалъ бывшаго Польскаго короля Станислава Августа изъ Варшавы въ г. Гродно, гдѣ королю назначено было мѣсто-

[1]) Изъ письма къ Лейту 7 ноября 1791 г.

[2]) Изъ письма 20 февр. 1792 г.

[3]) П. 30 іюля изъ Друи и 30 нояб. 1793 г. изъ Глубокое.

[4]) Установленной грамоты на это Беннигсенъ въ свое время не получилъ, и она была выдана ему лишь 5 апр. 1801 г. за подписью императора Александра I, когда Беннигсенъ былъ уже генер. лейтенантомъ.

пребываніе, а затѣмъ онъ получилъ главное начальство надъ нашими войсками, расположенными на прусской границѣ. По скоро Беннигсенъ былъ назначенъ начальникомъ всей кавалеріи, находившейся при корпусѣ нашихъ войскъ, направленныхъ къ г. Дербенту подъ начальствомъ В. А. Зубова. Какъ извѣстно, Императрицѣ Екатеринѣ II, подъ предлогомъ защиты правъ мурзы Кули-Хана на персидскій престолъ, занятый его братомъ Ага-Магометомъ, имѣла намѣреніе успѣхами нашего вооруженнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Персіи а также искусными дипломатическими сношеніями, добиться прочнаго занятія нами Астрабада (удобнаго порта на Каспійскомъ морѣ) и обезпеченія сообщеній его съ внутренними частями нашей Имперіи, занять для этого города Тарки, Дербентъ, Баку. При этомъ Астрабадъ, имѣвшій правильное сообщеніе караванами со всей Персіею и Индіею, сдѣлался бы главнымъ посредствующимъ пунктомъ торговыхъ сношеній г. Астрахани съ восточною Индіею и складочнымъ мѣстомъ товаровъ, которые направлялись бы изъ Индіи въ Петербургъ, вмѣстѣ того, чтобы идти въ Лондонъ. Предлогомъ же вступленія нашихъ войскъ въ Персію была не только просьба мурзы Кули-Хана о покровительствѣ и защитѣ его правъ, но также и оскорбленіе, нанесенное Ага Магометомъ нашей Имперіи, вторженіемъ его въ Грузію, состоявшую подъ нашимъ покровительствомъ, и ея разграбленіемъ, при чемъ имъ захвачены были и 12 русскихъ пушекъ, пожалованныхъ Екатериною грузинамъ. Рѣшившись начать войну съ Персіею, Екатерина II избрала въ число генераловъ для командованія войсками, назначенными въ персидскій походъ, также и Беннигсена, получившаго приказаніе прибыть въ Петербургъ. Въ столицѣ ему были сообщены не только всѣ главнѣйшія бумаги, относящіяся до начинаемой войны, но и открыты главнѣйшія цѣли оной въ разговорѣ съ Плат. А. Зубовымъ[1]). Беннигсенъ, выѣхавъ при большихъ морозахъ изъ Петербурга съ приказаніемъ ѣхать какъ можно скорѣе, прибылъ въ Кизляръ, гдѣ собраны были войска, для предстоявшаго похода, подъ главнымъ начальствомъ гр. Валеріана Александровича Зубова, брата извѣстнаго фаворита Императрицы, гр. Платона Зубова. Но ранѣе этого командовавшій на Кавказской линіи Гудовичъ, при вторженіи персидскаго шаха въ Грузію, выслалъ на помощь грузинамъ небольшой отрядъ, подъ командою ген. Савельева, который подошелъ къ ген. Дербенту, но овладѣть не могъ и принужденъ былъ отойти на крѣпкую позицію, въ которой и ожидалъ прибытія нашихъ войскъ изъ Кизляра. Эти послѣднія успѣшно дошли до г. Тарки, и, отдохнувъ нѣсколько дней у хана Тарковскаго, преданнаго Россіи, направились далѣе, получивъ отъ хана 1500 солдатъ, которые оказались прекрасными проводниками среди гористой мѣстности, по которой предстояло двигаться нашему отряду, подошедшему скоро къ Дербенту. Овладѣть имъ было почти невозможно; крѣпость упиралась въ Каспійское море съ одной стороны и къ неприступные горы съ другой; стѣны ея, временъ Александра Македонскаго, были громадной толщины, сложены изъ крѣпкаго камня и съ давнихъ поръ называясь „Желѣзныя ворота“; крѣпость эта являлась ключемъ Персіи. Чтобы овладѣть этимъ оплотомъ Персіи одна колонна, генерала Булгакова, была направлена въ обходъ онаго съ южной стороны, три другія, генераловъ Беннигсена, Корсакова и Савельева—должны были дѣйствовать съ сѣверной стороны. Общая атака привела къ сдачѣ городъ, къ великому удовольствію гр. В. А. Зубова. Беннигсенъ, не мало содѣйствовавшій сдачѣ этого укрѣпленнаго мѣста успѣшнымъ дѣйствіемъ баттарей, на лѣвомъ крылѣ нашего отряда, былъ награжденъ 4 іюня 1791 г. орденомъ Св Анны I степени. Оставивъ въ Дербентѣ отрядъ войскъ подъ командою ген. Савельева, назначеннаго правителемъ двухъ провинцій Кубы и Дербента, гр. В. А. Зубовъ двинулся далѣе, совершилъ очень затруднительную переправу чрезъ быструю и широкую р. Самуръ и затѣмъ переходъ по равнинѣ, при неимовѣрной жарѣ, побудившей наконецъ взять болѣе вправо въ горы, гдѣ была хорошая дорога, но только въ лѣтнее время. Персія, устрашенная взятіемъ Дербента съ

[1]) Эти и дальнѣйшія свѣдѣнія о персидскомъ походѣ извлечены изъ дошедшихъ до насъ не въ полномъ объемѣ писемъ самаго Беннигсена о Персидскомъ походѣ. Замѣтимъ при этомъ, что Беннигсенъ вообще любилъ писать о походахъ, въ которыхъ участвовалъ и оставилъ не мало относящихся до нихъ записокъ въ видѣ писемъ, написанныхъ своему пріятелю, генералу Фоку. Немногіе изъ нашихъ военноначальниковъ обладали этою во всякомъ случаѣ похвальною привычкою. Еще замѣчательнѣе, что Беннигсенъ, нѣмецъ по происхожденію, все писалъ на французскомъ языкѣ.

переправою чрезъ р. Самуръ, не тревожила наши войска, которыя подошли къ Баку. Ханъ города отдалъ намъ безъ сопротивленія ключи онаго, и Баку былъ занятъ нами. Простоявъ, на горахъ, прилегавшихъ къ городу, до сентября мѣсяца, наши войска спустились затѣмъ въ равнину Шемахи (новой, отстоявшей невдалекѣ отъ старой [1]) и послѣ двухъ недѣль, двинулись къ р. Курѣ, гдѣ расположились на зимнія квартиры. Эта рѣка отдѣляетъ Ширванъ отъ Муганской степи, у начала которой сталъ авангардъ нашъ подъ командою Платова. Нашъ весь отрядъ требовалъ подкрѣпленій всякаго рода, численный составъ его пострадалъ не мало отъ климатическихъ условій, лошади гибли отъ худого корма. Подошедшая къ намъ флотилія также очень страдала отъ губительнаго климата. Шахъ Али-Магометъ насъ, однако, не тревожилъ, готовясь начать военныя дѣйствія съ осени. Однако, судьба рѣшила иначе. 24 декабр. 1766 года въ отрядѣ было получено печальное извѣстіе о кончинѣ великой Императрицы. Грусть и уныніе овладѣли всѣми. Присягая новому Императору, молча случали молебенъ и рыдали, поднимая руку при приведеніи присяги. Скоро пришло въ отрядъ извѣстіе о возвращеніи войскъ въ предѣлы отечества. Но ни главный начальникъ, ни генералы не получили объ этомъ надлежащаго приказанія. Повелѣніе это было прислано въ каждый полкъ отдѣльно, вмѣстѣ съ приказаніемъ о возвращеніи въ мѣста постояннаго расположенія полковъ въ разныхъ губерніяхъ внутри Имперіи. Генералы узнали объ ихъ дальнѣйшей участи изъ печатныхъ газетъ. В. А. Зубовъ былъ по своему прошенію уволенъ отъ службы, а Беннигсенъ, вскорѣ произведенный по старшинству въ генералъ-лейтенанты, въ 1797 году былъ послѣ маневровъ въ Высочайшемъ присутствіи подъ Москвою награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго. Но скоро Беннигсенъ, какъ и очень многія другія лица, впалъ въ немилость у Императора и находился не у дѣлъ, онъ не получилъ никакого назначенія при открывшихся военныхъ дѣйствіяхъ противъ Франціи и не участвовалъ, ни въ знаменитомъ походѣ Суворова въ Италіи, ни въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Швейцаріи и Голландіи въ царствованіе Павла.[2]) По письмамъ его къ Лейту за это время можно заключить, что онъ преимущественно проживалъ въ своемъ имѣніи Савейки (Минской губ. Слуцкаго уѣзда, пожалованномъ ему еще Екатериной II въ 1794 году), занимался хозяйствомъ, ѣздилъ на охоту и имѣлъ значительную денежную претензію къ казнѣ, выдавъ почему то деньги впередъ. Эта неправильная по формѣ выдача денегъ вызвала наложеніе секвестра на принадлежавшія ему имѣнія. Беннигсенъ даже принужденъ былъ продать два небольшія имѣнія, вдали отъ Савейки. Онъ надѣялся въ 1800 г., однако, получить изъ казны слѣдуемыя ему деньги и затѣмъ испросить Высочайшее разрѣшеніе уѣхать мѣсяцевъ на восемь на родину. Въ началѣ 1801 года онъ получилъ разрѣшеніе пріѣхать по этому дѣлу въ Петербургъ, гдѣ и добился снятія запрещенія съ его имѣній и предполагалъ еще въ половинѣ февраля 1801 г. вернуться скоро въ свои земли и жить спокойнѣе прежняго. Во время пребыванія своего въ Петербургѣ онъ узналъ, предъ своимъ отъѣздомъ, отъ Палена, генералъ-губернатора столицы, о готовившемся переворотѣ, въ которомъ, по убѣжденію графа, принялъ также дѣятельное участіе. По словамъ нѣкоторыхъ изъ соучастниковъ переворота 11 марта 1801 г., завершившагося преждевременною кончиною Императора Павла, Беннигсенъ является главнѣйшимъ виновникомъ этой кончины. Самъ же Беннигсенъ въ своемъ подробномъ изложеніи событія 11 марта 1801 года рѣшительно отвергаетъ возводимое на него обвиненіе и высказываетъ, что онъ замысла не составлялъ, узналъ о немъ только въ минуту осуществленія и когда все уже было предрѣшено и установлено, *не принималъ никакого участія въ кончинѣ Императора и не рѣшился бы даже* войти съ его комнату, если бы зналъ, что находятся тамъ нѣсколько лицъ, покушавшихся на жизнь Павла.

Должно замѣтить, что этого подлиннаго письма Беннигсена въ бумагахъ ген. А. Б. Фока не находится вовсе, въ числѣ другихъ къ нему писемъ Беннигсена, сохранившихся

[1]) Эта старая Шемаха, лежащая ближе къ горамъ, была богатымъ городомъ, имѣвшимъ 60 тыс. жителей; она была разграблена до основанія Шахомъ-Надиромъ и покинута всѣми ея обывателями.

[2]) Ланжеронъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что Беннигсену было приказано жить въ деревнѣ и что въѣздъ въ Петербургъ, Москву и даже губернскіе города ему былъ воспрещенъ (Revue britannique, juillet 1895 p. 69), но авторъ ничѣмъ не подкрѣпляетъ этого показанія.

у его наслѣдниковъ. Упомянутое письмо было весьма недавно только напечатано, черезъ сто лѣтъ, именно въ 1901 г. въ журналѣ Historische Vierteljahreschrift, IV Jahrgang, стр. 57—69. Послѣ 1901 г. это письмо не разъ уже печаталось.

Молодой Императоръ въ іюлѣ 1801 г. назначилъ Беннигсена инспекторомъ пѣхоты и кавалеріи литовской инспекціи и военнымъ губернаторомъ литовскихъ провинцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ произведенъ въ генералы отъ кавалеріи, со старшинствомъ съ 1799 года. По своей должности Беннигсенъ имѣлъ пребываніе въ г. Вильнѣ. Имѣя особенную склонность къ семейной и уединенной жизни, онъ на 58 году жизни своей, т. е. въ 1803 г. вступилъ въ Вильнѣ въ 4-й бракъ [1]) съ дѣвицею Маріею Бутовтъ-Андрейковичъ и пользовался очень счастливо супружескою жизнію до самой своей кончины. Супруга проживала зимою въ Вильнѣ, а въ лѣтнее время въ прилегающемъ къ Вильнѣ небольшомъ, но очень живописномъ помѣстьѣ „Закретѣ“. Тихою семейною жизнію Беннигсенъ, однако, наслаждался не долго. Возникшая въ 1805 г. война Наполеона I съ Австріею, въ которой приняла участіе и Россія, какъ союзница послѣдней, вызвала Беннигсена къ боевой дѣятельности. Онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ корпуса русскихъ войскъ въ 50 т. человѣкъ, направленныхъ на помощь Австріи и скоро выступилъ съ ввѣренною ему арміею въ восточную Пруссію и Силезію, но въ г. Бреславлѣ получилъ извѣстіе о послѣдовавшемъ уже сраженіи при Аустерлицѣ, положившемъ конецъ кампаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ получилъ приказаніе возвратиться въ предѣлы Россіи. Въ виду ожидаемаго разрыва сношеній нашихъ съ Турціею, Беннигсенъ въ слѣдующемъ 1806 г. былъ направленъ съ корпусомъ къ Турецкой границѣ, но 23 октября того же года, по Высочайшему повелѣнію, посланъ во главѣ 60,000 корпуса на помощь прусскому королю въ войнѣ его съ Наполеономъ I., ознаменованной уже пораженіемъ и разгромомъ прусскихъ войскъ подъ Іеною и Ауэрштедтомъ. Скоро, 13 и 14 декабря 1801 г. Беннигсенъ имѣлъ весьма удачное для насъ дѣло съ французами при Пултускѣ, въ которомъ Наполеону I былъ данъ въ первый разъ суровый отпоръ, принудившій его отступить съ поля сраженія и расположиться на зимнія квартиры въ Верхней Пруссіи. За эту побѣду Беннигсенъ былъ награжденъ 24 дек. 1806 г. орденомъ Св. Георгія 2 степени и суммою денегъ въ 5000 червонцевъ. Немного позже, 17 января 1807 г., онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ нашей арміей, дѣйствовавшей противъ французовъ, причемъ также и король прусскій ввѣрилъ ему начальство надъ остатками своихъ войскъ, уцѣлѣвшихъ послѣ Іенскаго погрома. Весь ходъ военныхъ дѣйствій во время этой кампаніи 1806 и 1807 годовъ, подробно описанъ самимъ Беннигсеномъ, въ письмахъ на французскомъ языкѣ къ своему пріятелю, генералу А. Б. Фоку [2]). Предоставляя поэтому желающихъ ознакомиться съ подробнымъ ходомъ этой войны, обратиться непосредственно къ этимъ письмамъ упомянемъ тутъ въ немногихъ словахъ, что послѣ сраженія при Пултускѣ Беннигсенъ имѣлъ намѣреніе обойти Наполеона, что и побудило послѣдняго выступить въ поле изъ зимнихъ квартиръ, не смотря на сильную стужу въ январѣ 1807 г. Послѣдовало скоро двухдневное сраженіе при Прейссишъ-Эйлау, 25 и 26 янв. (7 и 8 февр.), отличавшееся замѣчательнымъ упорствомъ съ обѣихъ сторонъ. Наполеонъ понесъ большія потери и отошелъ. Побѣда въ этомъ бою досталась Беннигсену, который былъ награжденъ за нее орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, 9 февр. 1807 г. и кромѣ того получаемыя имъ столовыя деньги въ размѣрѣ 12.000 руб., были обращены ему пожизненную пенсію. Въ послѣдовавшемъ всемилостивѣйшемъ рескриптѣ по этому поводу было выражено: „C'est à Vous mon général qu'a été reservée la gloire de vaincre celui qui l'a jamais été encore. Il m'est fort agréable de pouvoir Vous en temoigner ma reconnaissance et celle de la patrie entière“.—„Вамъ генералъ предоставлена была слава побѣдить доселѣ

[1]) Отъ этого брака родились: въ 1809 г. сынъ Александръ, позднѣе президентъ министерства въ Ганноверѣ, умершій въ 1873 г. холостымъ, а въ 1811—дочь Леонтина, вступившая въ 1843 г. въ бракъ со своимъ двоюроднымъ братомъ Владиславомъ Бутовтъ-Андрейковичемъ, прямые наслѣдники котораго тщательно сохранили много любопытныхъ писемъ и бумагъ Беннигсена.

[2]) Эти письма были переведены мною и напечатаны въ Русской Старинѣ, съ небольшими, впрочемъ, сокращеніями, которыя черезвычайно любилъ дѣлать въ историческихъ документахъ бывшій редакторъ упомянутаго журнала, извѣстный военный писатель и къ тому же непремѣнный секретарь Им. Академіи Наукъ, Н. Ф. Дубровинъ.

непобѣдимаго. Мнѣ очень пріятно отъ себя и отъ всего отечества выразить Вамъ мою признательность за это". Позднѣе, уже при свиданіи въ Тильзитѣ, Наполеонъ самъ въ разговорѣ съ Беннигсеномъ объ этомъ сраженіи, не упустилъ сказать ему: „Vous etiez méchant à Eylau".

Беннигсенъ, одержавъ побѣду, не счелъ возможнымъ преслѣдовать немедленно разбитаго Наполеона въ зимнее время, но нанесъ позднѣе не мало пораженій его арміи, а именно при Гуштадтѣ, 24 мая—маршалу Нею, захвативъ у него много плѣнныхъ, обозъ и даже собственную канцелярію маршала и его экипажи; затѣмъ, при Гельсбергѣ, 27 мая въ своей укрѣпленной позиціи отразилъ нападенія самого Наполеона со свѣжими войсками и принудилъ его отступить послѣ битвы, продолжавшейся цѣлый день.

Нельзя не остановиться здѣсь на время на весьма замѣчательномъ для біографіи Беннигсена фактѣ. Одержавъ побѣду надъ непобѣдимымъ, по словамъ Императора Александра I, Беннигсенъ не вознесся въ самомнѣніи о себѣ, но *убѣдительно просилъ Императора,* щедро его наградившаго за побѣду, *уволить его отъ званія главнокомандующаго.* Не имѣя въ своемъ распоряженіи этого подлиннаго прошенія Беннигсена, но зная о немъ изъ отвѣтнаго письма самого Императора, мы не можемъ съ точностью сказать, что побудило его къ подобной просьбѣ. Быть можетъ, онъ уже и въ то время держался взгляда, высказаннаго имъ позднѣе Императору, что *во главѣ русской арміи долженъ стоять русскій человѣкъ*, а не нѣмецъ или иностранецъ, а быть можетъ, къ этой просьбѣ побудили его всякія интриги, отсутствіе дисциплины, неисполненіе его приказаній подчиненными ему лицами, и т. д., о чемъ довольно ясно намекаетъ самъ Александръ I. Вотъ что пишетъ Беннигсену Императоръ въ своемъ письмѣ отъ 8 февраля 1807 г. Выразивъ Беннигсену признательность за одержанную имъ побѣду, упомянувъ о посланной ему наградѣ и сдѣланныхъ распоряженіяхъ по отправленію къ нему войскъ гвардіи, Императоръ обращается, „*къ чрезвычайно обезпокоившему его дѣлу*": къ просьбѣ Беннигсена *объ увольненіи отъ командованія арміею* и пишетъ ему: „Возможно ли генералъ, чтобы въ такую минуту, когда цѣлость нашего государства, цѣлость всей Европы зависитъ отъ васъ, вы могли бы помышлять о чемъ либо другомъ, какъ о предназначенной вамъ славѣ, находящейся такъ сказать въ рукахъ вашихъ? Продолжайте только дѣйствовать какъ начали и вы обезсмертите ваше имя Что же касается меня, то я не желаю иного, какъ убѣдить васъ все болѣе и болѣе въ томъ довѣріи, которое къ вамъ имѣю. Скажу вамъ откровенно: я подозрѣваю, что какія либо личныя соображенія могли васъ побудить обратиться ко мнѣ съ выраженною вами просьбою: но *заклинаю васъ помнить постоянно, что вы главнокомандующій и что всѣ безъ исключенія должны сообразоваться съ вашими приказаніями и слѣдовать имъ.* Генералъ, докажите мнѣ, что я не ошибся въ моемъ выборѣ и доставьте мнѣ удовольствіе выражать вамъ все болѣе и болѣе мою признательность." Затѣмъ далѣе Императоръ сообщалъ Беннигсену, что послалъ ему Бенкендорфа, Уварова и спрашивалъ его когда, по его мнѣнію, могло бы быть наиболѣе полезнымъ личное его прибытіе въ армію. Получивъ такое письмо, Беннигсену невозможно было не подчиниться желанію Императора и онъ продолжалъ командовать арміею вопреки своему желанію.

Наполеонъ послѣ этого рѣшился отрѣзать русскую армію отъ г. Кенигсберга, что побудило Беннигсена двинутыя къ р. Прегелю, при чемъ произошло неблагопріятное для насъ сраженіе 2 (14) іюня при Фридландѣ, послѣ котораго Беннигсенъ отошелъ къ г. Тильзиту. Вскорѣ послѣ этого былъ заключенъ Тильзитскій миръ, доставившій Россіи цѣлую Бѣлостокскую область и вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣсный союзъ съ Наполеономъ. Александръ I остался видимо недоволенъ Беннигсеномъ, которой вскорѣ отправился съ Высочайшаго разрѣшенія для поправленія своего разстроеннаго здоровья, въ свое имѣніе *Закретъ* около Вильны, гдѣ и проживалъ со своимъ семействомъ вдали отъ дѣлъ, до самаго 1812 года. Изъ писемъ къ его другу А. Б. Фоку за это время видно, что Беннигсенъ страдалъ и душевно и физически. Онъ былъ боленъ водянкою и и до такой степени опухъ, что не могъ надѣвать платья, которое носилъ во время войны. Однако, благодаря какимъ то травамъ, присланнымъ ему изъ Петербурга сенаторомъ Тейльсомъ, онъ почувствовалъ значительное физическое облегченіе, но по прежнему испытывалъ мученія душевныя. Его обвиняли въ неудачномъ для насъ исходѣ кампаніи 1807 года; множество пасквилей и всякаго рода брошюръ, направленныхъ противъ него, было тогда же

пущено въ ходъ. Беннигсенъ утѣшалъ себя тѣмъ, что всѣ эти сочиненія такъ же скоро потонутъ въ грязи, какъ вышли изъ нея, въ особенности брошюра г. Сакена, которая, однако, не должна бы пройти для него (т. е. Сакена) безнаказанно, потому что задѣваетъ честь всей арміи, печатая ложныя извѣстія, простительныя газетчику, побуждаемому къ этому деньгами или подкупленному врагами, но совершенно не извинительными для русскаго генерала [1]) Матеріальное положеніе Беннигсена былъ также не въ цвѣтущемъ состояніи Съ имѣній ему, принадлежащихъ въ Ганноверѣ, онъ лично не получилъ ничего; всѣ эти доходы шли большею частью на уплату контрибуціи, взимаемой французами съ Ганновера, а затѣмъ также на содержаніе дѣтей его, находившихся у бабушки въ Целѣ. Имѣніе, пожалованное ему Екатериной II за Польскую войну, было частью продано, частью заложено въ банкѣ. Притакихъ условіяхъ онъ, по его собственнымъ словамъ, не имѣлъ иного желанія какъ совершенно удалиться отъ дѣлъ. „Въ моемъ прежнемъ отечествѣ, пишетъ онъ, находится мое доволь но многочисленное семейство, въ кругу котораго я желалъ бы провести остатки дней моихъ Какъ только представится мнѣ возможнымъ устроить всѣ мои дѣла, я буду проситься въ отставку“ Въ ожиданіи этого, Беннигсенъ, проживая въ Закретѣ, не ограничивался тѣмъ, что ѣлъ, пилъ и спалъ; онъ занимался во первыхъ своимъ имѣніемъ, отличавшимся красивымъ мѣстоположеніемъ. а во вторыхъ, исторіею послѣдней войны, которая, по его словамъ, не будетъ выпущена въ свѣтъ, прежде чѣмъ онъ не испроситъ на это одобреніе. Можно полагать, что это сочиненіе будетъ вообще читаться съ интересомъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ будетъ изложена одна правда, безъ всякаго преувеличенія. „Я пишу вовсе не для своего оправданія, въ которомъ не нуждаюсь, а для славы русскаго оружія“. Беннигсенъ къ концу 1810 г. написалъ уже все относившееся до военной стороны кампаніи 1806—1807 года и, по желанію своего пріятеля, А. Б. Фока, посылалъ ему для прочтенія копіи со своего сочиненія, изложеннаго въ формѣ писемъ. Онъ писалъ на французскомъ языкѣ и давалъ ихъ читать желающимъ, которые находили ихъ любопытными и поучительными.

Въ этихъ занятіяхъ незамѣтно для Беннигсена насталъ знаменитый для Россіи 1812 г. и вмѣстѣ съ тѣмъ началась давно ожидавшаяся война съ Наполеономъ. Какъ извѣстно, Императоръ Александръ еще до перехода французской арміи чрезъ р. Нѣманъ прибылъ съ небольшой свитой къ собраннымъ на нашей западной границѣ войскамъ, и имѣлъ пребываніе свое въ Вильнѣ. Онъ отнесся опять благосклонно къ Беннигсену и назначилъ его въ іюнѣ мѣсяцѣ 1812 г. состоять при своей Высочайшей Особѣ со всемилостивѣйшимъ дозволеніемъ носить на эполетахъ шифръ Его Величества[2]). Можно усомниться, чтобы подобное назначеніе удовлетворяло вполнѣ побѣдителя Наполеона при Пултускѣ и Прейссишъ-Эйлау. Это было своего рода почетное бездѣйствіе, особенно послѣ того, какъ самъ Императоръ въ началѣ іюля покинулъ армію и уѣхалъ какъ извѣстно въ Москву. „Не я домогался службы, пишетъ онъ свей женѣ позднѣе, *а меня просили вступить*; я согласился съ возможною деликатностью, и не участвовалъ нисколько во всѣхъ сдѣланныхъ глупостяхъ; никогда бы Наполеонъ не зашелъ такъ далеко. если бы хотѣли слѣдовать моимъ совѣтамъ“. Беннигсенъ не намѣревался присоединиться къ арміи до возвращенія Императора и, располагая остаться въ какомъ либо городкѣ, для поправленія здоровья, держался вдали отъ дѣлъ на сколько возможно, находя, что, при отсутствіи Императора, его положеніе не соотвѣтствуетъ ни его возрасту, на заслугамъ, оказаннымъ государству[3]). Онъ писалъ Аракчееву, чтобы тотъ постарался извлечь его изъ унизительнаго положенія, въ которомъ онъ находится, просилъ Его Величество разрѣшить ему на время его отсутствія съѣздить въ Петербургъ по нѣкоторымъ частнымъ дѣламъ и чтобы имѣть счастье повергнуться къ стопамъ Его Величества. На это, однако, Высочайшаго соизволенія не послѣдовало[4]), но вмѣстѣ съ назначеніемъ главнокомандующимъ нашей арміи, дѣйствовавшей противъ Наполеона, кн. Голенищева-Кутузова, Беннигсенъ былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба этой арміи. Эту долж-

[1]) Письма г. Л. Л. Беннигсена къ другу его генер. А. Б. Фоку хранятся у наслѣдниковъ послѣдняго и съ ихъ любезнаго разрѣшенія были напечатаны мною въ Русской Старинѣ.

[2]) См. указанное нами дѣло архива Д. Герольд. Пр. Сената и Русск. архивъ 1874. № 3.

[3]) Изъ писемъ Беннигсена къ его супругѣ, безъ числа и отъ 2 и 11 іюля 1812 г.

[4]) См. Исторія Императора Александра I. ген. Н. К. Шильдера т. III ст. 513.

ность, пишетъ онъ супругѣ, можетъ занять любой генералъ-маіоръ, но я исполняю ее охотно, ибо это полезная дѣятельность; чрезъ мои руки все проходитъ; Кутузовъ прекрасно со мною обходится, не могу нахвалиться имъ, онъ очень ко мнѣ внимателенъ, оказываетъ мнѣ полное довѣріе и т. д.; все это меня вполнѣ вознаграждаетъ. Вездѣ съ восторгомъ насъ встрѣчаютъ въ арміи, видя согласіе въ начальникахъ. Расходовъ у меня теперь много; долженъ кормить массу адъютантовъ, а столовыхъ не даютъ, имѣнія же мои въ Россіи— разграблены французами. Кн. Кутузовъ обѣщалъ для меня сдѣлать то, что и другимъ генераламъ. Скоро, какъ извѣстно, послѣдовала Бородинская битва 26 августа, въ которой принялъ видное участіе Беннигсенъ, награжденный за это сраженіе орденомъ Св. Владиміра I степени. Самъ Главнокомандующій, щедро награжденный за это сраженіе, при поздравленіи съ Высочайшими наградами, обнялъ Беннигсена и *на ухо* сказалъ ему со слезами на глазахъ: „Я вамъ много обязанъ, Леонтій Леонтьевичъ“. Это очень тронуло Беннигсена.

На состоявшемся затѣмъ, послѣ Бородинскаго сраженія, военномъ совѣтѣ 1 сентября, въ Филяхъ, Беннигсенъ, а также и нѣкоторые другіе генералы, участвовавшіе въ совѣтѣ, горячо высказывались въ пользу вторичнаго боя съ Наполеономъ ранѣе оставленія Москвы въ распоряженіе французовъ. Властію Кутузова рѣшено было сдать древнюю столицу Россіи французамъ безъ боя. „Я полагаю, пишетъ по этому поводу Беннигсенъ Аракчееву, что отдача Москвы произвела вліяніе въ С.-Петербургѣ. 1 сентября, въ семь часовъ вечера былъ избранъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено отдать Москву, что немедленно было исполнено. Генералъ Барклай усерднѣе всѣхъ поддерживалъ это мнѣніе, увѣряя что самъ Государь одобритъ оное. Время покажетъ намъ, въ какой степени справедливо такое увѣреніе. Весьма желалъ бы я довести до Монаршаго свѣдѣнія, что я никакъ не соглашался на сіе предложеніе, объясняя причины моего противоположнаго мнѣнія и поставляя на видъ всѣ вредныя послѣдствія мною предусматриваемыя По принятіи мнѣнія генерала Барклая, я оставилъ совѣтъ. Кажется, князь Кутузовъ нынѣ убѣдился, что онъ сдѣлалъ большую ошибку и совѣтуется со мною относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Надѣюсь, что наше положеніе вскорѣ поправится. Полковникъ Мишо отправляется съ симъ для доклада о будущихъ операціяхъ Его Императорскому Величеству“ [1]).

Общій ходъ военныхъ событій отъ Москвы до Березины настолько извѣстенъ, что едва ли необходимо ихъ излагать въ немногихъ словахъ въ біографіи Беннигсена. Упомянемъ только, что послѣдній расходился совершенно съ главнокомандующимъ кн. Кутузовымъ въ самой системѣ военныхъ дѣйствій противъ арміи Наполеона, разстроенной уже при самомъ выступленіи ея изъ Москвы. Она находилась уже въ самомъ жалкомъ положеніи въ первыхъ числахъ октября 1812 г., лошадей въ французской кавалеріи и артиллеріи не существовало, по словамъ Беннигсена [2]). Вполнѣ естественно, что, въ виду такого состоянія Французской арміи, Беннигсенъ постоянно предлагалъ дѣйствовать рѣшительно и наступательно, что противорѣчило вполнѣ мнѣнію главнокомандующаго, находившаго болѣе осторожнымъ держаться системы выжидательной, т. е. самому не дѣйствовать, но предоставить гибель французовъ всесокрушающему вліянію времени. Поэтому всякій разъ какъ Беннигсенъ предлагалъ что нибудь предпринять противъ французовъ, ему приходилось, ссориться съ кн. Кутузовымъ и когда дѣло удавалось, послѣдній говорилъ только о себѣ, чтобы выхвалять себя одного (pour se faire valoir seul). [3]) Но это не воздерживало нисколько Беннигсена отъ подобныхъ предложеній, и въ началѣ октября онъ письменно представилъ князю, что, по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ и донесеніямъ, на подкрѣпленіе корпуса короля Неаполитанскаго, находившагося передъ нашею арміею недалеко отъ Тарутина, спѣшитъ маршалъ Викторъ съ корпусомъ и что польза Государя нашего и государства требуютъ, чтобы мы аттаковали короля Неаполитанскаго всѣми нашими силами, находящимися подъ начальствомъ князя Кутузова, до прибытія къ нему упомянутаго подкрѣпленія. Это тѣмъ болѣе необходимо намъ исполнить, что, по всѣмъ свѣдѣніямъ, самъ Наполеонъ находится еще съ гвардіею въ Москвѣ, а король

[1]) См. Архив. Воен. Топогр. Депо № 46692, также Богдановичъ—„Исторія Отечественной войны 1812 г.“ т. II ст. 231.

[2]) См. письмо его къ супругѣ, 3 октября изъ Леташевки.

[3]) См. письмо ей-же 7 октября.

Неаполитанскій имѣетъ при себѣ мало артиллеріи и не болѣе 8000 кавалеріи. Беннигсенъ выразилъ увѣренность, что князь Кутузовъ, конечно, лучше его самого оцѣнитъ важность дѣлаемаго имъ предложенія и дастъ ему приказаніе представить на его утвержденіе подлежащую диспозицію для нападенія на короля Неаполитанскаго.[1])

Послѣ многихъ очень непріятныхъ объясненій съ главнокомандующимъ, добрый и старый другъ (mon bon et vieux ami), какъ выражается Беннигсенъ о Кутузовѣ въ письмѣ своемъ къ женѣ отъ 3 октября 1812 г., согласился атаковать отрядъ короля Неаполитанскаго и, не смотря на то, что Беннигсенъ не былъ во время поддержанъ; что ген. Милорадовичу запрещено было идти ему на помощь; что его 2 раза во время дѣла Кутузовъ призывалъ къ себѣ за пять верстъ назадъ и что во время разгара дѣла Беннигсенъ получилъ приказаніе отъ Кутузова возвратиться на свою позицію,[2])— тѣмъ не менѣе французы были разбиты близъ Тарутина у деревни Дмитровки, 8 октября и потеряли 38 орудій, 48 зарядныхъ ящиковъ и много убитыхъ. Беннигсенъ, контуженный ядромъ въ колѣно, былъ награжденъ за это сраженіе 26 октября 1812 г. суммою въ *сто тысячъ* руб. единовременно, при Всемилостивѣйшемъ рескриптѣ.[3])

Сраженіе при Тарутинѣ побудило Наполеона быстро выступить изъ Москвы и начать бѣдственное для него отступленіе изъ предѣловъ Россіи; Беннигсена же, приписывавшаго всю славу этого блестящаго дѣла исключительно себѣ,[4]) оно могло вполнѣ естественно еще болѣе укрѣпить въ правильности взгляда его на необходимость дѣйствовать рѣшительно и наступательно противъ Наполеона, армія котораго въ полномъ разстройствѣ. Кутузовъ же продолжалъ держаться своего взгляда на образъ войны съ Наполеономъ, и Беннигсену всякій разъ, когда шла рѣчь о томъ, чтобы что нибудь предпринять противъ французовъ, необходимо было ссориться съ Кутузовымъ и даже выслушивать грубости отъ него[5]). Неоднократно, начиная съ 7 октября Беннигсенъ высказываетъ, что присутствіе самого Императора въ арміи необходимо какъ можно скорѣе,[6]) что *онъ только* окончитъ кампанію, ибо нашъ добрый старикъ не окончитъ ее никогда.[7]) Особа Императора необходима здѣсь для его чести, личной славы и чтобы довѣрить намъ, что покончимъ съ Бонапартомъ въ эту одну кампанію. Кутузовъ желаетъ, однако, дать ему ускользнуть, не раздавивъ его въ сраженіи, и тогда намъ будетъ предстоять вторая кампанія[8]). Позднѣе, 15 октября, Беннигсенъ писалъ своей супругѣ: „французская армія въ самомъ ужасномъ положеніи; если мы будемъ рѣшительно дѣйствовать, ни одинъ французъ, даже Бонапартъ не ускользнетъ; . . . . моментъ, когда армія Наполеона не могла ускользнуть отъ насъ, не будучи раздавлена, упущенъ—пропалъ безвозвратно. Дай Богъ, чтобы Царь прибылъ скорѣе“. Изъ окрестностей Вязьмы же отъ 24 октября онъ пишетъ: „жаль, что Наполеонъ ускользаетъ, это не должно было быть“. „Видѣлъ близъ Вязьмы всю большую дорогу Московскую, покрытую остатками великой арміи и ее въ бѣгствѣ; нельзи

[1]) См. Арх. Воен. Топогр. Дело № 46692, портфель 4. У Богдановича „Исторія Отечественной войны“ т. II ст. 648.

[2]) См. письмо къ супругѣ 10 октября.

[3]) Нельзя не упомянуть, что немного ранѣе Беннигсенъ навелъ на себя неудовольствіе Монарха. Онъ имѣлъ почему то свиданіе съ королемъ Неаполитанскимъ и, какъ сказано въ письмѣ Императора къ Кутузову, отъ 9 октября 1812 г., безъ всякой къ тому побудительной причины. Императоръ, поставляя Беннигсену на видъ сей несовмѣстный поступокъ, требовалъ отъ Кутузова дѣятельнаго и строгаго надзора, дабы и прочіе генералы никогда не имѣли никакихъ свиданій, а кольми паче подобныхъ переговоровъ съ непріятелемъ, стараясь всемѣрно оныхъ избѣгать. Богдановичъ „Исторія Отечественной войны“ т. II, ст. 394.

[4]) Въ письмѣ къ своей супругѣ 6 октября 1812 г. онъ рѣшительно высказываетъ: „je ne partage la gloire de cette belle journée avec personne: on me la doit à moi seul, dans toute étendue du terme“.

[5]) См. письма къ супругѣ 7 и 10 октября.

[6]) Письма 7 октября и 10 октября.

[7]) Письмо 7 октября.

[8]) Письмо 15 октября.

дѣлать двадцати шаговъ, не встрѣтивъ трупа человѣка, или лошади, лафета, повозки, зарядная ящика и т. д."

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти взгляды и пожеланія Беннигсена были извѣстны главнокомандующему. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Беннигсенъ открыто высказывалъ ихъ самъ въ разговорахъ, въ болѣе или менѣе тѣсномъ кругу военныхъ лицъ во время самаго похода, а съ другой, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и письма самого Беннигсена и даже адресованныя къ нему *вскрывались* въ главной квартирѣ и *задерживались*. „Не понимаю, *какъ можно задерживать письма* къ семейству, пишетъ Беннигсенъ своей женѣ еще 11 сентября, въ 2-хъ верстахъ отъ Москвы, ce sont de ces vilainies какъ и многія другія, которыя дѣлаются другой разъ; не *посылай ради Бога никогда* мои письма княгинѣ Кутузовой, тутъ *ихъ распечатываютъ*. Посылай скорѣе графу Аракчееву и онъ будетъ доставлять прямо". [1]).

Прибавьте къ этому, что въ главной квартирѣ кн. Кутузова, какъ и во всякой главной квартирѣ вообще, было немало лицъ, находящихъ свою личную выгоду и въ передачѣ, съ различными отъ себя толкованіями, разговора Беннигсена князя Кутузову и въ поселеніи между ними непріязненныхъ отношеній, и т. д. и тогда окажется, вполнѣ естественнымъ, что добрыя отношенія старыхъ друзей постепенно стали измѣняться и обостряться. Кутузовъ начинаетъ относиться иначе совсѣмъ къ Беннигсену, и постепенно лишаетъ его всякаго участія въ дѣлахъ войны. Нисколько не удивительно, что Беннигсенъ начинаетъ тяготиться своимъ положеніемъ при главной арміи; онъ находитъ кругъ своего дѣйствія до того ограниченнымъ, что опять представляетъ собою мало полезности (п. 3 окт.) „Мой другъ Кутузовъ своими худыми поступками (procédés) успѣлъ сдѣлать меня до того недовольнымъ, что если дѣла не измѣнятся, мнѣ невозможно будетъ здѣсь оставаться (п. 7 окт.); остаюсь здѣсь (тоже при арміи, ибо знаю что Императору непріятно будетъ если удалюсь, но какъ всякое зло должно имѣть конецъ, мнѣ невозможно оставаться долго въ такомъ положеніи (п. 10 окт.). Усталъ играть роль, которая мнѣ совсѣмъ нейдетъ; съ трудомъ переношу тягости, которымъ подверженъ; страдая и отъ контузіи, хожу съ большимъ трудомъ... Надѣюсь скоро быть въ Петербургѣ (п. 24 окт. близъ Вязьмы), гдѣ найду то, что мнѣ нужно—покой. Теперь прибылъ Тормасовъ и Корсаковъ: оба они старше меня чиномъ, и я совсѣмъ лишній".

Дѣйствительно, скоро между друзьями произошелъ полный разрывъ, и главнокомандующій кн. Кутузовъ далъ Беннигсену 15 ноября изъ главной квартиры въ мѣстечкѣ *Круглое*, слѣдующее крайне странное предписаніе уже тогда, когда армія Наполеона почти не существовала, а слѣдовательно для ея пораженія не требовалось никакихъ обдуманныхъ плановъ и сложныхъ комбинацій. Вотъ это предписаніе.

„По причинѣ болѣзненныхъ вашихъ припадковъ, извольте ваше высокопревосходительство, съ *полученія* сего отправиться *въ Калугу*, гдѣ и ожидать дальнѣйшаго вашего назначенія отъ Его Императорскаго Величества" [2]) Вмѣстѣ съ тѣмъ, одновременно кн. Кутузовъ донесъ объ этомъ распоряженіи и Его Величеству, добавивъ однако, что предписалъ Беннигсену отправиться въ Калугу не только по болѣзни, но *и по разнымъ другимъ обстоятельствамъ*, [3]) которыя, конечно, и были самыми главными побудительными причинами такого страннаго приказа. Страннымъ, чтобы не сказать болѣе, мы считаемъ этотъ приказъ не только потому, что по нашему понятію отправить заслуженнаго генерала, страдающаго болѣзненными припадками, въ зимнее время, безъ всякаго основанія, изъ м. Круглое въ Калугу, является чѣмъ то совсѣмъ дикимъ, какимъ то безсмысленнымъ самоуправствомъ, но главное, что Кутузовъ, давшій подобный приказъ, не имѣлъ, какъ оказалось силы и возможности его осуществить на дѣлѣ, а по нашему мнѣнію нѣтъ ничего глупѣе какъ отдавать приказанія, достичь осуществленія которыхъ на дѣлѣ не имѣется ни силы, ни возможности. Бен-

[1]) Письмо 15 октября Весьма характерно что Беннигсенъ довѣряетъ гораздо болѣе гр. Аракчееву, нежели своему начальнику, кн. Голенищеву-Кутузову, считая перваго несравненно болѣе порядочнымъ человѣкомъ, нежели свѣтлѣйшаго князя.

[2]) См. Богдановичъ—„Ист. Отеч. войны", т. III, стр. 483.

[3]) См. Арх. Воен. Топогр. депо, № 29172, также у Богдановича. т. III, стр. 482.

нигсенъ не только съ полученія сего приказа *не отправился* въ Калугу, но и послѣ никогда туда не ѣздилъ. Убѣжденный въ правотѣ своего дѣла, онъ самъ написалъ *изъ Круглаго*—же Императору Александру I, 16 ноября слѣдующее. „Ваше Императорское Величество, имѣю честь представить при семъ Вашему Императорскому Величеству полученное мною приказаніе г. фельдмаршала, князя Кутузова. Я былъ бы этимъ изумленъ, если бы не обязанъ былъ полагать, что военныя дѣйствія приходятъ къ окончанію, и пожелали удалить изъ арміи человѣка, находившагося обыкновенно въ авангардѣ. [1])"

Императоръ Александръ I,предувѣдомленный еще ранѣе Беннигсеномъ о несогласіяхъ, существующихъ между нимъ и княземъ Кутузовымъ, очень хорошо понялъ со своею обычною проницательностію, истинную причину, вызвавшую упомянутое предписаніе Кутузова Беннигсену и совершенно *не настаивалъ* на его исполненіи, несмотря на свое обычное ревностное стремленіе соблюдать и сохранять во всемъ дисциплину. Напротивъ того, Императоръ, въ письмѣ къ Беннигсену отъ 5 (17) декабря 1812 г., выражалъ свое сожалѣніе о всемъ происшедшемъ между нимъ и Кутузовымъ и предлагалъ Беннигсену, чтобы онъ *обождалъ его на* дорогѣ въ армію, въ которую Государь намѣревался на дняхъ ѣхать, [2]) съ тѣмъ, чтобы на словахъ переговорить съ нимъ о дальнѣйшей его участи. Такимъ образомъ, Государь не принялъ сторону главнокомандующаго въ этомъ столкновеніи его съ Беннигсеномъ и тѣмъ очевидно указывалъ Кутузову, что не считаетъ его распоряженіе правильнымъ. При послѣдовавшей въ скоромъ времени своей вторичной поѣздкѣ въ дѣйствующую армію, въ Вильну, осенью 1812 года, Императоръ Александръ встрѣтился съ Беннигсеномъ въ Порховѣ и лично разрѣшилъ ему отправиться, въ свое имѣніе въ Литвѣ для поправленія здоровья, разстроеннаго трудностями похода, еще болѣе различными нравственными непріятностями. Такъ былъ удаленъ изъ арміи Беннигсенъ, подобно Барклаю и Ермолову, потому что Кутузовъ не желалъ ни съ кѣмъ раздѣлять славы изгнанія французовъ изъ предѣловъ Россіи, по словамъ Левенштерна въ его Запискахъ. (Рус. Стар. 1901 г. т. II стр. 128). Повидавъ свою жену въ Петербургѣ короткое время, Беннигсенъ, въ первыхъ числахъ января 1813 года, прибылъ въ Вильну и посѣтилъ свой Закретъ. Ужасно было смотрѣть на это имѣніе; все было разворено и разграблено. Каменный домъ сгорѣлъ насколько только могъ. Садъ совсѣмъ уничтоженъ, оранжереи также; во дворѣ и уцѣлѣвшихъ постройкахъ лежало много больныхъ и много труповъ, писалъ Беннигсенъ своей супругѣ 15 января 1813 изъ Вильны. [3])

Онъ принялся за возможное исправленіе и возстановленіе всего уничтоженнаго въ Закретѣ, пребывалъ въ Савейкѣ, другомъ своемъ имѣніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуя своей привычкѣ, занялся изложеніемъ послѣдней его кампаніи 1812 года. Удаленіе отъ арміи его *не печалило*; онъ былъ очень доволенъ, что не состоитъ при арміи и если бы пожелали его вновь призвать, то онъ очутился бы въ очень затруднительномъ положеніи. Онъ намѣревался испросить себѣ разрѣшеніе въ апрѣлѣ мѣсяцѣ поѣхать въ Карлсбадъ для лѣченія и затѣмъ проѣхать въ Вѣну, но опасался подобною просьбою обезпокоить Государя, съ большимъ участіемъ къ нему относящагося и сдѣлавшаго ему много добра въ послѣднее время. Беннигсену и не довелось просить Его Величество объ увольненіи на воды. Положеніе военныхъ дѣлъ побудило, напротивъ того, Александра I привлечь Беннигсена снова къ участію въ новой кампаніи противъ Наполеона. Послѣ вступленія нашего въ предѣлы Германіи для ея освобожденія отъ ига Наполеона и послѣ неудачныхъ для насъ сраженій при Бауценѣ и Люценѣ, Беннигсенъ удостоился получить Высочайшій рескриптъ, чтобы онъ прибылъ въ возможной скорости въ Варшаву и, принявъ начальство надъ образуемою вновь значительною арміею, извѣстною подъ именемъ Литовской, спѣшилъ на содѣйствіе нашимъ военнымъ

[1]) Вотъ французскій подлинникъ этого письма: „Sire! j'ai l'honneur de soumettre ci joint à Votre Majesté Impériale l'ordre que je viens de recevoir de la part de M-r le maréchal prince Koutousoff. J'en aurais été etonné, Sire, si je n'avais du penser que les affaires militaires tirant à leur fin, on a voulu éloigner un homme qui se trouve ordinairement á l'avant-garde".

[2]) Императоръ выѣхалъ изъ столицы въ ночь съ 6 на 7 декабря 1812 г. къ своей арміи, получивъ уже извѣстіе о взятіи Вильны русскими войсками.

[3]) См. письмо его къ супругѣ изъ Савейки отъ 15 января, 10 апрѣля и 15 апрѣля 1813 г.

силамъ, дѣйствовавшимъ уже въ Германіи, подъ высшимъ и общимъ начальствомъ Императора Александра I. „Дѣла вѣрно плохи, что меня призываютъ опять, пишетъ онъ своей женѣ 2 іюня 1813 г., вообразили себѣ, что Наполеонъ раздавленъ, а между тѣмъ онъ насъ разбилъ, и я бы остался въ глуши какъ послѣ послѣдней кампаніи. Но Наполеонъ разбилъ насъ и меня призываютъ. Quel procédé!" (Что за образъ дѣйствій). Беннигсенъ съ презрѣніемъ даже и не опредѣляетъ нравственное качество подобнаго съ нимъ обращенія. Онъ исполнилъ долгъ истиннаго сына отечества и быстро покинулъ Савейки, гдѣ проживалъ. Проѣхавъ повновь возложеннымъ на него обязанностямъ службы въ Гродно и Бѣлостокъ, онъ прибылъ 8 іюня въ г. Варшаву, гдѣ, по распоряженію Ланского, былъ помѣщенъ въ Брюлевомъ дворцѣ временно, до устройства ему квартиры въ домѣ Рачинскаго. Сформировавъ армію, при ближайшемъ содѣйствіи и участіи Аракчеева, посланнаго къ нему Императоромъ, Беннигсенъ скоро выступилъ въ походъ и, вмѣстѣ съ отрядомъ Прусскихъ войскъ, осадилъ крѣпость Глогау, овладѣвъ ею, направился къ Дрездену, при чемъ при мѣстечкѣ Дона разбилъ часть корпуса маршала Сенъ-Сира, а остальную часть принудилъ укрыться въ крѣпости г. Дрездена, которую немедленно обложилъ. Подъ Дрезденомъ онъ получилъ приказаніе спѣшить по возможности къ Лейпцигу, чтобы принять участіе въ предположенномъ сраженіи въ окрестностяхъ этого города. Вслѣдствіе крайне худого состоянія дорогъ отъ сильныхъ дождей въ гористой мѣстности, по которой Беннигсену предстояло двигаться, онъ могъ поспѣть только ко второму дню знаменитой битвы гигантовъ подъ Лейпцигомъ и занялъ предназначенное ему по общей диспозиціи мѣсто на правомъ флангѣ. Кромѣ того, ему было ввѣрено командованіе надъ присоединенными къ нему корпусомъ генерала Платова и двумя австрійскими корпусами генераловъ Бубна и Кленау. 7-го (19) октября онъ повелъ аттаку на лѣвое крыло французскихъ войскъ, опрокинулъ его и взялъ въ плѣнъ нѣсколько тысячъ человѣкъ и 30 орудій. Затѣмъ онъ аттаковалъ одинъ изъ форштадтовъ г. Лейпцига Грима и послѣ сильнаго сопротивленія взялъ его штурмомъ и вступилъ въ городъ Лейпцигъ 7 октября 1813 г. Всѣ его дѣйствія и распоряженія въ этомъ сраженіи удостоились Высочайшаго одобренія, въ знакъ чего Беннигсенъ былъ возведенъ въ графское достоинство. Австрійскій Императоръ пожаловалъ ему командорскій орденъ Маріи Терезіи, а Король Шведскій орденъ Меча 1 класса. Въ дальнѣйшемъ движеніи союзныхъ войскъ къ берегамъ Рейна, Беннигсенъ, однако, не принималъ участія; признано было болѣе соотвѣтствующимъ, не оставляя его вблизи главной квартиры, направить подальше на берега р. Эльбы, чтобы наблюдать за французскими гарнизонами въ городахъ Дрезденѣ, Магдебургѣ и т. д., препятствовать имъ присоединиться къ маршалу Даву, занимавшему все время Гамбургъ, и, наконецъ, блокировать самый Гамбургъ. Неимѣніе при арміи Беннигсена осадной артиллеріи очень затянуло осаду Гамбурга, что лишило Беннигсена возможности принять какое либо участіе въ дальнѣйшихъ побѣдахъ нашихъ войскъ, которыя, какъ извѣстно, скоро подошли къ стѣнамъ Парижа и заняли столицу Франціи въ 1814 году, чѣмъ и завершилась кампанія 1814 года. Беннигсенъ за всю послѣднюю кампанію и одержанныя имъ побѣды 22 іюня 1814 г. былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 1 класса большого креста, а Король Датскій пожаловалъ ему орденъ Слона. Немного позднѣе, 30 августа 1814 г. въ уваженіе заслугъ графа Беннигсена, его супруга Марія Ѳаддѣевна была Высочайше принята въ число дамъ меньшаго креста ордена Св. Великомученицы Екатерины и удостоилась рескрипта отъ вдовствующей Императрицы Маріи Феодоровны.

По возвращеніи нашихъ войскъ въ предѣлы отечества, гр. Беннигсенъ былъ назначенъ командующимъ 3-ю южною арміею, расположенной близъ нашихъ турецкихъ границъ и отправлялъ эту обязанность до 1818 года. Въ мирное время, при средствахъ сообщенія того времени, это было своего рода почетное удаленіе отъ дѣлъ. Беннигсенъ это конечно понялъ и не замедлилъ испросить себѣ разрѣшеніе оставить русскую службу и уѣхать на родину въ Ганноверъ. При этомъ, ему сохранено было получаемое имъ содержаніе, съ тѣмъ, однако, что русское правительство можетъ воспользоваться службою гр. Беннигсена въ случаѣ надобности. Таковой случай представился въ 1818 году, когда Беннигсенъ былъ назначенъ въ числѣ представителей Россіи на конгрессъ въ г. Аахенѣ, ближайшею задачею котораго было разрѣшеніе вопроса объ удаленіи изъ предѣловъ Франціи союзныхъ войскъ,

занимавшихъ ее временно, до полной уплаты контрибуціи, а также вопроса о принятіи Франціи въ союзъ великихъ державъ. Конгрессъ этотъ продолжался съ 30 сентября по 21 ноября 1818 года, и по окончаніи онаго Беннигсенъ возвратился къ себѣ на родину. Все остальное время своей жизни гр. Беннигсенъ провелъ въ кругу своего семейства въ Ганноверѣ. Зимою онъ жилъ въ самомъ городѣ того же названія, въ купленномъ имъ домѣ, который былъ подаренъ ранѣе англійскимъ Королемъ Георгомъ II графинѣ Вальмоденъ. Беннигсенъ отдѣлалъ домъ съ роскошью почти неизвѣстною въ скромномъ Ганноверѣ. Высшее общество города часто посѣщало этотъ домъ и пользовалось любезнымъ гостепріимствомъ хозяина, пользовавшагося большимъ уваженіемъ и до конца жизни сохранившаго даръ привлекать къ себѣ всѣхъ лицъ болѣе или менѣе его знавшихъ, вѣжливымъ обращеніемъ и привлекательною бесѣдою. Лѣто же графъ проводилъ въ родовомъ имѣніи Бантельнѣ, въ кругу ближайшихъ родныхъ, гдѣ занимался окончаніемъ и приведеніемъ въ порядокъ различныхъ своихъ воспоминаній, а также большой переписки, которую онъ велъ во время дѣйствительной службы своей въ Россіи, съ современными ему государственными дѣятелями, какъ то, кн. П. М. Волконскимъ, А. Чарторижскимъ, В. П. Кочубеемъ, Куракинымъ, Нессельроде, гр. Разумовскимъ, гр. Н. П. Румянцевымъ, также Блюхеромъ, Шварценбергомъ и съ нѣкоторыми царственными особами какъ то, королемъ Голландіи, наслѣднымъ принцемъ Шведскимъ, императоромъ Австрійскимъ а также съ Императоромъ Александромъ I [1]).

Подъ старость гр. Беннигсенъ лишился зрѣнія и при помощи трости, придерживаясь другою рукою за веревку, протянутую по дорожкамъ сада, совершалъ свою любимую прогулку по парку, прилегавшему къ дому. Равнымъ образомъ, одна изъ его внучекъ часто читала ему вслухъ собственныя его воспоминанія, и маститый старецъ, припоминая времена и дѣла давно минувшихъ дней, поручалъ чтицѣ дѣлать дополненія и исправленія въ только что прочитанномъ ею. Кромѣ того, онъ слѣдилъ за событіями времени, слушая внимательно чтеніе газетъ въ то время еще не особенно многочисленныхъ. Онъ, между прочимъ, узналъ и о декабристахъ, осужденіе которыхъ его очень разстроило. Въ 1826 году его супруга отправилась въ Бѣлоруссію навѣстить родителей своихъ, а также и по дѣламъ хозяйства, порученнымъ ея супругомъ. Во время ея отсутствія бодрый старикъ 77 лѣтъ внезапно занемогъ, спокойно простился со всѣми родными, его окружавшими, благословилъ ихъ, причастился какъ набожный христіанинъ, Св. Тайнъ, и умеръ 2 октября 1826 года въ отсутствіе своей любимой супруги. Онъ былъ погребенъ въ лютеранской церкви Бантельна.

По возвращеніи графини Беннигсенъ въ Бантельнъ, нашъ повѣренный резидентъ въ дѣлахъ въ Гамбургѣ ст. сов. Генрихъ Струве, по приказанію Императора Николая I, потребовалъ отъ нея всѣ бумаги покойнаго ея супруга, которыя и были ему немедленно переданы; въ полученіи оныхъ г. Струве и выдалъ росписку 25 ноября 1826 г. (7 декабря), графинѣ Беннигсенъ, пережившей на много своего супруга: она скончалась чрезъ 29 лѣтъ, въ 1855 г., въ томъ же Бантельнѣ и погребена рядомъ.

Большая часть отобранныхъ бумагъ Беннигсена поступила позднѣе въ Архивъ Военно-Ученаго Комитета при Военномъ министерствѣ и была въ первый разъ извлечена мною на свѣтъ, благодаря просвѣщенному отношенію къ историческимъ бумагамъ и занятіямъ бывшаго военнаго министра г. Куропаткина, и напечатана частью въ Русской Старинѣ, частію въ Военномъ Сборникѣ. Весьма недавно, при моемъ непосредственномъ и ближайшемъ участіи, главнѣйшія воспоминанія гр. Беннигсена были напечатаны въ Парижѣ капитаномъ французскаго генеральнаго штаба Казала (E. Cazalas), подъ руководствомъ историческаго отдѣла французскаго главнаго штаба, въ 3-хъ томахъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Mémoires du général Bennigsen.“ Въ это изданіе вошли, кромѣ записокъ гр Беннигсена о войнѣ 1806—1807 г. (съ весьма обширными и важными примѣчаніями, дополненіями и прекрасными картами), также письма его о войнѣ 1812 года и 1813 г., большая переписка его съ разными лицами въ 1813 г. а также и письмо его отъ 9 марта 1801 г. о кончинѣ Императора Павла I.

Кромѣ того, еще въ годы молодости, во время начала своей службы въ Россіи гр. Беннигсенъ въ 1794 г., напечаталъ въ Ригѣ и Вильнѣ „Gedanken über einige dem officier

[1]) Это все усматривается изъ росписки г. Струве, выданной вдовѣ гр. Беннигсена въ полученіи отъ нея бумагъ и переписки ея покойнаго супруга.

der leichten Cavallerie notwendiges Kenntniss des Kriegsdienstes und der Pferde", т. е. „Мысли о нѣкоторыхъ познаніяхъ въ военной службѣ и о лошадяхъ, необходимыхъ для офицера легкой кавалеріи". Эта книга вышла 2-мъ изданіемъ въ 1805 году.

Портретъ гр. Беннигсена былъ награвированъ въ Вѣнѣ извѣстнымъ Артарія въ 1807 г. Также въ портретной галлереѣ Зимняго Дворца въ Петербургѣ имѣется прекрасный его портретъ работы англійскаго художника Дау. Въ заключеніе, позволимъ себѣ привести нѣсколько строкъ, относящихся въ характеристикѣ гр. Беннигсена, принадлежащихъ, повидимому [1]), перу партизана Дениса Давидова. Хотя онъ относится неблагосклонно къ Беннигсену и его военнымъ дѣйствіямъ, тѣмъ не менѣе, признаетъ, что имя Беннигсена принадлежитъ исторіи. „Онъ первый послѣ Суворова удачно примѣнялъ его же стратегическія и тактическія нововведенія въ большихъ размѣрахъ. При геройской храбрости, при обширныхъ тактическихъ и стратегическихъ познаніяхъ, при наблюдательномъ умѣ, при опытности, пріобрѣтенной имъ въ походахъ Суворова, при непоколебимомъ хладнокровіи, Беннигсенъ не имѣлъ именно тѣхъ качествъ души, которыя необходимы предводителю русской арміи и въ особенности такому, которому предстояла борьба съ геніальнымъ Наполеономъ. Онъ медлилъ тогда, когда все зависѣло отъ дружнаго пламеннаго натиска, никогда не нападалъ на враговъ какъ снѣгъ на голову и не зналъ смысла словъ: глазомѣръ, быстрота, натискъ". Авторъ, однако, не опредѣляетъ, что разумѣетъ подъ словами *качества души*, которыя необходимы предводителю русской арміи. Позволимъ себѣ замѣтить, что Беннигсенъ никогда и не добивался быть *предводителемъ Русской арміи*. Онъ прекрасно понималъ и прямо выразилъ въ письмѣ Императору Александру I, что во главѣ русскихъ войскъ должно быть *лицо русское* и что, тѣмъ не менѣе, остается другимъ возможность пожать много славы, строго исполняя обязанности, возлагаемыя любовью къ Государю, любовью къ родинѣ и любовью къ своему роду занятій. (Jamais Sire, Votre Majesté Imperiale le scait, je n'ai brigué le commandement en chef; je suis convaincu qu'il faut un nom russe à la tête des armées (russes), et il se trouve toujours assez de gloire à recueillir quand on remplit strictement les devoirs qu'imposent l'amour de son Souverain, celui de l'état et celui de son metier[2]).

Нельзя кажется посѣтовать на то, что эти прекрасныя слова имѣютъ слишкомъ большое примѣненіе въ наши дни.

П. М. Майковъ.

С. Петербургъ, іюня 10 дня 1912 года.

---

[1]) Въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ рукописномъ ея отдѣленіи, хранится, въ числѣ бумагъ А. Ѳ. Воейкова, рукопись четко переписанная въ трехъ экземплярахъ почти тождественнаго содержанія, за исключеніемъ небольшихъ въ нихъ измѣненій и поправокъ подъ заглавіемъ: „Записка о генералѣ Беннигсенѣ," при чемъ изъ приложенныхъ бумагъ можно предположить, что ее составилъ Д. Давыдовъ.

[2]) См. письмо Беннигсена къ Императору Александру I отъ 9 ноября 1812 г. (Богдановичъ т. III, стр. 482).

П. Майковъ.

Письма графа Л. Л. Беннигсена о войнѣ 1812 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Потомокъ древней баронской фамиліи въ Ганноверѣ, позже графъ, Леонтій Леонтьевичъ Беннигсенъ, какъ извѣстно, большую часть своей жизни прослужилъ нашему Отечеству, участвовалъ въ войнахъ нашихъ съ Турціей и Польшей, при Императрицѣ Екатеринѣ II, и отличился при взятіи Дербента въ Персидскую войну 1796 года. Впослѣдствіи, онъ командовалъ одною изъ русскихъ армій, посланныхъ въ 1805 г. на помощь Австріи, стоялъ во главѣ нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Наполеона въ 1806—1807 г. и нанесъ ему пораженіе подъ Пултускомъ и Прейсишъ-Эйлау. Въ славную для насъ войну 1812 г. Беннигсенъ принималъ участіе въ знаменитомъ Бородинскомъ сраженіи и руководилъ извѣстнымъ сраженіемъ при Тарутинѣ, а затѣмъ, въ 1812 г., командуя такъ называемою Польскою арміею, оказалъ рѣшающее вліяніе въ битвѣ гигантовъ подъ Лейпцигомъ, за что былъ возведенъ въ графское достоинство Россійской Имперіи. По заключеніи Парижскаго мира, онъ былъ назначенъ командующимъ 2-й арміей. Въ 1818 году Беннигсенъ былъ по своей просьбѣ уволенъ отъ этой должности, вышелъ въ отставку и вернулся на родину въ Ганноверъ, гдѣ и скончался въ 1826 году, среди своего семейства. Всѣ оставшіяся послѣ него письма и бумаги поступили тогда же въ распоряженіе русскаго правительства и долгое время хранились въ военномъ министерствѣ, какъ говорится, подъ семью печатями и, насколько мнѣ извѣстно, никто означенными бумагами не пользовался. Ни г. Богдановичъ въ своей Исторіи Отечественной Войны 1812 года, ни Н. К. Шильдеръ, въ сочиненіи „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“ на бумаги Беннигсена не указываютъ.

Близко знакомый съ внукомъ и правнукомъ генерала Александра Борисовича Фока, одного изъ доблестныхъ сподвижниковъ Императора Александра I по Отечественной войнѣ 1812 года, одно время дежурнаго генерала при Беннигсенѣ въ войнѣ 1806—7 года, и съ давнихъ поръ большаго его пріятеля, я имѣлъ случай узнать,

что у нихъ хранятся письма или записки Беннигсена о войнѣ 1806—1807 года на французскомъ языкѣ, которыя и были мною переведены и напечатаны въ Русской Старинѣ 1896—1900 г. и изданы отдѣльною книгою. При переводѣ этихъ записокъ или писемъ Беннигсена, оказалось, что въ хранившемся потомками А. Б. Фока экземплярѣ оныхъ, нѣкоторыхъ тетрадей на лицо не имѣется. Желаніе представить читателямъ возможно полный переводъ записокъ графа Беннигсена, побудило меня обратиться въ военное министерство съ просьбою: допустить меня ознакомиться съ хранимыми имъ бумагами генерала Беннигсена. Бывшій въ то время военный министръ, а потомъ главнокомандующій всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами, дѣйствующими противъ Японіи, генералъ-адъютантъ А. Н. Куропаткинъ, вполнѣ сочувственно отнесся къ моей просьбѣ, и, по его приказанію, всѣ бумаги графа Л. Л. Беннигсена, были препровождены въ Архивъ Военно-Ученаго Комитета, гдѣ я имѣлъ возможность подробно съ ними ознакомиться.

Въ означенныхъ бумагахъ, кромѣ значительной переписки графа Беннигсена съ выдающимися военными лицами, ему современными, а также его записокъ или писемъ о войнѣ 1806—1807 г. оказались еще письма его на французскомъ языкѣ къ тому же его другу, генералу А. Б. Фоку, о войнѣ 1812 и 1813 годовъ, которыя по настоящее время напечатаны не были.

Безъ сомнѣнія, все относящееся до великой эпохи Отечественной войны не можетъ не интересовать истиннаго русскаго человѣка, справедливо гордящагося этою народною войною, а потому смѣю предполагать, что и письма о ней такого виднаго военнаго дѣятеля, какъ ген. Беннигсенъ, прочтутся не безъ любопытства въ переводѣ, сдѣланномъ мною по возможности дословно. Лишнее говорить, что никто изъ нашихъ историковъ войны 1812 года не былъ знакомъ съ этими письмами, появленіе которыхъ въ печати всецѣло обязано просвѣщеннымъ воззрѣніямъ генералъ адъютанта А. Н. Куропаткина. Позволяю себѣ выразить мою глубочайшую признательность его высокопревосходительству за такое просвѣщенное отношеніе къ хранящимся въ архивѣ историческимъ матеріаламъ, которые уже по давности времени смѣло подлежатъ оглашенію, не представляя собою въ настоящее время никакой опасности. Не могу, вмѣстѣ съ тѣмъ, также не пожелать, чтобы примѣръ подобнаго отношенія не остался безъ возможно большаго подражанія со стороны другихъ лицъ, въ главномъ завѣдываніи которыхъ состоятъ наши архивныя сокровища.

Что касается самихъ писемъ генерала Беннигсена, представляемыхъ мною на благоусмотрѣніе читателей, то, собственно говоря, это не письма, потому что они никогда не были даже отправлены по назначенію, а скорѣе мысли или замѣчанія Беннигсена о различныхъ событіяхъ Отечественной войны 1812 г., написанныя

имъ, какъ видно изъ помѣтъ на предполагавшихся письмахъ, непосредственно подъ впечатлѣніемъ совершившихся событій. Эти мысли написаны, по преимуществу, рукою самого Беннигсена на французскомъ языкѣ, на простой бумагѣ большого формата, съ немалыми поправками и вставками, свидѣтельствующими, что авторъ позже пересматривалъ и дополнялъ написанное имъ, прежде нежели сдѣлать оное извѣстнымъ даже своему другу.

П. Майковъ.

Декабря 24.
1906 г.

Отъ редакціи.

Въ настоящее время имѣется весьма хорошее и полное французское изданіе писемъ гр. Беннигсена, выпущенное подъ редакціей Историческаго Отдѣленія Французскаго Главнаго Штаба. Введеніемъ и примѣчаніями это изданіе снабдилъ Инжен. патент. Капитанъ Казаласъ.—Война 1812 года занимаетъ часть 3-го тома мемуаровъ. (Mémoires du général Bennigsen, avec une introduction, des annexes et des notes du Capitaine du génie brev. E. Casalas. Tome III. Campagne de 1812 et de 1813 et Annexes. Paris, H. Charles-Lavauzelle).

Редакція.

ПИСЬМО I.

Вильна... [1]) Май 1812 годъ.

Неизбѣжность войны Россіи и Франціи послѣ Тильзитскаго мира и приготовленія сторонъ къ этой войнѣ. Взаимныя отношенія главныхъ европейскихъ державъ въ началѣ XIX вѣка. Нарушенія трактатовъ со стороны Наполеона. Отношенія Россіи и Франціи.

Вновь имѣю случай говорить съ вами, генералъ, о событіяхъ чрезвычайно интересныхъ. Война Россіи съ Франціей готова вспыхнуть; какъ свидѣтель—очевидецъ, я буду сообщать вамъ подробныя о ней свѣдѣнія по мѣрѣ хода событій. Эта война дѣлалась рано или поздно неизбѣжною, вслѣдствіе Тильзитскаго мира. Поэтому, люди просвѣщенные считали этотъ миръ, подобно Аміенскому для Англіи, только пріостановкою военныхъ дѣйствій и полагали, что онъ не могъ имѣть иныхъ послѣдствій, какъ только новый разрывъ. Обѣ воюющія стороны до того прекрасно это сознавали, что употребили все время этого кажущагося спокойствія на приготовленіе средствъ, необходимыхъ къ дѣйствію съ силою въ этой новой борьбѣ, которую всѣ предвидѣли и которая безошибочно опредѣлила бы преобладаніе одной изъ этихъ двухъ великихъ державъ на остальномъ материкѣ Европы. Десятаго марта новаго стиля 1812 г. появился въ Парижѣ новый указъ Сената о сформированіи во Франціи когортъ ополченій перваго и второго разряда, словно всей странѣ угрожало вторженіе непріятеля. Союзный договоръ между Наполеономъ и королемъ Прусскимъ былъ заключенъ въ Парижѣ 24-го февраля (н. ст.) 1812 г. Въ то же время состоялся трактатъ между Франціею и Австріею, по которому обѣ эти державы обязывались выставить 30 т. войскъ на помощь той изъ нихъ, которая подвергнется нападенію [2]). Наполеонъ потребовалъ немедленно этотъ отрядъ войскъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Россія намѣревается сдѣлать нападеніе на его владѣнія.

---

[1]) Числа нѣтъ.

[2]) Этотъ союзный договоръ подписанъ 2 (14) марта 1812 года.

Россія, съ своей стороны, напрягала величайшія усилія къ увеличенію состава ея войскъ; она успѣла довести численность ихъ до небывалаго доселѣ размѣра; объ этомъ я скажу нѣсколько словъ позже.

Наполеонъ, между тѣмъ, явилъ новое доказательство своего искусства порождать раздоры между различными державами, согласіе которыхъ могло бы увеличить силы Россіи, а слѣдовательно сдѣлаться для него пагубнымъ. Припомнимъ, что послѣ войны 1805 года онъ сумѣлъ различными обѣщаніями, повидимому, выгодными, но на дѣлѣ совершенно призрачными, отдѣлить Пруссію отъ Англіи и Швеціи и въ тоже время охладить свои сношенія съ Австріею и Россіею. Наполеонъ не упустилъ перваго, представившагося ему, удобнаго случая наказать Пруссію по заслугамъ за ея довѣрчивость, разгромивъ ее въ самое короткое время при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, въ 1806 году. Впрочемъ, несмотря на всѣ военныя приготовленія какъ Россіи, такъ и Франціи къ новой войнѣ, обѣ эти державы сохраняли, тѣмъ не менѣе, видимые признаки искреннѣйшей задушевности, частыми завѣреніями о своей дружбѣ (малую искренность которой даже не старались скрыть), самымъ вѣжливымъ обхожденіемъ и тѣмъ уваженіемъ, которымъ пользовались представители этихъ державъ при ихъ дворахъ.

Тильзитскимъ миромъ 1807 года Наполеонъ расторгъ установившееся великое соглашеніе между Россіею, Швеціею и Англіею. Онъ убѣдилъ Императора Александра I объявить себя приверженцемъ его континентальной системы, естественнымъ послѣдствіемъ которой являлась война Россіи съ означенными двумя государствами. Этимъ дѣйствіемъ Наполеонъ ослаблялъ Англію и всѣ сѣверныя державы Европы. Англійское правительство, зная какое назначеніе предполагаетъ дать Наполеонъ Датскому флоту, приказало своему адмиралу Каткарту сдѣлать нападеніе на Копенгагенъ, изъ гавани котораго датскій флотъ былъ отведенъ въ Англію.

Англія была ослаблена, какъ отправкою въ Балтійское море своего флота, который могъ-бы быть направленъ непосредственно противъ Франціи, такъ и выдачею различныхъ субсидій, которыя не могла не уплачивать Швеціи для поддержки ея въ войнѣ съ Россіею. Положительно извѣстно, что король Швеціи, Густавъ Адольфъ III, личный врагъ Наполеона, не могъ противостоять превосходнымъ силамъ Россіи, скоро изнемогъ въ не равной борьбѣ и потерялъ корону Швеціи, а сама Швеція—остальную часть Финляндіи, которую она была принуждена, по Фридрихсгамскому миру, заключенному въ Сентябрѣ 1809 года, уступить Россіи. Не должно, впрочемъ, себѣ воображать, что Наполеонъ съ радостью принялъ извѣстіе объ этомъ мирѣ и о завоеваніи Россіею остальной Шведской Финляндіи. Онъ надѣялся, что Швеція не такъ скоро изнеможетъ въ борьбѣ и что Россія будетъ, слѣдовательно, до-

лѣе озабочена двумя войнами, съ Швеціею и Турціею. Во всѣ времена собственные интересы Франціи побуждали ее поддерживать Швецію противъ Россіи, и эта политика не измѣнилась и въ наши дни. Наполеону очень хорошо извѣстно, что всякое увеличеніе могущества Россіи становится опаснымъ, если и не непосредственно самой Франціи, то ея вліянію на материкъ Европы. Наполеонъ покорился судьбѣ и, въ своемъ сообщеніи Сенату въ апрѣлѣ 1810 года, выразилъ: „Императоръ Александръ совершилъ завоеваніе Финляндіи, Молдавіи и Валахіи; *я этому не завидую* и т. д.“

Россія, съ одной стороны, была ослаблена прежде всего потерею части ея флота, которою овладѣла Англія въ Лиссабонѣ, а затѣмъ, застоемъ всей ея торговли, разстроившимъ ея финансы и кредитъ. По условію мирнаго Тильзитскаго трактата русскія войска обязаны были очистить Молдавію и Валахію, а за перемиріемъ, заключеннымъ между Россіею и Турціею, должно было послѣдовать заключеніе мира между означенными двумя державами [1]). Но Наполеонъ, уже составившій себѣ планъ завоеванія Испаніи и Португаліи, смотрѣлъ сперва не безъ неудовольствія на то, что Россія въ это время занята войною, а затѣмъ, онъ скоро перемѣнилъ свое воззрѣніе. Онъ убѣждалъ Императора Александра продолжать эту войну, не только обѣщая ему обезпечить за Россіею обладаніе Молдавіей и Валахіей, но даже обѣщая ему свое содѣйствіе при этомъ завоеваніи, если только императоръ будетъ въ томъ нуждаться.

Такое завоеваніе шло совершенно въ разрѣзъ интересамъ Франціи, какъ это я уже объяснялъ въ моихъ запискахъ о войнѣ 1806—1807 годовъ. Бросьте взглядъ на карту и вы увидите, куда приводило Россію завоеваніе Валахіи и на сколько оно приближало ее къ Адріатическому морю. Отъ границъ банната Краіово не болѣе 500 верстъ до Албаніи и столько же до предѣловъ Венеціанской республики. Присоедините къ этому еще и то, что въ этомъ предположеніи Сербія дѣлалась областью, совершенно зависимою отъ Россіи, границы которой были всего только въ разстояніи 160 верстъ отъ обѣихъ упомянутыхъ странъ. Какимъ же образомъ завѣренія Наполеона могли являться искренними? Послѣдствіе времени вполнѣ доказало также, что онъ имѣлъ намѣреніе дѣйствовать совершенно противоположно тому, что говорилъ.

Наполеонъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что Австрія не будетъ смотрѣть спокойнымъ и равнодушнымъ взоромъ на пріобрѣтеніе Россіею Валахіи и надѣялся воспользоваться тою завистью, которую такое пріобрѣтеніе должно было возродить среди Вѣнскаго двора. Австрія безспорно не мало погрѣшила противъ Россіи, предоста-

[1]) По Тильзитскому трактату Наполеонъ принималъ на себя посредничество въ примиреніи Россіи съ Портою, причемъ было положено русскимъ очистить Дунайскія Княжества (Молдавію и Валахію), а Туркамъ не вводить туда войска до заключенія мира съ Россіею. Этотъ миръ былъ заключенъ 16 (28) мая 1812 года въ Бухарестѣ.

вивъ ее собственнымъ средствамъ и не оказавъ ей никакого содѣйствія во время послѣдней войны ея съ Наполеономъ въ 1806—1807 годахъ. Наполеонъ также сумѣлъ искусно поддержать неудовольствіе, вызванное такимъ поведеніемъ Вѣнскаго двора среди Петербургскаго кабинета и воспользоваться имъ; онъ успѣлъ убѣдить Императора Александра I двинуть значительный отрядъ войскъ противъ Австрійской монархіи въ 1809 году, когда онъ объявлялъ ей войну. Послѣдствія этого извѣстны. Отряды войскъ, которые австрійцы должны были направить противъ русскихъ, усиливавшихъ собою французскую армію въ герцогствѣ Варшавскомъ, не смотря на то, что русскіе не дѣйствовали съ достаточною энергіею, очень ослабляли силы австрійцевъ, направленныя противъ Наполеона. Австрійцы полагаютъ, что подобная диверсія, учиненная русскими войсками, много содѣйствовала тому, что могущество Австріи уменьшилось до такой степени, что она на долго не могла быть уже опасною Франціи. Неудовольствіе Вѣнскаго двора, въ свою очередь, проявилось въ это время и противъ Россіи. Заглушивъ въ немъ всякое сознаніе дѣйствительныхъ своихъ интересовъ и побуждая Австрію покинуть стезю здравой политики, это неудовольствіе ея къ Россіи доставило Наполеону, въ войнѣ его противъ Россіи въ 1812 году, отрядъ войскъ въ 30 тыс. человѣкъ, подъ начальствомъ принца Шварценберга, бывшаго посланника Австріи сперва въ Петербургѣ, во время разрыва въ 1809 году, а затѣмъ въ Парижѣ (по заключеніи Вѣнскаго мира), гдѣ онъ и пребывалъ до того времени, какъ Наполеонъ потребовалъ назначенія его начальникомъ отряда австрійскихъ войскъ. Наполеону было не безъизвѣстно, что Шварценбергъ имѣлъ основанія быть недовольнымъ обращеніемъ съ нимъ Россійскаго двора, при отъѣздѣ изъ Петербурга, и онъ надѣялся, что личное неудовольствіе Шварценберга побудитъ его дѣйствовать съ большею рѣшительностію въ предстоящей войнѣ.

Наполеону удалось также привлечь на свою сторону военныя силы Пруссіи и всѣ средства, которыми располагаетъ это королевство, чтобы воспользоваться ими въ своей войнѣ съ Россіею. Можно было ожидать, что король Пруссіи станетъ на сторону Императора Александра и, конечно, онъ это и сдѣлалъ бы, если-бы только Россія предупредила Францію и начала бы первая наступательныя свои дѣйствія еще въ 1811 году, то есть въ такую эпоху, когда ей не нужно было еще страшиться военныхъ силъ Франціи, какъ это мы увидимъ впослѣдствіи. Но Наполеонъ сумѣлъ склонить Пруссію къ тому, что она просила его союза.

Прежде, нежели, продолжать мое изложеніе, сдѣлаю здѣсь заключеніе, достойное вниманія. Въ 1805 году Австрія, въ союзѣ съ Россіей, вела войну съ Франціей, а Пруссія только собиралась принять участіе въ этомъ союзѣ противъ Франціи. Въ 1806 и 1807 го-

ду Пруссія и Россія сражалась за одно противъ Наполеона, Австрія же оставалась нейтральною зрительницею этой войны. Въ 1809 г. Франція и Россія вели войну заодно противъ Австріи, но Пруссія пребывала нейтральною. Въ настоящее же время (т. е. въ 1812 г.), Франція, Австрія и Пруссія ведутъ заодно войну съ Россіею. Возможно-ли допустить, чтобы политика кабинетовъ и интересы народовъ могли бы до того измѣняться въ столь короткое время и при томъ въ столь противоположномъ направленіи? Съ другой стороны, невозможно сомнѣваться также и въ томъ, чтобы кабинеты такихъ сильныхъ державъ не руководствовались массою свѣдѣній и знаній, достаточныхъ къ отвращенію заблужденій и ошибокъ съ ихъ стороны, при обсужденіи дѣйствительныхъ интересовъ ихъ странъ. Я не отваживаюсь обсуждать подробно этотъ вопросъ, предоставляя это лицамъ, болѣе меня посвященнымъ въ политическія дѣла европейскихъ государствъ.

Враждебный замыселъ Наполеона противъ Россіи рушился благодаря Швеціи. Извѣстно, что Наполеонъ готовилъ себѣ союзъ и содѣйствіе Швеціи противъ Россіи.

Предложенія, сдѣланныя имъ Швеціи и осуществленіе которыхъ онъ считалъ возможнымъ обезпечить ей заранѣе, заключались въ слѣдующемъ: Швеціи возвращалась шведская Финляндія, къ которой Наполеонъ присоединялъ еще и русскую Финляндію, до береговъ рѣки Невы, такъ что часть столицы (г. Петербургъ) отходила къ Швеціи. Кромѣ того, Швеціи возвращалась шведская Померанія, съ присоединеніемъ къ ней герцогства Мекленбургскаго. Сверхъ того, Франція уплачивала Швеціи единовременно шесть милліоновъ франковъ и, кромѣ того, ежемѣсячно столько же во все время продолженія войны съ Россіею.

Наполеонъ не замедлилъ завѣрить Порту Оттоманскую, что подобный договоръ съ Швеціею уже совершенно заключенъ и что онъ приступаетъ къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи, имѣя въ виду такимъ заявленіемъ убѣдить Диванъ не заключать мира съ Россіею, о которомъ уполномоченные обѣихъ сторонъ хлопотали съ большіемъ усердіемъ. Но наслѣдный принцъ шведскій [1]) отправилъ въ Константинополь своего генерала Таваста, чтобы разувѣрить султана въ этихъ словахъ Наполеона и разъяснить ему истинное положеніе дѣлъ. Генералъ Тавастъ прибылъ еще достаточно во время въ Константинополь и успѣлъ ускорить ратификацію мирнаго договора съ султаномъ, заключеннаго уже визиремъ въ Рущукѣ. Наслѣдный принцъ шведскій одновременно приказалъ генералу графу Лёвенгельму, своему представителю въ то время въ Петербургѣ, вручить Императору Александру бланкъ

[1]) Это былъ, какъ извѣстно, французскій маршалъ Бернадоттъ, избранный въ наслѣдники престарѣлаго шведскаго короля.

за его подписью, на которомъ Императоръ могъ-бы самъ написать инструкціи шведскому повѣренному въ дѣлахъ при Оттоманской Портѣ, о томъ, какъ онъ долженъ поступать при настоящихъ обстоятельствахъ. Съ этою инструкціею былъ отправленъ въ Константинополь нѣкто Гуммель, состоящій при шведскомъ посольствѣ въ Петербургѣ.

Никто лучше наслѣднаго шведскаго принца не зналъ, что всѣ заключенные Наполеономъ договоры были для него священны настолько, на сколько они соотвѣтствовали интересамъ его личной славы или его видамъ на дальнѣйшія завоеванія. Кромѣ того, постигая, что исходъ войны противъ такого великаго и храбраго народа, какъ народъ русскій, несмотря на всѣ, собранныя Наполеономъ силы противъ него, не можетъ быть непремѣнно благопріятенъ Франціи, наслѣдный принцъ очень мудро разсудилъ, что начало этой войны должно проявиться разрывомъ съ Англіею, а этотъ разрывъ, въ свою очередь, влечетъ захватъ шведскаго флота и лишаетъ Швецію всей ея морской торговли,—единственной поддержки ея и безъ того разстроенныхъ финансовъ, безъ которой Швеція поэтому не могла обойтись. Поэтому наслѣдный шведскій принцъ, уполномоченный королемъ, отклонилъ всѣ, сдѣланныя Наполеономъ, предложенія и призналъ, что интересы Швеціи, въ этихъ обстоятельствахъ, требуютъ съ его стороны болѣе тѣснаго и согласнаго дѣйствія вмѣстѣ съ Англіею и Россіею. Онъ не замедлилъ явить Императору Александру несомнѣнное доказательство своего къ нему расположенія и написалъ ему письмо, въ которомъ сообщилъ ему о намѣреніяхъ Наполеона и о сдѣланныхъ послѣднимъ ему предложеніяхъ. Этотъ благородный поступокъ со стороны наслѣднаго принца шведскаго могъ только внушить къ нему довѣріе Императора Александра, вслѣдствіе котораго послѣдовало вскорѣ въ Або свиданіе Императора Александра съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ. Съ этого времени установились между означенными двумя государями сношенія тѣсной дружбы и скоро состоялось соглашеніе о мѣрахъ, необходимыхъ къ защитѣ неприкосновенности обоихъ государствъ противъ чрезмѣрнаго честолюбія Наполеона, который стремился ни къ чему иному, какъ къ возможности предписывать законы всей Европѣ.

Въ концѣ этого письма будутъ приложены копіи съ трактатовъ, заключенныхъ Россіею и Швеціею, къ которымъ присоединилась и Англія [1]). Необходимо припомнить, что еще въ 1805 году очень много толковали о предполагавшемся свиданіи императора Россійскаго съ Императоромъ французовъ. Наполеонъ все отклады-

[1]) Означенныхъ копій въ бумагахъ не имѣется; очевидно, Беннигсенъ говоритъ о союзномъ трактатѣ Россіи со Швеціею, подписанномъ 24 марта (5 апр.) 1812 г. и о трактатѣ Швеціи съ Англіею, состоявшемся въ Эребро въ 1812 году.

валъ это свиданіе до того времени, пока его дѣла въ Испаніи не приняли неблагопріятный для него оборотъ, Англія же стала вооружаться. Въ этомъ критическомъ для него положеніи, Наполеонъ почувствовалъ необходимость сблизиться тѣснѣе съ Императоромъ Россійскимъ и приглашалъ его пріѣхать въ Эрфуртъ, гдѣ и состоялось, въ Октябрѣ 1808 года, знаменитое свиданіе обоихъ императоровъ. Наполеонъ, на сколько только было ему возможно, придалъ блескъ и торжественность этому свиданію, продолжавшемуся двѣ недѣли; онъ побудилъ пріѣхать въ Эрфуртъ многихъ королей, какъ бы по очереди, и вызвалъ туда же цѣлую толпу принцевъ изъ Германіи и другихъ различныхъ странъ. Всякаго рода празднествами и развлеченіями, при содѣйствіи искусствъ и талантовъ, Наполеонъ старался выразить всевозможное вниманіе Императору Россійскому. О взаимныхъ ихъ бесѣдахъ въ Эрфуртѣ дошло до свѣдѣнія публики очень мало; но несомнѣнно, что единственнымъ результатомъ этого свиданія явилось продолженіе континентальной системы и обезпеченіе спокойствія для Германіи[1]).

Несмотря на это, Австрія въ скоромъ времени объявила войну Франціи, а Императоръ Александръ, согласно своимъ обязательствамъ, даннымъ въ Эрфуртѣ, оказался вынужденнымъ выступить противъ Австріи. Отрядъ русскихъ войскъ въ 30 тыс. человѣкъ, подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи князя Голицына, вступилъ въ Галицію и, хотя медленность движеній и недостатокъ энергіи, проявленной этимъ генераломъ во всѣхъ его военныхъ дѣйствіяхъ, побудили Наполеона, въ его разговорахъ съ различными лицами, выражать на это неудовольствіе, тѣмъ не менѣе, отправка этого отряда такъже разсердила Австрійскаго императора Франца.

Наполеонъ говорилъ, что русскія войска показались въ эту войну только для вида и не дѣйствовали рѣшительно; императоръ же Францъ, съ своей стороны, жаловался на враждебныя дѣйствія Россіи, которыхъ онъ надѣялся не ожидать отъ нея.

Не смотря на большія военныя приготовленія, сдѣланныя австрійцами, не смотря на сильныя арміи, выставленныя ими, и на нѣкоторыя блестящія для нихъ сраженія съ французами, австрійцы, тѣмъ не менѣе, потерпѣли пораженіе, вслѣдствіе нѣсколькихъ неоднократныхъ ошибокъ, сдѣланныхъ ими при началѣ военныхъ дѣйствій и вслѣдствіе ложныхъ предположеній. Послѣдствіемъ всего этого явился унизительный для Австріи миръ, заключенный въ Вѣнѣ, по которому она лишилась многихъ своихъ прежныхъ областей и своихъ послѣднихъ приморскихъ портовъ, безусловно

[1]) Въ Эрфуртѣ была заключена 12 октября н. ст. 1808 года наисекретнѣйшая конвенція, по которой Наполеонъ согласился на присоединеніе къ Россійской Имперіи Финляндіи, Молдавіи и Валахіи. Обѣ державы обязывались взаимною помощью въ случаѣ войны съ Австріею, ручались взаимно въ цѣлости прочихъ владѣній Оттоманской Порты, и т. д.

необходимыхъ для ея торговли; это окончательно разрушило австрійскіе финансы, и безъ того уже разстроенные сильными контрибуціями и поборами, которыя Австрія обязана была уплатить Наполеону наличными деньгами.

Послѣ всего зла, причиненнаго Наполеономъ Австрійской Имперіи войнами съ нею, онъ не задумался просить у ея императора руки его дочери, Австрійской принцессы, послѣ того, какъ онъ развелся съ первою своею супругою, рожденною Жозефиною де-ла-Пажери, вдовою генерала Богарнэ. Императоръ Австрійскій ни мало не колебался изъявить сво согласіе на бракъ эрцъ-герцогини Маріи Луизы съ Наполеономъ. Двѣ главныя причины побудили Наполеона на этотъ поступокъ: 1) честолюбіе породниться съ такимъ древнимъ и знаменитымъ царствующимъ домомъ, какимъ являлся домъ Габсбурговъ и 2) интересъ обезпечить за собою содѣйствіе этой державы въ тайныхъ его замыслахъ уменьшить значеніе Россіи, чтобы, затѣмъ, имѣть возможность болѣе свободно господствовать надъ всею Европою. Увѣряютъ, что для предупрежденія отказа со стороны Франца на сдѣланное ему предложеніе, Наполеонъ распустилъ слухъ, что онъ въ тоже время собиралъ свѣдѣнія въ Петербургѣ о томъ, не будетъ ли изъявлено согласіе на бракъ его съ одною изъ россійскихъ великихъ княженъ[1]).

Поведеніе Наполеона скоро обнаружило его намѣренія. Значительная армія, подъ начальствомъ маршала Даву, расположилась въ Германіи; не смотря на миръ, заключенный съ Австріей; онъ увеличилъ французскіе гарнизоны въ Прусскихъ крѣпостяхъ, занимаемыхъ имъ со времени Тильзитскаго мира и, наконецъ, онъ значительно увеличилъ число войскъ въ Польшѣ. Всѣ эти мѣры, конечно, должны были открыть глаза русскому правительству и показать ему, чего оно рано или поздно должно ожидать отъ Наполеона, потому что было очевидно, что на всѣ эти приготовленія нельзя было смотрѣть иначе, какъ на первый враждебный шагъ противъ Россіи.

Мнѣ неизвѣстны политическія причины, которыя могли побудить Россію выжидать первыхъ непріязненныхъ дѣйствій Наполеона. Одно несомнѣнно, что не первый пушечный выстрѣлъ обнаруживаетъ нападающаго врага, но тѣ факты и насильственныя дѣйствія, мѣру которыхъ Наполеонъ переполнилъ. Нарушеніе имъ условій Тильзитскаго мира и, наконецъ, сосредоточеніе его войскъ на Вислѣ, уже давно обнаружили глазамъ всей Европы враждебныя намѣренія императора Наполеона въ отношеніи Россіи, и сія послѣд-

[1]) Наполеонъ въ концѣ 1809 г. началъ переговоры о бракѣ своемъ съ великою княжною Анною Павловною, но ему было сообщено, что императрица Марія Ѳеодоровна, по крайней молодости великой княжны, не можетъ согласиться на бракъ своей дочери ранѣе какъ по прошествіи двухъ лѣтъ; см. Шильдеръ, Императоръ Александръ I. т. III. стр. 13.

няя уже очень давно имѣла полное основаніе считать за объявленіе войны тѣ необычайныя военныя приготовленія, которыя были сдѣланы Франціею за 200 л-ье отъ нея самой, и которыя могли быть направлены только противъ одной Россіи. Вся гнусность нападенія обрушилась бы всегда на Наполеона; въ конечномъ результатѣ одержанные успѣхи оправдываютъ кабинеты, а не дѣйствительная или страдательная роль, которую они на себя возлагаютъ. Послѣ того Императоръ Александръ явилъ столько важныхъ доказательствъ своего праводушія, до крайности строго держась договоровъ, заключенныхъ съ Франціею, и соблюдая наивысшую бережность въ сношеніяхъ съ нею. Можно предполагать, что его миролюбивыя чувства умѣренности и безкорыстія побуждали его желать избѣгнуть этой войны, въ которой можно было предвидѣть большое пролитіе крови и немало несчастій для стольких неповинныхъ ни въ чемъ народовъ. Наполеона же можно было упрекнуть въ совершенно противоположномъ. Своими поступками онъ постоянно нарушалъ Тильзитскій договоръ. Таковыми являются: захватъ владѣній герцога Голштейнъ-Ольденбургскаго, не смотря на то, что въ ст. 12-ой этого договора было прямо выражено, что герцогъ будетъ водворенъ въ полное и мирное обладаніе принадлежащими ему землями. По условіямъ гарантированнаго Императоромъ Россійскимъ мирнаго договора [1]) Наполеона съ Пруссіею, вмѣстѣ съ предачею Пруссіи земель, подлежащихъ возврату ей, должны быть также очищены отъ французскихъ войскъ и занимаемыя ими прусскія крѣпости, именно: Шпандау, Штеттинъ. Кюстринъ, Глогау, Бреславль, Швейдницъ, Нейссе, Бригъ, Козель, Глацъ. Между тѣмъ, Наполеонъ удерживалъ за собою болѣе сильныя изъ этихъ крѣпостей, какъ то: Кюстринъ, Штеттинъ, Глогау, несмотря на неоднократныя, поддержанныя Императоромъ Александромъ, просьбы короля Прусскаго, объ очищеніи ихъ. Данцигъ долженъ былъ остаться нейтральнымъ городомъ, состоя подъ покровительствомъ Пруссіи и Саксоніи. Однако, Наполеонъ, не смотря на этотъ формальный договоръ, оставилъ въ Данцигѣ французскій гарнизонъ, безъ всякаго вліянія или участія въ этомъ другихъ государствъ.

Послѣ всѣхъ этихъ поступковъ и многихъ другихъ, явно не согласныхъ съ трактатами, которые должны были установить и поддержать доброе согласіе между этими двумя государствами, только одно чрезмѣрное, признанное всѣмъ свѣтомъ, праводушіе Императора Александра, могло остановить его, для отвращенія бури, угрожавшей его Имперіи, перейдти въ наступленіе годомъ ра-

[1]) Этотъ договоръ былъ также заключенъ въ Тильзитѣ, 27 іюня (9 іюля) 1807 г. Кромѣ того, 8 ноября 1808, была заключена дополнительная конвенція въ Парижѣ, по которой Пруссія обязывалась въ продолженіи десяти лѣтъ содержать не болѣе 42 тысячъ войскъ.

нѣе, т. е. въ 1811 году, въ эпоху, когда могущество Наполеона было всего менѣе опасно для Россіи, когда онъ продолжалъ несчастную для него войну въ Испаніи, гдѣ порабощенная имъ страна не была еще пріучена къ наложенному на нее ярму, и когда остальная часть европейскаго материка, изнемогая подъ гнетомъ его владычества, была доведена до высшей степени недовольства. Тогда Наполеонъ имѣлъ во всей Германіи мало войскъ, именно: въ Мекленбургѣ—одну дивизію Молитора, состоящую изъ 9600 чел.; въ Ганноверѣ—стояла дивизія Пюто, въ 9600 человѣкъ; въ Магдебургѣ и его окрестностяхъ—дивизія Гюдэнъ, въ 14.000 человѣкъ; а между рѣкою Эльбою и Везеромъ и на берегу Сѣвернаго моря разбросана была дивизія Моргана, въ 14.000 человѣкъ. Въ новыхъ французскихъ владѣніяхъ, вдоль береговъ Балтійскаго и Сѣвернаго морей, находилась дивизія Дезэ въ 9600 ч., а въ Брауншвейгѣ—дивизія Фріана въ 12.000 ч. При означенныхъ различныхъ дивизіяхъ насчитывалось еще до 5000 кавалеріи. На лѣвомъ берегу Рейна и въ Голландіи находились только войска, составлявшія дивизію Тюрро, Дюпа и Легранъ, а также часть большого кавалерійскаго резерва, именно: девять линейныхъ полковъ, три—легкихъ, два—карабинерныхъ, двѣнадцать-кирасирскихъ, шесть—конно-егерскихъ, шестнадцать—драгунскихъ, и одинъ гусарскій, что составляло до 49.500 солдатъ. Итальянскіе стрѣлки съ р. По и баталіоны, стоявшіе въ то время въ предѣлахъ самой Франціи, достигали общей цифры 4500 человѣкъ. Все это вмѣстѣ составляло 129.170 человѣкъ. Голландскія войска находились частью въ предѣлахъ Франціи, частью въ Египтѣ. Наполеонъ никакъ не могъ обойтись безъ того, чтобы не оставить значительнаго числа войскъ въ Голландіи; еслибы онъ вывелъ всѣ французскія войска изъ Германіи, ему необходимо было оставить часть войскъ на линіи р. Рейна. Очевидно, поэтому, еслибы мы могли предупредить нашествіе Наполеона и, съ арміею не менѣе 160 т. человѣкъ, двинулись въ 1811 году впередъ, между Вислою и Одеромъ, то Наполеонъ въ первое время имѣлъ возможность противопоставить намъ не болѣе ста тысячъ французскихъ солдатъ и такое-же число, не болѣе, нѣмецкихъ, выставленныхъ государствами Рейнскаго союза. Мы же, со своей стороны, могли, кромѣ того, разсчитывать на содѣйствіе корпуса прусскихъ войскъ, въ числѣ 40 т. человѣкъ, который въ короткое время могъ быть доведенъ до 60 т.; къ тому же, къ нашей границѣ могли приблизиться наши значительные резервы.

Если бы Россія, при условіяхъ, въ которыхъ находился Наполеонъ, двинула армію въ 160 т., какъ я выше упомянулъ, между Вислою и Одеромъ, присоединивъ къ ней и прусскую армію, она могла бы вести вѣрную игру. Своею большою, сосредоточенною арміей она прикрыла бы издали собственную страну, избѣжала бы раздробленія своихъ силъ по границѣ, крайне неблагопріятной

по обширному ея протяженію для обороны отъ европейскихъ враговъ. При такомъ образѣ дѣйствій представлялись двѣ цѣли, которыя могли быть достигнуты Россіею. Первая—она встрѣтила бы врага въ возможно большомъ разстояніи отъ собственныхъ границъ, и, притомъ, съ достаточными и собранными во едино силами. Вторая,—столь же существенная, та, что Россія могла бы устранить, на сколько являлось возможнымъ, прежде всего, отъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ польскія войска въ герцогствѣ Варшавскомъ, какъ это сдѣлалъ король Фридрихъ II въ отношеніи саксонскихъ войскъ въ началѣ Семилѣтней войны. Несомнѣнно, что достиженіе сей послѣдней цѣли являлось всегда очень сомнительнымъ, потому что, если бы эти польскія войска рѣшились заранѣе отступить въ Саксонію, то не подлежитъ сомнѣнію, что они, если не всѣ, то хотя только часть оныхъ, могли очутиться внѣ нашего вліянія. Но мы, съ достовѣрностію, имѣли возможность разсчитывать на содѣйствіе Прусскаго короля, который имѣлъ бы время, чтобы сосредоточить достаточныя свои силы и преградить польскимъ войскамъ переходъ черезъ р. Одеръ, ранѣе прибытія русскихъ войскъ. Еслибы даже намъ не удалось уничтожить или разсѣять совершенно польскую армію, мы, тѣмъ не менѣе, значительно уменьшили бы ея составъ.—Обезоруживъ хотя бы только часть той арміи, мы пріобрѣтали не малое количество оружія, снарядовъ, артиллеріи, кавалерійскихъ лошадей и всякаго рода военныхъ запасовъ. Театръ войны былъ-бы удаленъ отъ границъ Россіи; онъ проходилъ бы въ землѣ непріятельской, въ которой можно было получать все необходимое для продовольствія нашей арміи.

Наконецъ, еслибы судьба не благопріятствовала успѣху нашего оружія, и мы проиграли бы сраженіе между р. Вислою и Одеромъ, то Россія еще вовсе не очутилась бы въ такомъ невыгодномъ положеніи, въ какомъ мы находимся въ настоящее время, при началѣ войны, послѣ того, какъ ожидали непріятеля въ оборонительной линіи на нашихъ границахъ. Россія, потерявъ сама время, чтобы предупредить Наполеона въ его враждебныхъ для насъ намѣреніяхъ, дала ему возможность въ продолженіи года, на театръ новой войны призвать значительные отряды изъ Испаніи, доставить изъ Италіи 40 т. солдатъ, увеличить значительно польскую армію, склонить Прусскаго короля на доставку въ его распоряженіе 20 т. солдатъ и сдѣлать Австрію болѣе склонною къ отправленію ему 30 т. чел., чѣмъ она, быть можетъ, была, видя, что Россія рѣшилась начать наступательную войну годомъ ранѣе, въ ту эпоху, когда Наполеонъ былъ всего менѣе готовъ къ столь серьезной борьбѣ. Такимъ образомъ, въ настоящее время Наполеонъ находится вблизи нашихъ границъ, во главѣ арміи, составленной изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ войскъ,

число которыхъ, по сдѣланнымъ разсчетамъ, можетъ доходить до 280 т. чел., не считая войскъ, оставленныхъ въ различныхъ крѣпостяхъ по Одеру и Вислѣ, а также войскъ, формируемыхъ еще, чтобы двинуться слѣдомъ за этою многочисленною арміею, которая уже стоитъ сосредоточенною въ королевствѣ Прусскомъ и герцогствѣ Варшавскомъ.

Такъ какъ наши арміи стоятъ до сихъ поръ на очень пространной оборонительной линіи, вдоль нашихъ границъ, мы должны будемъ, при вторженіи непріятеля въ наши предѣлы, начать эту войну отступленіемъ, съ цѣлью сосредоточиться и избѣгнуть отдѣльныхъ неудачъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ я поговорю о планѣ обороны, котораго намѣреваются держаться и который давно уже составленъ въ Петербургѣ. Въ дальнѣйшей моей перепискѣ съ Вами, я сообщу Вамъ о событіяхъ, являющихся послѣдствіемъ принятой системы обороны, которая совершенно не согласна ни съ условіями мѣстности, ни съ невыгоднымъ положеніемъ нашихъ границъ. Къ этому я присоединю нѣкоторыя замѣчанія, повидимому, заслуживающія нѣкотораго вниманія. Намъ предстоитъ, прежде всего, разрѣшить два представляющіеся вопроса: 1) Почему Императоръ Франціи ограничился требованіемъ отъ Пруссіи только отряда войскъ въ 20.000 человѣкъ, и 2) является-ли настроеніе войскъ польской арміи, которое, какъ и слѣдовало ожидать, до крайности возбуждено въ пользу войны противъ Россіи, также и настроеніемъ остальныхъ обывателей герцогства Варшавскаго?

Что касается перваго вопроса, очевидно, что отрядъ въ 20 т. человѣкъ нисколько не соотвѣтствуетъ числу войскъ, постоянно содержимыхъ королемъ прусскимъ, которое онъ въ состояніи выставить. Нельзя предположить, чтобы, однажды принявъ систему Франціи, король могъ отказать въ посылкѣ болѣе значительнаго отряда, если-бы Наполеонъ сего потребовалъ. Надо поэтому допустить, что Наполеонъ не потребовалъ отъ Пруссіи большаго количества войскъ. Полагаю, что такую умѣренность возможно приписать только недовѣрію Наполеона къ духу прусскихъ войскъ, настроеніе которыхъ, конечно, ему такъ же неблагопріятно, какъ и остальныхъ обывателей Пруссіи.

Что же касается настроенія польскихъ войскъ, то всѣ собранныя свѣдѣнія побуждаютъ думать, что оно совершенно не раздѣляется обывателями герцогства Варшавскаго, разумѣя подъ этимъ, конечно, что рѣчь идетъ о большей части этого народа. Конечно, среди вельможъ польскихъ и богачей найдутся лица, въ которыхъ война воскрешаетъ надежду на возстановленіе Польскаго королевства въ тѣхъ видахъ, чтобы воспользоваться, какъ въ былыя времена, деспотическою властью въ отношеніи остального населенія страны. Простой здравый разумъ долженъ имъ подсказать и убѣ-

дить ихъ, что спасеніе Польши настанетъ только въ томъ случаѣ, когда она будетъ соединена подъ скипетромъ Самодержцевъ Россіи, которые сдѣлались слишкомъ могущественными, слишкомъ великими, чтобы представилась возможность исторгнуть изъ ихъ власти области, нѣкогда ими пріобрѣтенныя. Подобный случай могъ бы явиться только событіемъ временнымъ и рано или поздно измѣнилъ бы снова театръ войны въ этихъ самыхъ областяхъ. Приведу здѣсь выраженіе императора Австрійскаго Іосифа II, сказанное имъ въ бесѣдѣ съ покойнымъ фельдмаршаломъ, графомъ Румянцовымъ, въ Кіевѣ, при посѣщеніи имъ Россіи въ 1797 году. Въ бесѣдѣ этой зашла рѣчь о необычайномъ протяженіи Россійской Имперіи и о ея великихъ средствахъ, и Іосифъ II сказалъ: „Вамъ очень удобно съ нами справляться; вы видите насквозь наши государства. Мы не можемъ у себя сдѣлать чего либо, чтобы вы не узнали объ этомъ не медленно, тогда какъ намъ невозможно узнать въ точности, что дѣлается за вами, въ вашей странѣ, которая тянется до безконечности.“

Будемъ говорить о большинствѣ населенія Польши. По мѣрѣ того, какъ увеличивалось число войскъ, принуждены были все болѣе и болѣе обременять податями обывателей, которые истомились отъ бѣдности, до которой они доведены содержаніемъ арміи и, которые, какъ говорятъ, желаютъ скорѣе находиться подъ властію Императора Александра, нежели подъ властью Наполеона. Невозможно, чтобы это настроеніе, почти всеобщее среди обывателей, не раздѣлялось со временемъ также и польскою арміею.

Все это является только выгодами для Россіи, хотя и второстепенными. Но прежде всего необходимъ успѣхъ ея оружія, который поражалъ бы своимъ блескомъ. Бросимъ еще взглядъ на взаимное положеніе Россіи и Франціи. Первый вопросъ, при этомъ возникающій, состоитъ въ томъ, чтобы узнать, возможно-ли Россіи было избѣгнуть войны съ Франціей, продолжая еще долгое время войну съ Англіей; или точнѣе, въ виду того, что война, которую ведетъ Россія съ Англіей, является собственно мнимою, при чемъ обѣ державы не сражаются ни на морѣ, ни на сушѣ, поставимъ вопросъ болѣе правдиво, спросивъ: можетъ-ли Россія еще долгое время оставаться лишенною торговли, потому что, собственно, къ этому и сводится война между Россіею и Англіею? Если принять въ соображеніе пагубное вліяніе, оказываемое застоемъ торговли на народное богатство страны и на финансы государства, и если припомнить, что средства государства должны уменьшаться въ той пропорціи, какъ это было непрерывно со времени объявленія войны Англіи, то нельзя не быть поражену результатами, которые могутъ воспослѣдовать изъ этой войны.

Народъ, привыкшій къ довольству, благодаря крупнымъ суммамъ звонкой монеты, доставляемыхъ ему вывозомъ нашихъ хлѣб-

ныхъ произведеній, а также къ искусственнымъ потребностямъ, порождаемымъ богатствомъ, подчинится съ трудомъ лишеніямъ всякаго рода, порождаемымъ войною и только очень медленно возвратится къ этому состоянію посредственности и простоты нравовъ и привычекъ, въ которыхъ онъ находился 150 лѣтъ тому назадъ. Если это могло бы случиться, не упоминая о томъ, что это было бы, быть можетъ, скорѣе зло, нежели благо въ отношеніи всеобщей цивилизаціи, то уменьшеніе доходовъ казны, которое при этомъ воспослѣдуетъ, было бы таково, что Россія очутилась бы внѣ средствъ содержать тѣ большія силы, которыя сдѣлали её столь страшною и могущественною съ нѣкоторыхъ поръ. Кажется очевиднымъ, что, если нейтралитетъ Пруссіи не можетъ никогда соотвѣтствовать намѣреніямъ Тюйлерійскаго кабинета, а миръ съ Англіею долженъ неизбѣжно повлечь войну съ Франціею, то таковая сдѣлалась неизбѣжною, и интересы Россіи требуютъ, чтобы она приняла её безотлагательно, потому что, по мѣрѣ того, какъ Наполеонъ выигрываетъ время, увеличивается его могущество, а наши средства разстраиваются все болѣе и болѣе. Можно было-бы сказать, что несчастная война съ Франціею можетъ уменьшить могущество Россіи и, въ особенности, ея вліяніе въ Европѣ; такая война можетъ даже нарушить ея неприкосновенность, но, тѣмъ не менѣе, справедливо, что застой ея торговли одинаковымъ образомъ низведетъ ее съ высоты ея величія и постепенно приведетъ къ тому же незначущему положенію, изъ котораго она вышла путемъ великихъ усилій. Послѣдній случай вполнѣ неизбѣженъ, тогда какъ первый не можетъ быть допущенъ даже въ предположеніи, если только принять въ соображеніе средства и способы, которыми располагаетъ Императоръ, поддерживаемый великою націей, обязанной считать подобную войну—войною народною, и удвоить съ восторгомъ свои усилія, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ. Съ энергіею и осмотрительностію шансы войны должны перейти въ пользу оружія Россіи, и придетъ день, когда Императоръ будетъ въ состояніи потребовать себѣ титулъ освободителя угнетенной Европы.

ПИСЬМО II.

Вильна. Іюнь 1) 1812 г.

Формированіе армій. Пріѣздъ Императора въ Вильну и торжественная его встрѣча. Пріемъ Беннигсена Государемъ, разговоръ его съ нимъ. Назначеніе Беннигсена состоять при Его Величествѣ. Бесѣда его съ Государемъ о расположеніи нашихъ войскъ. Пріѣздъ генерала Таваста и Нарбонна. Миръ съ Турціею.

Въ этомъ письмѣ я сообщу Вамъ, генералъ, о мѣрахъ, принятыхъ Императоромъ Александромъ къ увеличенію численности его арміи. Сильнымъ наборомъ рекрутъ были сформированы резервныя депо [2]). Составили новыя дивизіи изъ гарнизонныхъ баталіоновъ, стоявшихъ въ различныхъ городахъ и крѣпостяхъ Имперіи. Большая часть этихъ войскъ состояла изъ молодыхъ людей, очень хорошо обученныхъ. Тоже самое сдѣлали и по флоту. Резервные баталіоны и эскадроны были укомплектованы, приведены на военное положеніе такъ, что въ продолженіе года дѣйствующія арміи были усилены болѣе чѣмъ 150.000 солдатъ. По мѣрѣ того, какъ Наполеонъ пополнялъ свои арміи въ Германіи и герцогствѣ Варшавскомъ, Императоръ Александръ формировалъ и придвигалъ три арміи: въ Литвѣ, на Волыни и въ Подоліи, составлявшія первую линію войскъ, численность которыхъ превосходила немного 200 тысячъ человѣкъ.

Вторая линія войскъ состояла изъ резервовъ и запасныхъ баталіоновъ и эскадроновъ, изъ которыхъ формировались дивизіи. Третью линію составляли рекруты. Эти послѣднія двѣ линіи находились внутри страны; почему мы и спѣшили завершить ихъ формированіе, чтобы имѣть возможность присоединить ихъ къ различнымъ корпусамъ дѣйствующихъ армій, гдѣ это оказалось бы необходимымъ. Всѣ эти линіи, вмѣстѣ, насчитывали около 400.000 солдатъ,

---

[1]) Числа нѣтъ.

[2]) Формированіемъ этихъ резервовъ занимался графъ Аракчевъ, въ бытность свою военнымъ министромъ, и отличался большою дѣятельностію. Ему обязана Россія блестящимъ состояніемъ нашей прекрасной и страшной артиллеріи.

Примѣч. Беннигсена.

которые, однако, въ это именно время не всѣ были въ состояніи вступить немедленно въ дѣйствіе противъ французовъ, какъ мы это увидимъ далѣе. Провіантскіе магазины, заключавшіе до 300.000 четвертей хлѣба, были устроены позади первой линіи войскъ, въ различныхъ мѣстахъ, по протяженію всѣхъ трехъ армій.

Первая армія, или Литовская находилась подъ командою генерала Барклая де Толли, бывшаго въ то же время и военнымъ министромъ. Второю арміею, или Волынскою командовалъ генералъ князь Багратіонъ. Третья армія, или Подольская была подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи Тормасова [1]).

Уже въ маѣ мѣсяцѣ арміи получили приказаніе приблизиться на извѣстное разстояніе къ границамъ, въ довольно сосредоточенномъ составѣ. Мнѣ неизвѣсты политическія причины, вызвавшія подобное распоряженіе; мы въ то время не располагали переходить границы наши, чтобы идти на встрѣчу врагу, который былъ еще въ значительномъ отъ насъ отдаленіи. Съ военной точки зрѣнія не было никакой причины, которая бы дѣлала необходимымъ подобное распоряженіе, тѣмъ болѣе, что мы не располагали даже противодѣйствовать вторженію непріятеля въ наши предѣлы, но, напротивъ того, имѣли въ виду отступать вглубь страны при его приближеніи. Извѣстно только одно, что приближеніе нашихъ войскъ къ границамъ побудило и французовъ ускорить движеніе ихъ войскъ и ихъ сосредоточеніе. Маршалъ Даву, съ арміею ок. 80 тыс. человѣкъ перешелъ р. Одеръ и имѣлъ свою главную квартиру въ Штеттинѣ. Всѣ прочіе корпуса, входившіе въ составъ этой многочисленной арміи, также двинулись по направленію къ р. Вислѣ.

14 (26) апрѣля Императоръ Александръ пріѣхалъ въ Вильну, гдѣ былъ встрѣченъ съ восторгами и громкими привѣтствіями, какъ войскъ, такъ и обывателей. При этомъ, проявили всю пышность и всѣ церемоніи, должныя государю, который пріѣзжаетъ, чтобы стать во главѣ своихъ войскъ, готовыхъ двинуться на врага, угрожающаго завоеваніемъ его Имперіи. Всѣ военныя лица, находившіяся въ Вильнѣ и ея окрестностяхъ, собрались въ городъ, по улицамъ котораго были расположены войска шпалерами, по направленію отъ пригорода къ дворцу. Генералы и другія военныя лица въ Вильнѣ сѣли на лошадей и составили значительную свиту, которая далеко выѣхала за городъ на встрѣчу Государю. При приближеніи къ городу, Его Величество сѣлъ также на коня и въѣхалъ въ Вильну при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей; артиллерія сдѣлала при этомъ сто одинъ выстрѣлъ. Всѣ лица городоваго управленія и кагалъ евреевъ ожидали Государя у городскихъ воротъ,

[1]) Подробный составъ этихъ трехъ армій указанъ въ сочиненіи М. Богдановича „Исторія отечественной войны 1812 года“ т. I стр. 109—119, при чемъ онъ первую армію называетъ *первою западною*, вторую—*второю западною*, а третью—резервною обсерваціонною.

гдѣ представители сословій произнесли соотвѣтствующія обстоятельствамъ рѣчи. У главнаго собора города все духовенство г. Вильны, въ самыхъ торжественныхъ одѣяніяхъ, ожидало Государя. Прибывъ къ собору, Императоръ сошелъ съ коня, и епископъ, отъ имени всего духовенства, выразилъ ему поздравленіе съ благополучнымъ прибытіемъ въ городъ и завѣренія общихъ пожеланій о спасеніи его Особы и его Имперіи. Послѣ этого Александръ I сѣлъ на коня и продолжалъ шествіе до дворца.

Всѣ улицы, по которымъ проѣзжалъ Государь, были запружены народомъ; изъ всѣхъ оконъ домовъ виднѣлись любопытные. Въѣздъ Императора въ Вильну поистинѣ являлся зрѣлищемъ, достойнымъ Самодержца всей Россіи.

Въ числѣ выдающихся лицъ, сопровождавшихъ Государя въ Вильну, можно назвать принца Герцога Ольденбургскаго, шурина Государя, и его брата, наслѣднаго принца Августа [1]), великаго князя Константина Павловича, стоявшаго со всею гвардіею уже въ Видзи; онъ прибылъ въ Вильну на нѣсколько дней; тутъ же находились генералы: баронъ Армфельдтъ, графъ Аракчеевъ, канцлеръ графъ Румянцовъ, министръ полиціи Балашовъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Кочубей, государственный секретарь Шишковъ, бывшій прусскій министръ баронъ Штейнъ, шведскій генералъ графъ Лёвенгельмъ, и пр.

Изъ нашей многолѣтней съ Вами переписки, генералъ, Вамъ извѣстно, что я очень неохотно говорю о самомъ себѣ, но тутъ я обязанъ удѣлить нѣсколько строкъ и себѣ, потому что дѣятельность, къ которой благоугодно было Государю меня призвать, тѣсно связана съ первыми военными дѣйствіями этой кампаніи, хотя я и принималъ весьма малое участіе во всемъ томъ, что было совершенно въ продолженіи оной.

Вамъ хорошо извѣстно, что, по окончаніи послѣдней войны, въ которой мнѣ было ввѣрено начальство надъ русскими войсками, дѣйствовавшими противъ Императора Наполеона, я жилъ вмѣстѣ съ моимъ семействомъ, въ уединеніи, на моей дачѣ, находящейся очень близко отъ Вильны, не полагая вовсе, что когда либо буду призванъ вновь на дѣйствительную службу, тѣмъ болѣе, что формированіе армій, назначеніе генераловъ для командованія ими, распредѣленіе войскъ по арміямъ, планъ военныхъ дѣйствій, и т. п., все это было уже сдѣлано въ Петербургѣ, ранѣе пріѣзда Государя въ Вильну, безъ малѣйшаго моего участія; меня объ этомъ вовсе

[1]) Объ этомъ принцѣ Августѣ не упоминаютъ, ни Богдановичъ (т. I стр. 85), ни Шильдеръ (т. III стр. 75) но за то они оба называютъ герцога Александра Виртембергскаго, о которомъ Беннигсенъ умолчалъ. Изъ изложенія Беннигсена несомнѣнно, что онъ самъ, до пріѣзда Александра I, проживалъ въ Вильнѣ, въ своей дачѣ Закретъ, и потому едва ли правильно выраженіе Н. К. Шильдера, что Императоръ повелѣлъ прибыть въ Вильну Беннигсену (стр. 75).

не спрашивали, и я не имѣлъ никакого на все это вліянія, какъ это вы скоро усмотрите сами.

Я выше уже упомянулъ, что всѣ генералы, находившіеся въ Вильнѣ, т. е. всѣ тѣ, которые состояли на дѣйствительной службѣ. сѣли на лощадей, чтобы ѣхать на встрѣчу Императору. Я не принадлежалъ къ числу такихъ генераловъ, а потому направился прямо во дворецъ, чтобы ожидать прибытія Государя, вмѣстѣ съ прочими лицами губернскаго управленія и представителями дворянства, собравшимися во дворцѣ, внизу, у лѣстницы. Государь, въѣхавъ во дворъ дворца, замѣтилъ меня и, сойдя съ лошади, встрѣтилъ меня чрезвычайно милостиво. Вступивъ во дворецъ, Его Величество подозвалъ меня къ окну и благосклонно освѣдомился о моемъ здоровьи и спросилъ меня, не ощущаю ли я тѣхъ болей, отъ которыхъ страдалъ въ минувшую кампанію и послѣ оной. На мой отвѣтъ, что мое здоровье совершенно поправилось, Государь Императоръ добавилъ, что онъ чрезвычайно радъ видѣть меня въ такомъ хорошемъ состояніи.

Мнѣ трудно вамъ выразить то впечатлѣніе, которое милостивое обращеніе со мною Государя произвело на всѣхъ генераловъ и остальныхъ военныхъ лицъ, при этомъ находившихся.

Когда Государь удалился въ свои покои, всѣ они наперерывъ спѣшили выразить мнѣ ихъ радость по поводу такого пріема и желаніе увидѣть меня вновь на дѣйствительной службѣ. Такое желаніе раздѣляла, впрочемъ, вся армія, что я могу смѣло высказать, не опасаясь упрека въ излишнемъ самолюбіи.—Вамъ извѣстно, генералъ, безъ того, чтобы я Вамъ это говорилъ, что начальникъ не можетъ быть счастливъ болѣе меня, коль скоро къ безграничному довѣрію, которымъ меня удостаиваютъ всѣ войска, можно присоединить еще, что я пользовался также дружбою большаго числа генераловъ, и, вообще, военныхъ лицъ. Вы, конечно, признаете преимущества, доставляемыя подобнымъ расположеніемъ войскъ къ главному начальнику во всѣхъ трудныхъ и критическихъ положеніяхъ войны; съ какою увѣренностію онъ можетъ послѣ этого ожидать врага или даже двинуться ему на встрѣчу! Повторяю Вамъ еще разъ, генералъ, что не результатъ преувеличеннаго самолюбія побуждаетъ меня это высказывать, но я дѣлаю это единственно для того, чтобы выразить Вамъ, насколько я всегда былъ чувствителенъ къ довѣрію, оказываемому мнѣ нашими храбрыми воинами при всякихъ случаяхъ: я могъ бы привести много тому примѣровъ; воспоминанія объ этомъ, связанныя съ глубокою моею признательностію, не изгладятся по гробъ изъ моей памяти.

На другой день послѣ пріѣзда Государя въ Вильну, 8 (20) апрѣля состоялся у Его Величества большой обѣдъ; я былъ также въ числѣ другихъ генераловъ, къ нему приглашенныхъ. При входѣ во дворецъ, я увидѣлъ въ дежурной комнатѣ, въ числѣ прочихъ,

военнаго министра Барклая-де-Толли, который отвелъ меня въ сторону, сказавъ, что, по приказанію Государя Императора, онъ обязанъ мнѣ объявить, что Его Величеству угодно, чтобы я вступилъ на дѣйствительную службу и что Императоръ, зная мое рвеніе къ службѣ, надѣется, что я не откажусь исполнить Его желаніе. При этомъ Барклай сообщилъ мнѣ лестные обо мнѣ отзывы, высказанные ему Его Величествомъ, когда онъ возлагалъ на него это порученіе. Я отвѣтилъ, что готовъ пожертвовать послѣдними моими днями службѣ Государя Императора, но что я, впрочемъ, надѣюсь, что Его Величество дозволитъ мнѣ лично объясниться съ нимъ по этому поводу.

На слѣдующій день, 9 (21) числа, около полудня, Государь удостоилъ посѣщеніемъ мою жену въ нашемъ загородномъ домѣ и бесѣдовалъ около часа съ нею и другими дамами, у насъ находившимися, а затѣмъ возвратился въ городъ, оставивъ въ сердцахъ всѣхъ присутствовавшихъ то отрадное впечатлѣніе, которое Его чрезмѣрная любезность произвела на всѣхъ, имѣвшихъ счастье пользоваться его частнымъ обществомъ. Впослѣдствіи моя супруга и я имѣли счастіе удостаиваться не разъ посѣщенія Его Величества, во время пребыванія Его въ Вильнѣ. Государь Императоръ оказалъ мнѣ милость принять меня на другой день, 10 (22) апрѣля въ своемъ кабинетѣ.

Не стану Вамъ повторять все для меня лестное и милостивое, выраженное о моей прошедшей службѣ нашимъ добрымъ Государемъ; человѣкъ и менѣе меня чувствительный былъ бы тронутъ до глубины души. Мнѣ оставалось только отвѣтить Его Величеству, что я готовъ пролить послѣднюю мою каплю крови на службѣ Его Величеству и для спасенія его государства. При этомъ я, однако, добавилъ, что позволю себѣ просить у Государя одной милости, именно, чтобы онъ всемилостивѣйше уволилъ меня отъ командованія какою либо арміею и соблаговолилъ удостоить меня счастья находиться при особѣ Его Величества. Вы припомните, генералъ, что и въ минувшую войну я неоднократно просилъ уволить меня отъ командованія арміею; я всегда держался того правила, что во главѣ русской арміи, при затруднительныхъ положеніяхъ, какими являлись условія минувшей войны, а также тѣ, которыя намъ предстоятъ въ настоящей,—необходимо должно стоять лицо, носящее русскую фамилію.

Государь Императоръ, повидимому, былъ очень доволенъ моею просьбою и, соизволивъ на нее, пожалъ мнѣ благосклонно руку и приказалъ носить на эполетахъ его шифръ (вензель),—отличіе, предоставляемое лицамъ, составлявшимъ его военную квартиру.

Послѣ этого Его Величество обратился къ обстоятельствамъ дня. Онъ сдѣлалъ краткій очеркъ своего образа дѣйствій въ отношеніи Франціи и точнаго соблюденія имъ договоровъ, заключен-

ныхъ съ Императоромъ Наполеономъ, а также совершенно противоположныхъ тому поступковъ послѣдняго, вынудившихъ его приготовиться къ войнѣ, избѣгнуть которую было не въ его власти. Увѣряю Васъ, генералъ, что этотъ важный вопросъ былъ такъ прекрасно изложенъ Императоромъ, что даже человѣкъ, наиболѣе преданный Наполеону, созналъ бы съ полнымъ убѣжденіемъ всѣ несправедливости послѣдняго въ отношеніи Россіи.

Государь подошелъ къ картѣ, на которой означены были мѣста расположенія различныхъ непріятельскихъ корпусовъ по позднѣйшимъ полученнымъ свѣдѣніямъ объ ихъ движеніяхъ, и по ихъ направленіямъ сталъ дѣлать предположенія о дальнѣйшихъ движеніяхъ и намѣреніяхъ Наполеона при первыхъ его дѣйствіяхъ, весьма основательныя, свидѣтельствовавшія объ его глубокихъ военныхъ познаніяхъ.

Его Величество послѣ этого перешелъ къ разсмотрѣнію расположенія нашихъ войскъ; я замѣтилъ, что считаю опасными позиціи нашихъ войскъ въ томъ видѣ, какъ онѣ являются въ данную минуту, по причинѣ значительнаго удаленія войскъ одно отъ другого и что Наполеонъ, для открытія военныхъ дѣйствій, устремится съ большою массою сосредоточенныхъ войскъ на границу Литвы, пройдетъ между нашими 1-й и 2-й арміями, чтобы прервать прямыя между ними сообщенія и воспрепятствовать имъ взаимно поддерживать одна другую. Первое и самое великое зло, которое для насъ воспослѣдуетъ, будетъ состоять въ томъ, что мы ни на одномъ мѣстѣ не будемъ достаточно сильны, чтобы противостать сосредоточеннымъ силамъ непріятеля, значительно превосходящимъ наши.

По моему мнѣнію, надлежало, не теряя времени, сблизить вторую армію съ первою.—Его Величество, повидимому, одобрилъ мои мысли и въ тотъ же самый еще день послалъ приказаніе Волынской арміи вступить въ Гродненскую губернію. Кромѣ этого, шла рѣчь еще о многихъ предметахъ, относившихся къ обстоятельствамъ времени. Послѣ этого я ушелъ отъ Государя въ восторгѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, отъ той легкости, съ какою обсуждаются имъ наиважнѣйшія дѣла, а также отъ правильности его воззрѣній и рѣшеній, качества, къ которымъ Императоръ еще присоединяетъ великую твердость души и ума.

Наиболѣе выдающимся событіемъ, во время пребыванія Императора Александра въ Вильнѣ, былъ пріѣздъ шведскаго генерала Таваста, который, послѣ неоднократныхъ аудіенцій у Государя, въ его кабинетѣ и послѣ самаго лестнаго для него пріема, продолжалъ свой путь въ Константинополь, о чемъ я уже упоминалъ въ послѣднемъ письмѣ. Вскорѣ послѣ него прибылъ въ Вильну адъютантъ Императора Наполеона, г. де-Нарбоннъ, съ письмомъ отъ него къ Императору Александру; содержаніе этого письма еще не

извѣстно понынѣ. Нарбоннъ имѣлъ нѣсколько аудіенцій съ нашимъ Государемъ, у него въ кабинетѣ, и, послѣ двухдневнаго пребыванія въ Вильнѣ, возвратился къ своему повелителю съ отвѣтомъ нашего Императора. Нарбоннъ былъ принятъ въ нашей императорской квартирѣ съ большимъ почетомъ и отличіемъ. Вы знаете, генералъ, что онъ принадлежитъ къ числу лицъ стараго порядка; обхожденіе его, манера держаться и говорить указываютъ на знатность его происхожденія.—Нашъ Императоръ, повидимому, отъ этого также находилъ удовольствіе бесѣдовать съ нимъ.

Самымъ-же важнымъ событіемъ, случившимся за время пребыванія Государя въ Вильнѣ, является рапортъ, полученный Государемъ отъ адмирала Чичагова, который командовалъ Молдавскою арміею, дѣйствовавшею противъ турокъ. Чичаговъ доносилъ о мирѣ, заключенномъ имъ съ визиремъ, который подлежалъ ратификаціи обѣихъ сторонъ [1]). Нельзя сомнѣваться, что эта ратификація послѣдуетъ и что договоръ, для большаго его обезпеченія, будетъ утвержденъ печатью самаго Султана, прикладывать которую въ маловажныхъ дѣлахъ онъ довѣряетъ визирю. Не было примѣра, чтобы договоръ, заключенный визиремъ, былъ бы признанъ недѣйствительнымъ и не утвержденъ въ Константинополѣ, хотя бы даже визирь злоупотребилъ своимъ полномочіемъ.

Для Россіи не могло совершиться событія болѣе счастливаго и болѣе соотвѣтствующаго обстоятельствамъ времени, какъ этотъ миръ съ Турціею, избавлявшій насъ отъ тягостной войны въ странѣ, климатъ которой, будучи всегда пагубнымъ для русскихъ, похищалъ у насъ ежегодно необычайное число людей, умиравшихъ отъ болѣзней. Къ тому же, всякій успѣхъ нашъ въ этой войнѣ съ Турціею, какъ и во всѣхъ ей предшествовавшихъ, только усиливалъ недоброжелательство и зависть къ намъ со стороны Франціи и Австріи и способствовалъ сліянію этихъ двухъ кабинетовъ противъ насъ. Теперь же прекрасная армія въ 40 т. человѣкъ, хорошо всѣмъ снабженная, пріобрѣвшая боевую опытность, получала возможность, въ продолженіи 40—45 дней, прибыть въ Брестъ-Литовскъ, чтобы дѣйствовать въ тылу французскихъ войскъ, если они отважатся двинуться слишкомъ далеко вглубь нашего отечества. Вотъ важное преимущество, обѣщанное намъ этимъ заключеннымъ миромъ.

Я возвращусь къ этому вопросу по полученіи изъ Константинополя извѣстія о ратификаціи этого счастливаго для насъ мира.

---

[1]) Ратификація этого присланнаго Чичаговымъ Бухарестскаго мира съ Турціею послѣдовала со стороны Императора Александра I—іюня 11 (23) 1812 года.

ПИСЬМО III.

Изъ Лагеря у Дриссы, 2 (14) Іюля 1812 года.

Прибытіе Наполеона къ Нѣману, воззваніе его къ арміи. Причина неудовольствія Наполеона на Императора Александра I. Расположеніе нашихъ войскъ. Движенія французовъ Отъѣздъ Императора Александра изъ Вильны и его приказъ по войскамъ. Предложеніе Беннигсена напасть на маршала Даву. Прибытіе въ Дриссу. Порученіе Беннигсену осмотрѣть эту позицію и его докладъ о ней Императору. Совѣтъ и оставленіе лагеря при Дриссѣ.

Императоръ Александръ не имѣлъ недостатка въ свѣдѣніяхъ о всемъ томъ, что дѣлалъ Наполеонъ для осуществленія своихъ враждебныхъ намѣреній противъ Россіи. Онъ получалъ почти ежедневно извѣстія и рапорты о движеніяхъ различныхъ непріятельскихъ корпусовъ; наши эмиссары повсюду встрѣчали содѣйствія и пособія при своихъ разслѣдованіяхъ. Дѣло наше было правое, и каждый благомыслящій человѣкъ, имѣвшій возможность сообщить свѣдѣнія о движеніи непріятеля, спѣшилъ намъ ихъ доставить.

Пруссаки подавали наилучшій тому примѣръ. Когда французы заняли почти всю Пруссію, мы получали еще изъ Кенигсберга, уже послѣ вступленія въ этотъ городъ маршала Макдональда, самыя точныя свѣдѣнія о французской арміи, изъ которыхъ очень многія прошли чрезъ мои руки, чтобы довести ихъ до свѣдѣнія Государя Императора. Такимъ образомъ, онъ былъ прекрасно освѣдомленъ о распредѣленіи французской арміи по корпусамъ, о численности каждаго корпуса, о постепенномъ ихъ приближеніи къ нашимъ границамъ, и т. д.

Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа 9-го мая новаго стиля и уже 17 числа прибылъ въ Дрезденъ [1]). Извѣстно, что онъ вступилъ въ предѣлы нашего государства безъ предварительнаго, формальнаго объявленія войны. Единственнымъ объявленіемъ о его намѣреніяхъ въ этомъ отношеніи, является изданное имъ 11 (23) іюня воззваніе къ солдатамъ, когда уже вся армія была собрана на бере-

[1]) Затѣмъ, выѣхавъ изъ Данцига 28 мая нов. ст., Наполеонъ, черезъ Глогау и Познань, проѣхалъ въ Торнъ и Данцигъ, а потомъ въ Кенигсбергъ, гдѣ былъ 12 іюня нов. ст. (31мая). Чрезъ Гумбиненъ онъ прибылъ въ Вильковишки 9 (21) іюня.

гахъ р. Нѣмана; подобный пріемъ былъ доселѣ мало извѣстенъ среди просвѣщенныхъ народовъ. Не находя никакого предлога къ войнѣ съ Россіею, Наполеонъ скрылъ свои намѣренія предъ сенатомъ, и уѣхалъ изъ Парижа, сказавъ, что отправляется къ берегамъ Вислы для производства смотровъ находящимся тамъ французскимъ войскамъ. Воззваніе его къ солдатамъ выражалось въ слѣдующихъ словахъ:

„Солдаты! вторая польская война начата. Первая закончилась Фридландомъ и Тильзитомъ. Россія поклялась быть въ вѣчномъ союзѣ съ Франціею и вести войну съ Англіею. Она теперь нарушаетъ свою клятву. Она не желаетъ дать никакихъ объясненій своему странному образу дѣйствій ранѣе, чѣмъ французскіе орлы не получатъ приказанія отступить за Рейнъ, оставивъ, такимъ образомъ, нашихъ союзниковъ на ея произволъ. Россія увлечена рокомъ; судьба ея должна совершиться. Не считаетъ-ли она насъ выродившимися? Развѣ мы не тѣ же солдаты Аустерлица? Она ставитъ насъ между безчестьемъ и войною; выборъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Двинемся же впередъ! Перейдемъ Нѣманъ; начнемъ войну въ предѣлахъ Россіи. Вторая польская война будетъ столь-же достославною для французскихъ войскъ, какъ и первая, но миръ, который мы заключимъ, будетъ содержать въ себѣ обезпеченія онаго и положитъ предѣлы горделивому вліянію Россіи, которое она проявляла въ теченіи пятидесяти лѣтъ на дѣла Европы“.

Нельзя-ли, на основаніи этихъ словъ, предположить, что Наполеонъ не имѣлъ возможности избѣгнуть этой войны, и что именно онъ былъ вынужденъ взяться за оружіе противъ Россіи? Припомню тутъ слова, высказанныя имъ въ Тильзитѣ, когда я находился нѣсколько минутъ съ нимъ наединѣ въ его кабинетѣ; эти слова сходственны съ содержаніемъ приведеннаго воззванія. Поговоривъ со мною о сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, Наполеонъ добавилъ: „Необходимо окончить эту войну; она слишкомъ убійственна“.

На мой отвѣтъ, что „По моему моему мнѣнію, миръ зависитъ отъ Вашего Величества“, онъ возразилъ: „Я не желаю ничего лучшаго; я былъ вовлеченъ въ эту войну“. Точно онъ не приставилъ ножа къ горлу лицамъ, объявившимъ ему войну?.. Одно достовѣрно, что ни одинъ властелинъ не держался такъ добросовѣстно договоровъ имъ заключенныхъ, и не исполнялъ условій ихъ съ большею точностію, какъ Императоръ Александръ въ отношеніи договора, заключеннаго съ Наполеономъ въ Тильзитѣ, между тѣмъ какъ Наполеонъ нарушилъ этотъ договоръ, едва успѣвъ подписать оный; объ этомъ я уже упоминалъ въ предшедшихъ письмахъ.

Но вотъ истинная причина неудовольствія Наполеона на Императора Александра. Привыкнувъ, что всѣ Государи Европы ему слѣпо повинуются, Наполеонъ не могъ безъ гнѣва видѣть, что Императоръ Россійскій сохраняетъ свое достоинство и отвергаетъ

просьбы его, несогласныя съ истиннымъ интересомъ его народа. Таковою явилась, между прочимъ, и просьба, которую Наполеонъ приказалъ своему посланнику въ Петербургѣ выразить, чтобы всѣ товары Англійскаго происхожденія были-бы сожжены, подобно тому, какъ онъ потребовалъ, чтобы тоже самое было исполнено во всей Германіи, въ особенности въ странахъ, имѣющихъ приморскія гавани. Увѣряютъ, что Императоръ Александръ отвѣтилъ Коленкуру: „У меня это никогда не будетъ сдѣлано“. Этотъ отвѣтъ не много позже послужилъ основаніемъ обнародованному, по приказанію Императора, указа, по которому ввозъ всѣхъ иностранныхъ товаровъ въ предѣлы нашего государства былъ воспрещенъ [1]). Это вызвало безпокойство и тревогу въ различныхъ центрахъ производствъ, въ особенности среди фабрикантовъ г. Ліона, обратившихся къ Наполеону съ просьбою, которою просили его покровительства и пособій за потери имъ предстоящія, вслѣдствіе упомянутаго запрещенія, такъ какъ производившійся ими доселѣ сбытъ ихъ шелковыхъ произведеній въ Россію былъ довольно значителенъ, и всѣ мануфактуры, устроенныя ими въ ихъ странѣ, будутъ имъ приносить теперь одни убытки. Въ этой просьбѣ была означена и довольно значительная сумма просимаго ими вознагражденія. Наполеонъ счелъ себя обязаннымъ приказать ассигновать имъ немалую сумму, какъ въ вознагражденіе ихъ убытковъ, такъ и для доставленія имъ средствъ къ поддержанію ихъ фабрикъ, но онъ не могъ простить Императору Александру его образа дѣйствія, нисколько не соотвѣтствовавшаго его честолюбивому стремленію повелѣвать безпрекословно всею Европою; это было одною изъ причинъ, побудившихъ его объявить войну Россіи, чтобы отомстить ей за твердость воли Императора Александра I.

Я уже Вамъ говорилъ, что нашъ Государь не имѣлъ недостатка въ свѣдѣніяхъ о движеніяхъ непріятельской арміи и о приближеніи ея къ нашимъ границамъ. Его Величество былъ во время извѣщенъ также о прибытіи самого Наполеона въ армію и о сосредоточеніи всѣхъ его силъ на р. Нѣманѣ, т. е. на границахъ Литвы. Различныя наши войска, составлявшія нашу первую армію, въ то время были расположены въ слѣдующемъ порядкѣ. Корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Витгенштейна, находился въ Самогитіи, у г. Вилькомира и его окрестностей. Передовые посты этого корпуса стояли на р. Нѣманѣ. Корпусъ этотъ имѣлъ около 30 тыс. солдатъ и составлялъ правый флангъ всей нашей

[1]) Вѣроятно, Беннигсенъ имѣетъ въ виду утвержденный въ декабрѣ 1810 г. новый тарифъ нашей Имперіи, цѣлью котораго было уменьшеніе вывоза звонкой монеты во Францію за предметы роскоши, взамѣнъ которыхъ мы не могли отпускать сухимъ путемъ русскихъ произведеній. Чтобы пособить этому неудобству, повлекшему за собою, вмѣстѣ съ стѣсненіемъ морской торговли, упадокъ ассигнацій, нѣкоторыя издѣлія французскихъ фабрикъ *были запрещены*, а другія *обложены* высокою пошлиною.

арміи. Послѣ него тянулся 2-й корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Багговута, и былъ расположенъ близь г. Ширвинта, въ его окрестностяхъ. Правая часть его передовыхъ постовъ имѣла сообщеніе съ постами лѣваго фланга корпуса Витгенштейна. Третій корпусъ, которымъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Тучковъ, стоялъ въ Новыхъ Трокахъ [1]). Цѣпь его передовыхъ постовъ тянулась по р. Нѣману, начиная съ крайне лѣваго поста корпуса Багговута. Этотъ корпусъ Тучкова прикрывалъ одновременно и г. Вильну. Шестой корпусъ, подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Дохтурова, принадлежалъ къ составу 2-й арміи, но, такъ какъ первая армія безусловно должна была быть усилена, то Императоръ, по моему о томъ представленію, приказалъ Дохтурову стать съ его корпусомъ въ Солешникахъ, на большой дорогѣ изъ Вильны къ г. Гродно, въ разстояніи шести миль отъ Вильны. Гвардейскія войска, подъ начальствомъ Его Императорскаго Величества, Великаго Князя Константина Павловича, стояли въ резервѣ въ Видзи; [2]) численность этихъ войскъ доходила до 30 тыс. человѣкъ. Корпусъ графа Витгенштейна (первый пѣхотный) былъ наиболѣе сильный; остальные уступали ему въ численности, такъ что среднимъ числомъ нельзя было считать въ корпусѣ болѣе 20 тыс. человѣкъ, что вмѣстѣ съ гвардіею доводило численность первой арміи до 132 тыс. человѣкъ.

Вторая армія, подъ начальствомъ князя Багратіона, состоявшая изъ 40 т. человѣкъ, стояла въ это время въ Волковискѣ. Въ ея составъ входили 7 и 8 корпуса, въ которыхъ находились 12, 26, 2 и 27 дивизіи и еще одна въ 12 баталіоновъ гренадеръ, а также кавалерійскій корпусъ, девять ротъ полевой артиллеріи и три конной.

Третьею арміею командовалъ генералъ Тормасовъ; она имѣла не болѣе 30 т. человѣкъ и была расположена въ окрестностяхъ Луцка; она должна была прикрывать Волынь и Кіевскую губернію.

Молдавская армія, подъ начальствомъ адмирала Чичагова, стоявшая пока въ Молдавіи, въ ожиданіи ратификаціи султаномъ заключеннаго съ турками мира, насчитывала въ своемъ составѣ до 40 т. человѣкъ. Кромѣ того, генералъ-лейтенантъ Эртель, съ корпусомъ въ 8 т. человѣкъ, находился въ Бобруйскѣ, чтобы оборонять эту крѣпость и противодѣйствовать движенію непріятельскаго корпуса, который могъ бы направиться на Рогачево или его окрестности, съ цѣлію перейти Днѣпръ и вступить въ Бѣлоруссію, до прибытія туда нашихъ войскъ. Этотъ корпусъ позже былъ усиленъ резервными баталіонами и ополченіемъ до 15 т. человѣкъ.

[1]) Это немного впереди г. Вильны.

[2]) Это по дорогѣ изъ г. Вильны въ г. Дриссу, на Двинѣ, ближе къ Дриссѣ. Беннигсенъ почему то умолчалъ о 4 корпусѣ графа Шувалова, стоявшемъ въ Ольсеникахъ; см. Богдановича, т. I ст. 111 и планъ.

Изъ этого перечня Вы усмотрите, генералъ, что военныя силы Россіи подъ ружьемъ, въ моментъ вступленія Наполеона въ наши предѣлы, достигали цифры 285 тысячъ человѣкъ. Какую-бы прекрасную массу составили эти войска, расположенныя на незначительномъ протяженіи! Но на такой оборонительной линіи, какую занимали наши войска, большіе рѣшительные удары всегда будутъ парализованы на всѣхъ пунктахъ, между тѣмъ, какъ искусный и предпріимчивый противникъ, наступающій съ превосходными и собранными воедино силами, на одинъ изъ избранныхъ имъ пунктовъ, всегда съ успѣхомъ можетъ атаковать подобную оборонительную линію, при полномъ убѣжденіи, что не встрѣтитъ своего противника, ни на одномъ пунктѣ, достаточно сильнымъ, чтобы имѣть возможность оказать сопротивленіе первому натиску его нападеній. Таково было положеніе Наполеона, при вступленіи его въ наши предѣлы; мы впослѣдствіи увидимъ, что онъ сумѣлъ воспользоваться великими преимуществами надъ нами, доставленными ему въ то время различными обстоятельствами; я скоро возвращусь къ этому.

Обязанность продовольствовать большое количество войскъ, составлявшихъ всю французскую армію, вызывала необходимость колонны этихъ войскъ, до прибытія къ нашимъ границамъ, направить по Германіи и Польшѣ различными путями, весьма значительными и даже обходными дорогами, съ тою цѣлію, чтобы имѣть возможность снабдить провіантомъ и фуражемъ все это количество войскъ. Было бы безполезно поименовывать Вамъ всѣ дороги, по которымъ двигались французскія войска; мое письмо сдѣлалось бы чрезъ то чрезвычайно обширнымъ. Къ тому же, различныя брошюры и сочиненія, которыя не замедлятъ появиться, дадутъ Вамъ подробныя объ этомъ свѣдѣнія. Достаточно Вамъ сказать, что маршалъ Макдональдъ остановился въ Кенигсбергѣ, чтобы принять начальство надъ прусскими войсками, составлявшими контингентъ королевства подъ начальствомъ генерала Граверта, потребованнаго Наполеономъ отъ Прусскаго короля, который принялъ на себя обязанность продовольствовать, какъ всѣхъ солдатъ французской арміи, такъ и войска союзниковъ, во время ихъ прохода по владѣніямъ прусскимъ, съ зачетомъ этого въ уплату слѣдуемой съ Пруссіи контрибуціи въ пользу Фравціи.

Обыватели Пруссіи не могли, впрочемъ, хвалить дисциплину французской арміи во время этого движенія; много домовъ было ограблено, и многіе обыватели подверглись суровому обращенію со стороны французовъ.

12 (24) іюня маршалъ Даву, со своимъ корпусомъ, численностью въ 80 т. человѣкъ, подошелъ къ р. Нѣману, противъ г. Ковно, и приказалъ приступить прежде всего къ сооруженію трехъ мостовъ, 13 (25) числа его авангардъ, подъ начальствомъ дивизіоннаго гене-

рала Морана, переправился черезъ рѣку, послѣ чего немедленно перешелъ и самъ Даву съ остальными своими войсками. Наши аванпосты имѣли приказаніе, при приближеніи непріятеля, отступить къ своимъ соотвѣтствующимъ частямъ, что они и сдѣлали.

Маршалъ Удино, командиръ 2 корпуса, имѣвшій отъ 36 до 40 тыс. солдатъ, перешелъ Нѣманъ по тѣмъ же самымъ мостамъ и направился прямо въ Самогитію, на Вилькомиръ. За нимъ перешла гвардія, подъ начальствомъ маршала Бессьера, численностію въ 35 тыс. человѣкъ. Послѣ гвардіи переправился король Наполитанскій съ остальною кавалеріею, не распредѣленною по различнымъ корпусамъ. За этою кавалеріею слѣдовалъ маршалъ Ней съ 3 корпусомъ, состоящимъ изъ 50 тыс. человѣкъ. 10-й корпусъ, подъ начальствомъ маршала Макдональда, численностію въ 30 тыс., считая въ этомъ числѣ и контингентъ прусскаго короля, перешелъ чрезъ Нѣманъ у Тильзита, вступилъ въ Самогитію и направился на Россіены и далѣе, на Поневѣжъ и Якобштадтъ. Корпуса 5, 7 и 9-ый, подъ начальствомъ Іеронима, короля Вестфальскаго, составлявшіе вмѣстѣ до 50 тыс. человѣкъ, переправились черезъ Нѣманъ у г. Гродно. Вице-король итальянскій имѣлъ подъ своимъ начальствомъ 4 и 6 корпуса; первый изъ нихъ прибылъ изъ Италіи, а второй былъ составленъ изъ Баварскихъ войскъ. Численность этихъ двухъ корпусовъ доходила до 40 тыс. человѣкъ. Вице-король переправился черезъ Нѣманъ между г.г. Ковной и Гродной. Увѣряютъ, что французская армія отъ непогодъ, холода, дождей и недостатка фуража, потеряла уже на пути отъ нашихъ границъ до г. Вильны нѣсколько тысячъ подъемныхъ и артиллерійскихъ лошадей.

Принцъ Шварценбергъ, съ контингентомъ австрійскихъ войскъ, доходившихъ до 30 тыс. человѣкъ, а также саксонскихъ, численностью въ 10 тыс. человѣкъ, подъ начальствомъ французскаго генерала Ренье и еще тремя тысячами польскихъ войскъ, вступилъ въ предѣлы нашего отечества у Дрогичина, на р. Бугѣ, гдѣ перешелъ эту рѣку, оставляя крѣпость Брестъ справа. Затѣмъ, желая миновать обширные бѣловѣжскіе лѣса, онъ двинулся вправо, по направленію на Шерешевъ, гдѣ и основалъ свою главную квартиру. Маршалъ Викторъ со своимъ корпусомъ въ 30 тыс. чел. остался въ Варшавѣ.

Наполеонъ, чтобы начать войну съ Императоромъ Александромъ, сталъ во главѣ арміи, численностію въ 398 тысячъ человѣкъ. Если изъ этого числа вычесть 30 тыс. солдатъ, оставленныхъ въ Варшавѣ, будетъ, тѣмъ не менѣе, 368 тыс. войскъ, съ которыми Наполеонъ уже находится въ предѣлахъ нашего отечества. Въ этомъ указанномъ числѣ заключается до 60 тысячъ кавалеріи и не мало артиллеріи, соотвѣтствующей этому громадному количеству войскъ.

13 (25) іюня, рано утромъ, Императоръ Александръ получилъ донесеніе о вступленіи въ наши предѣлы французской арміи[1]). Онъ немедля приказалъ Императорской квартирѣ въ тотъ же день покинуть Вильну и перемѣститься въ Свѣнцяны, на разстояніи 87 верстъ отъ Вильны. Въ то же время было приказано всѣмъ правительственнымъ лицамъ и учрежденіямъ покинуть Вильну и перебраться внутрь Имперіи вмѣстѣ со всѣми дѣлами и бумагами, которыя могли бы послужить французамъ къ устройству новаго порядка управленія. Тоже самое было предписано одновременно всѣмъ губернаторамъ къ исполненію, по мѣрѣ приближенія непріятелей, что нерѣдко ставило въ большія затрудненія. Всѣ же склады, запасы и вообще все, что могло бы послужить французской арміи, было или сожжено, или уничтожено. Государь Императоръ покинулъ Вильну поздно вечеромъ и передъ отъѣздомъ отдалъ по войскамъ слѣдующій приказъ.

„Изъ давняго времени примѣчали Мы непріязненные противъ Россіи поступки французскаго Императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оные. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ Нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войска Наши; но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ Нашей Имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго Нами спокойствія. Французскій Императоръ нападеніемъ на войска Наши при Ковнѣ, открылъ первый войну. И такъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается Намъ ничего инаго, какъ, призвавъ на помощь Свидѣтеля и Заступника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы Наши противъ силъ непріятельскихъ. Не нужно Мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и войнамъ Нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! Вы защищаете Вѣру, Отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ".

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ Вильнѣ. Іюня 13-го дня 1812 года.

По мѣрѣ приближенія непріятельскихъ отрядовъ, наши войска, слѣдуя даннымъ имъ приказаніямъ, отступали, избѣгая всякаго серьезнаго столкновенія съ французами. Только генералъ отъ ин-

[1]) Это извѣстіе было получено въ Вильнѣ въ ночь съ 12 на 13 іюня, во время бала, устроеннаго генералъ-и флигель-адъютантами въ загородномъ домѣ Беннигсена. Закретѣ, Императоръ приказалъ сохранять въ тайнѣ это извѣстіе и продолжалъ очаровывать своею любезностью всѣхъ приглашенныхъ на балъ, и затѣмъ, возвратясь домой, занялся различными распоряженіями. См. М. Богдановичъ—Исторія Отечественной войны 1812 г. т. I ст. 130.

фантеріи Дохтуровъ, по недоразумѣнію, котораго невозможно избѣгнуть въ подобныхъ случаяхъ, не получилъ означеннаго приказанія, а потому, не зная куда ему надлежитъ отступить при приближеніи французовъ, рѣшилъ двинуться на Ошмяны, гдѣ встрѣтилъ достаточно превосходныя силы непріятеля, готовыя преградить ему дальнѣйшее движеніе. Дохтуровъ поступилъ какъ храбрый воинъ: съ оружіемъ въ рукахъ онъ пробился сквозь ряды французовъ, двинулся, затѣмъ, по дорогѣ въ Сморгонь, и при своемъ движеніи умѣлъ удержать слѣдовавшихъ за нимъ французовъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ нападеній нашего аріергарда. Генералъ Дохтуровъ, которому подобное движеніе при критическихъ обстоятельствахъ дѣлаетъ величайшую честь, перешелъ черезъ Вилейку и присоединился безъ значительныхъ потерь къ нашей арміи, ранѣе прибытія ея къ берегамъ Двины. Наполеонъ, получивъ въ Вильнѣ донесеніе, что значительный корпусъ нашъ отрѣзанъ отъ арміи, двинулъ немедленно значительное количество пѣхоты и кавалеріи на Ошмяны, но они подошли слишкомъ поздно.

Прибывъ вечеромъ 15 (27) іюня въ Свѣнцяны, гдѣ Императорская квартира пробыла 16 (28) и 17 (29) іюня, мы получили передъ нашимъ выступленіемъ донесеніе, что маршалъ Удино, со своимъ корпусомъ, въ 36—40 тыс. чел. подошелъ близко къ гр. Витгенштейну. Я немедленно поспѣшилъ къ Государю, чтобы представить ему не только возможность, но даже полную увѣренность нанести рѣшительный ударъ этому непріятельскому отряду,ославъ къ гр. Витгенштейну корпусъ генерала Багговута, находившагося уже близко отъ него. Эти два корпуса могли вполнѣ осуществить означенный планъ, но, для большей увѣренности въ успѣхѣ, я предложилъ двинуть изъ Визди резервъ, подъ начальствомъ Великаго Князя, для поддержки означенныхъ двухъ корпусовъ, что довело бы общее число нашихъ войскъ до 80 тыс. чел., болѣе чѣмъ достаточныхъ, чтобы разгромить корпусъ Удино. Всѣ означенныя войска, послѣ этого блестящаго дѣла, должны были вернуться и подойти, вмѣстѣ съ остальными войсками, къ берегамъ Двины. Его Величество одобрилъ мой планъ, но, имѣя большое довѣріе къ генералъ-лейтенанту Пфулю (нѣкогда начальнику штаба Прусскаго Короля, вышедшему въ отставку послѣ погрома Пруссіи при Іенѣ и Ауэрштедтѣ и принятому въ нашу службу).—Государь сталъ совѣщаться съ нимъ о составленномъ мною планѣ. Пфуль его не одобрилъ; онъ находилъ, что этимъ подвергается риску цѣлое для весьма малаго. Такимъ образомъ, мое предложеніе, очевидно ни какого риска не представлявшее, осталось безъ послѣдствій. Я вамъ впослѣдствіи сообщу о планѣ военныхъ дѣйствій, составленномъ Пфулемъ для открывшейся кампаніи.

18 (30) Іюня Императорская квартира покинула Свенцяны, и 19 іюня (1 іюля) мы перебрались за 56 верстъ далѣе въ Видзи, за-

тѣмъ 23 іюня (5 іюля) были еще на 50 верстъ далѣе, въ Бельмонтѣ. Затѣмъ, проѣхавъ по всей Самогитіи, которая при всѣхъ переходахъ представляла всегда хорошія и выгодныя позиціи, мы прибыли 25 іюня (7 іюля) на позицію въ Дриссу, о которой уже много говорили и гораздо болѣе, чѣмъ она заслуживаетъ. Его Величество приказалъ мнѣ сдѣлать осмотръ этой позиціи и донести ему о всемъ мною замѣченномъ. Оба принца Ольденбургскихъ, Георгій, шуринъ нашего Императора, и наслѣдный принцъ Августъ, выразили желаніе меня сопровождать, и я пригласилъ отъ себя еще барона Вольцогена (Wolzogen), адъютанта Государя Императора, который ранѣе былъ посланъ генераломъ Пфулемъ снять планъ позиціи между Динабургомъ и Полоцкомъ [1]). Онъ предупредилъ меня, что нѣтъ основанія на него сѣтовать, если у этой позиціи не окажутся всѣ выгоды, требуемыя отъ хорошей позиціи, потому что онъ принужденъ былъ ограничиться съемками и изысканіями по осмотру позиціи при Дриссѣ полтора дня, притомъ не ограничились только осмотромъ внутренней позиціи, но осмотрѣли также всѣ окрестности, съ которыхъ могли приблизиться непріятельскія войска. Болѣе двухъ тысячъ, въ продолженіи шести мѣсяцевъ, работали надъ сооруженіями различныхъ укрѣпленій этой Дрисской позиціи, о которой говорили какъ о своемъ родѣ Гибралтарѣ. Вы можете по этому судить о моемъ изумленіи, когда глазамъ моимъ представилась позиція самая плохая, самая не выгодная, какую я только когда либо видѣлъ, и при томъ избранная, чтобы принять сраженіе, которое должно было рѣшить участь кампаніи, и, быть можетъ, даже всего государства. Эта позиція была загромождена всякими полевыми укрѣпленіями, худо поставленными и худо исполненными. Тутъ были эполементы, которые удобно могли служитъ непріятелю для его укрытія, редуты и батареи, расположенные одни подлѣ другихъ, уступами, не смотря на то, соотвѣтствуютъ ли они мѣстности или нѣтъ, причемъ рѣдко батареи защищали входъ въ редуты. И могло-ли это быть иначе, если на планѣ этой позиціи, привезенномъ генералу Пфулю изъ Петербурга, онъ набросалъ по своей фантазіи различныя укрѣпленія, не осмотрѣвъ лично самой мѣстности. Приведу Вамъ дословно словесный рапортъ мой Государю объ исполненіи возложеннаго на меня порученія. При входѣ моемъ въ кабинетъ, Его Величество спросилъ съ поспѣшностію: „Осмотрѣли вы позиціи?, какъ вы ихъ находите?“— „Скверными, Ваше Величество“, отвѣтилъ я прежде всего. Государь былъ, какъ мнѣ показалось, очень изумленъ, но я продолжалъ: „До того скверными, Ваше Величество, что если непріятель съ превосходными силами сдѣлаетъ на насъ нападеніе, то мы рискуемъ быть разбитыми.“— Государь на это мнѣ сказалъ: „Объясните мнѣ,

[1]) Оба города на р. Двинѣ.

генералъ, все это на планѣ.“ Таковой находился въ то время на столѣ Его Величества; Государь мнѣ показывалъ его еще ранѣе въ Вильнѣ, и я тогда же старался обратить вниманіе Императора на лѣсъ, находившійся впереди нашего фронта на лѣвой сторонѣ. Этотъ лѣсъ [1]) подходилъ близко къ нашей позиціи и могъ скрыть отъ насъ приближеніе непріятельскихъ силъ. Между тѣмъ, Государя завѣрили, что такъ все хорошо разсчитано и предусмотрѣно, что ничего не опущено для обезпеченія за нами этой мѣстности. Я началъ теперь мой докладъ съ деревни Дубники [2]), которая составляла нашъ крайній лѣвый флангъ и стояла на берегу р. Двины, и сказалъ: „Эту деревню должно считать вторымъ Асперномъ [3]); непріятель можетъ подойти къ ней довольно близко, подъ прикрытіемъ лѣса, за которымъ тянется широкая равнина. На ней Наполеонъ можетъ развернуть свои колонны, такъ что мы не будемъ имѣть возможности ни судить о его силахъ, ни предвидѣть его намѣреній по движенію его войскъ. Но, несомнѣнно, онъ двинетъ ихъ противъ деревни, которую мы не въ состояніи достаточно поддерживать, по причинѣ значительнаго ея удаленія и разбросанности нашихъ войскъ въ большомъ числѣ укрѣпленій. Французы, овладѣвъ этою деревнею, очутятся позади нашего лѣваго крыла и имъ будетъ очень легко овладѣть довольно близкимъ отъ этой деревни мостовымъ укрѣпленіемъ, благодаря выгодамъ мѣстности, которая идетъ довольно крутымъ уклономъ къ рѣкѣ. Нѣсколько бродовъ находятся на нашихъ флангахъ, и непріятель можетъ воспользоваться ими, чтобы зайти намъ въ тылъ на другой сторонѣ рѣки и занять находящіяся тамъ значительныя высоты. Слѣдовательно, мы не можемъ не занять этихъ высотъ праваго берега значительными отрядами, поставивъ одинъ—на высотахъ, для прикрытія нашего лѣваго фланга, а другой, по тѣмъ же причинамъ,—для прикрытія и обезпеченія тыла нашего праваго крыла [4]). За выдѣленіемъ этихъ двухъ отрядовъ, намъ останется не довольно войскъ для занятія въ достаточномъ числѣ всей нашей линіи на протяженіи 6 верстъ и значительнаго числа укрѣпленій, составляющихъ вмѣстѣ полукругъ, что во время всего сраженія подвергнетъ насъ перек-

---

[1]) Этотъ лѣсъ находился близъ деревень: Дубники и Марники, а также противъ г. Дриссы, лежащаго на правомъ берегу Двины.

[2]) На лѣвомъ берегу р. Двины.

[3]) *Асперн*ъ небольшое селеніе на р. Дунаѣ, въ семи верстахъ ниже Вѣны, въ обширной Маркфельдской долинѣ, пріобрѣло извѣстность по кровопролитному двухдневному сраженію 21 и 22 мая 1809 года, послѣ котораго Наполеонъ, пользуясь темнотою ночи, отступилъ. Австрійскій эрцгерцогъ Карлъ одержалъ побѣду надъ Наполеономъ, воспользовавшись лѣсомъ около Асперна. Маршалъ Массена, съ рѣдкимъ искусствомъ, прикрывалъ отступленіе Наполеона.

[4]) Позже генералъ Дохтуровъ на лѣвомъ флангѣ нашемъ перешелъ рѣку со своимъ корпусомъ, а на правомъ флангѣ находился уже графъ Витгенштейнъ.

рестному дѣйствію всей непріятельской артиллеріи. Наше положеніе станетъ еще болѣе опаснымъ и затруднительнымъ, если французы успѣютъ хотя бы въ одномъ пунктѣ прорвать нашу линію, такъ какъ все пространство нами занимаемое, идетъ отъ фронта нашего къ рѣкѣ, постепенно все понижаясь, а въ нашихъ мостовыхъ укрѣпленіяхъ никто не будетъ укрытъ отъ ядеръ, а затѣмъ, и отъ картечи французовъ. Его Величество, въ продолженій моего доклада, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько возраженій; я осмѣлился отвѣтить, что все зависитъ отъ воли Его Величества, и если Государь прикажетъ, наши войска и въ этой позиціи, сколь ни была она плоха, будутъ драться съ тою-же храбростью, которую они всегда проявляли. Но какъ Его Величеству угодно было приказать мнѣ сдѣлать осмотръ этой позиціи, то я и счелъ своимъ долгомъ ничего не скрыть отъ него. Государь съ большою благосклонностью сказалъ мнѣ: „Продолжайте, генералъ, я хочу, чтобы вы мнѣ откровенно и вѣрно сообщили какъ нашли вы позицію, какое имѣете о ней мнѣніе.“ Мой отвѣтъ заключался въ томъ, что надо покинуть её и скорѣе занять высоты на противоположномъ берегу рѣки, которыя представляютъ болѣе выгодную позицію. Послѣ этого Государъ прекратилъ аудіенцію.

По выходѣ моемъ изъ кабинета, онъ потребовалъ къ себѣ адъютанта Вольцогена, который не былъ въ состояніи въ чемъ либо опровергнуть высказанное мною о недостаткахъ позиціи, нами занимаемой. Немного позже, генералъ-адъютантъ Князь Волконскій доложилъ Его Величеству, что полковникъ генеральнаго штаба Мишо (Michaud), очень достойный и выдающійся офицеръ, въ особенности по своимъ военнымъ познаніямъ, осматривалъ также нашу позицію и нашелъ ее столь же скверною, какъ и я. Его Величество приказалъ Мишо явиться къ нему. Онъ отозвался о позиціи въ томъ же духѣ, какъ и я, и окончилъ свой рапортъ словами: „Былобы полезно прислать сюда всѣхъ молодыхъ людей, занимающихся сооруженіемъ укрѣпленій, чтобы увидѣть всѣ ошибки, которыхъ должны они избѣгать; онѣ здѣсь всѣ заключаются въ этой позиціи“. Императоръ рѣшился тогда созвать нѣсколькихъ лицъ, чтобы посовѣтоваться съ ними о томъ, что предстоитъ дѣлать въ подобныхъ обстоятельствахъ. Онъ наименовалъ самъ лицъ, долженствовавшихъ составить этотъ военный совѣтъ. Въ немъ участвовали: принцъ Георгій Ольденбургскій,—шуринъ Государя, генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ, генералъ отъ инфантеріи Барклай де Толли, генералъ-лейтенантъ князь Волконскій, полковники Мишо и Вольцогенъ. Когда они собрались, Государь обратился къ Мишо и приказалъ ему повторить все то, что было донесено имъ о позиціи. По исполненіи этого приказанія, Государь сказалъ: „Онъ не одинъ, давшій мнѣ такой отзывъ о позиціи,“ а затѣмъ, приступилъ, съ лицами, приглашенными на совѣтъ, къ обсужденію вопроса, что

предписываетъ благоразуміе въ подобныхъ случаяхъ. Государь приказалъ арміи покинуть укрѣпленный лагерь при Дриссѣ.

Вы будете удивлены, генералъ, что я не былъ приглашенъ на этотъ совѣтъ. Полагали вообще, что Государь, желая причинить возможно меньшее огорченіе Пфулю, который не могъ быть на этомъ совѣтѣ, не приглашалъ также и меня на совѣтъ, зная уже мое мнѣніе объ этой позиціи. Рѣшеніе покинуть позицію при Дриссѣ, очевидно, разстраивало всѣ планы военныхъ дѣйствій, предложенныхъ Пфулемъ, такъ какъ онъ увѣрялъ, что Наполеонъ будетъ слѣдовать за нами, сдѣлаетъ на насъ нападеніе въ этой позиціи, считаемой имъ до того сильной, что непріятель, не смотря на его силы, значительно превосходящія наши, будетъ окончательно раздавленъ съ самаго начала.

Я бы желалъ имѣть возможность теперь же поговорить съ вами, генералъ, о планѣ военныхъ дѣйствій Пфуля, но мы снимаемся съ позиціи и переправляемся черезъ Двину, и я принужденъ закончить мое письмо, отложивъ бесѣду о планѣ Пфуля до слѣдующаго письма.

ПИСЬМО IV.

Полоцкъ, 8 (20) іюля 1812 г.

О планѣ войны генерала Пфуля. Система дѣйствій Наполеона. Отступленіе Платова и графа Палена. Отзывъ Беннигсена о генералѣ Пфулѣ и бесѣда его съ нимъ въ Вильнѣ. Замѣчательныя событія того времени. Отъѣздъ Императора изъ арміи.

Постараюсь, генералъ, сегодня исполнить данное мною въ прошедшемъ письмѣ обѣщаніе и сообщить Вамъ очеркъ плана военный дѣйствій, давно составленнаго въ Петербургѣ генералъ-лейтенантомъ Пфулемъ, и мое объ этомъ планѣ мнѣніе. Долженъ Васъ, однако, предупредить, что подробности этого плана могу передать Вамъ только на основаніи размѣщенія отдѣльныхъ корпусовъ, входившихъ въ составъ нашихъ армій при началѣ этой войны, и дальнѣйшихъ ихъ движеній, потому что Государь Императоръ не сообщилъ мнѣ этого плана, и я никого не знаю, кому бы таковой былъ извѣстенъ во всѣхъ подробностяхъ. Но изъ моихъ объясненій Вы усмотрите, что сущность этого плана состояла изъ диверсій, которыя должны были затруднять дѣйствія французовъ и останавливать ихъ наступательное движеніе;—это излюбленная система генерала Пфуля. Я вполнѣ убѣжденъ, что этотъ планъ военныхъ дѣйствій обнаруживаетъ не мало глубокихъ и прекрасныхъ соображеній, не мало примѣненій случившагося уже въ различныхъ минувшихъ войнахъ, какъ напр., при походѣ Карла XII въ Малороссію, быть можетъ, даже въ нынѣшней войнѣ французовъ въ Испаніи, и т. д. Равнымъ образомъ, въ планѣ много громкихъ фразъ и много краснорѣчія. Но насколько этотъ планъ неудовлетворителенъ, обнаружилось уже теперь, при самомъ началѣ войны, по печальнымъ для насъ послѣдствіямъ. Онъ не соотвѣтствуетъ ни характеру народа, ни настроенію арміи, ни мѣстностямъ и еще менѣе тѣмъ обстоятельствамъ и условіямъ, въ которыхъ находимся мы сами и нашъ непріятель относительно губерній, отчасти уже покинутыхъ нами безъ выстрѣла и уже занятыхъ непріятелемъ безъ малѣйшаго пролитія крови, или являющихся цѣлью его захвата. Намъ стоило только дойти до береговъ Двины, къ Дриссѣ,

чтобы убѣдиться, что всѣ эти проэкты диверсій совершенно рушились; каждый изъ насъ, безъ особеннаго соображенія, могъ усмотрѣть, что всѣ корпуса, встрѣтясь съ непріятелемъ въ превосходныхъ силахъ, вмѣсто того, чтобы дѣлать диверсіи, будутъ искать спасенія въ отступленіи къ нашимъ отрядамъ, могущимъ имъ служить поддержкою. Съ Наполеономъ нельзя вести войну тѣмъ же способомъ, какъ вели ее ранѣе. Прежде никогда не видѣли подобныхъ массъ прекрасныхъ войскъ, сосредоточивъ которыя, Наполеонъ направляетъ на главныя силы своего противника, съ цѣлію раздавить его. Если этотъ противникъ ослабилъ себя выдѣленіемъ различныхъ отрядовъ для производства диверсій, то послѣдствія этого предвидѣть не трудно; бывшіе уже тому примѣры намъ это уже доказали. Мнѣ достаточно указать Вамъ на войну Пруссіи съ Наполеономъ въ 1806 г., когда войска пруссаковъ были разбросаны, между тѣмъ, какъ Наполеонъ напалъ на нихъ сосредоточенными силами и разгромилъ ихъ. Въ настоящей войнѣ Наполеонъ нашелъ средства собрать противъ Россіи такія арміи, совокупность которыхъ составляетъ страшную силу, во главѣ которой онъ еще никогда не стоялъ ранѣе. Какъ же возможно при этомъ ослаблять себя планомъ различныхъ диверсій, котораго не было ни какой возможности выполнить съ успѣхомъ? Чѣмъ я могъ противиться Наполеону въ войнахъ, въ которыхъ я начальствовалъ русскими арміями, при чемъ онѣ численностію своею значительно уступали арміямъ Наполеона, силы котораго подъ конецъ были двумя третями болѣе моихъ? Единственно тѣмъ, что слѣдовалъ его системѣ и всегда держалъ свои войска сосредоточенными, въ цѣлой массѣ. Я хорошо помню, что австрійскій императоръ Іосифъ II въ Кіевѣ, во время путешествія его по Россіи, на замѣчаніе покойнаго фельдмаршала Румянцева, что Императоръ въ войнѣ его съ Баваріею въ 1778 году, выставилъ громадное количество артиллеріи (до 1200 орудій), отвѣтилъ графу: „Вы правы, фельдмаршалъ; такое огромное количество артиллеріи при арміи часто причиняетъ затрудненія, но надо смотрѣть на непріятеля тѣми же глазами, какими онъ на васъ смотритъ. Фридрихъ II имѣлъ тогда 1300 орудій и, когда въ военномъ дѣлѣ будутъ ему подражать, то послѣдствій худыхъ отъ этого не испытаютъ“. Можно къ этому добавить: „Если непріятель дѣйствуетъ противъ васъ сосредоточенными массами войскъ, то дѣйствуйте такимъ же способомъ и вы, на сколько обстоятельства и средства это вамъ позволяютъ“.

По этой причинѣ, какъ Вы припоминаете, я старался убѣдить Государя приблизить князя Багратіона со 2-ю арміей къ первой, но генералу Пфулю удалось задержать ее въ Волковыскѣ. Какую же диверсію можетъ теперь произвести Багратіонъ, имѣя всего 40 т. человѣкъ? Ему остается только отступать передъ маршаломъ

Даву, который на него надвигается съ арміею въ 80 тысячъ. Я желалъ, чтобы наша 2-я армія была поставлена въ Минской губерніи и составила бы, такъ сказать, нашу вторую линію. Это ни въ чемъ не помѣшало бы нашему отступленію, потому что, намѣреваясь держаться оборонительной войны, было бы неосторожно съ самаго начала принять сраженіе противъ превосходящихъ насъ силъ Наполеона, собранныхъ имъ противъ насъ. Наши обѣ арміи не терпѣли бы нужды въ продовольствіи при такомъ направленіи, потому что позади нашихъ армій находилась линія провіантскихъ магазиновъ, содержавшихъ до 300 тыс. четвертей муки, которыя мы принуждены были уничтожить при приближеніи непріятеля [1]). Французской арміи будетъ невозможно продовольствовать такія массы войскъ; заботы о продовольствіи воспрепятствуютъ быстрымъ ихъ движеніямъ и понемногу ослабятъ ихъ.

Но есть всему предѣлъ и этотъ предѣлъ надо себѣ приготовить за ранѣе, безъ чего мы, въ концѣ, концовъ будемъ принуждены принять сраженіе въ такое время и въ такомъ мѣстѣ, которое никогда бы не избрали для сраженія и, притомъ, съ невыгодными для себя послѣдствіями. Нашимъ отступленіемъ къ Двинѣ мы уже отдали въ руки непріятеля или оставили въ его власти прекрасныя губерніи Литвы, Волыни и Подоліи. Но это еще не все; мы оставляемъ ему вполнѣ открытою дорогу въ Минскую губернію, по которой онъ можетъ направить корпуса войскъ не только въ Бѣлоруссію, но даже и въ Смоленскую губернію.—Предложеннымъ мною размѣщеніемъ для нашей второй арміи мы прикрыли бы, по крайней мѣрѣ значительными силами, губерніи Великой Россіи,—соображеніе слишкомъ важное, чтобы терять его изъ виду, какъ это я уже высказалъ ранѣе. Вторая армія могла бы опережать насъ двумя или тремя днями при нашемъ отступленіи, могла оставлять необходимые отряды, чтобы не ослаблять первую армію и, пользуясь удобными условіями мѣстностей и обстоятельствъ, обѣщающихъ успѣхъ нашему оружію, могла бы останавливаться, чтобы дать рѣшительное сраженіе, котораго мы, однако, не можемъ избѣгнуть навсегда. Но, по всему тому, что мы видѣли и по тому, что совершилось на пути отъ Вильны до Дриссы или Двины, никто не въ состояніи постичь, какой же предѣлъ нашему отступленію предполагаетъ этотъ планъ военныхъ дѣйствій.

Остановимся еще немного на корпусахъ, поставленныхъ для диверсіи. Генералъ Платовъ, со всѣми казаками, находился въ Бѣлостокѣ, въ 40 миляхъ отъ Вильны, въ то время, какъ французы, вступивъ въ наши предѣлы, были отъ насъ на разстояніи 12 миль. Какія же оказались послѣдствія? Генералъ Платовъ, вмѣсто того,

[1]) По словамъ Богдановича, во время отступленія нашихъ войскъ къ Свенцянамъ и далѣе, были сожжены нѣкоторые магазины; въ одномъ изъ нихъ, въ Колтынянахъ, было уничтожено провіанта на милліонъ рублей. (т. I стр. 150).

чтобы производить диверсіи, былъ поставленъ въ необходимость искать спасенія въ быстромъ отступленіи, чтобы успѣть соединиться съ нашей второй арміей, преслѣдуемой, при этомъ, большею частію польской кавалеріи, которую поддерживали другія войска. Единственная польза отъ этого оказалась та, что, вступивъ въ Минскую губернію, генералъ Платовъ имѣлъ случай, при деревнѣ Миръ, разбить нѣсколько полковъ этой польской кавалеріи и взять много плѣнныхъ[1]). Но что могъ бы сдѣлать этотъ отрядъ казаковъ, находясь при началѣ нашего отступленія, хотя бы даже не въ полномъ составѣ при первой арміи? Всѣмъ извѣстно, до чего полезны казачьи войска, какъ при отступленіи, такъ и при преслѣдованіи, въ особенности, когда ихъ могутъ поддержать регулярныя войска. Мы сильно ощутили ихъ отсутствіе, въ особенности въ отношеніи доставленія свѣденій о движеніяхъ непріятеля.

Генералъ-лейтенантъ графъ Паленъ оставался до послѣдней минуты въ Гроднѣ съ однимъ гусарскимъ и двумя егерскими полками и только съ величайшимъ трудомъ могъ совершить свое отступленіе. Единственно искуснымъ распоряженіямъ генерала должно приписать, что его небольшой отрядъ не потерпѣлъ пораженія и благополучно ускользнулъ отъ французовъ, потерявъ, однако, не малую часть обоза и провіантскихъ фуръ. Вотъ чѣмъ окончились всѣ планы различныхъ диверсій, что было не трудно предвидѣть,— противъ такихъ превосходныхъ силъ, съ которыми Наполеонъ вторгся въ предѣлы нашего отечества.

Утверждаютъ также, что въ планъ военныхъ дѣйствій генерала Пфуля входитъ также странный планъ диверсіи, которую должна совершить въ Далмаціи Молдавская армія адмирала Чичагова, послѣ заключенія мира съ Турціею. Въ короткое время правильность этого предположенія должна выясниться.

Скажу нѣсколько словъ о возможномъ примѣненіи опыта похода Карла XII въ Малороссію и нынѣшней войны французовъ въ Испаніи, къ обстоятельствамъ, въ которыхъ находимся и мы и наши враги въ настоящее время. Обстоятельства эти совершенно противоположны тѣмъ, которыя мы видимъ въ Испаніи, по самой природѣ страны и потому, что французскія арміи имѣютъ противъ себя все населеніе страны, возставшее противъ нихъ. Карлъ же XII, при движеніи своемъ въ Малороссію, уповалъ на содѣйствіе, обѣщанное ему Мазепою, которое, однако, не осуществилось и могло, впрочемъ, обезпечить ему тылъ только при непрерывныхъ успѣхахъ его надъ противникомъ. Наполеонъ же находится въ области, обыватели которой почти всѣ на его сторонѣ и, пока онъ будетъ занимать наши губерніи, входившія ранѣе въ составъ Польскаго королевства, будетъ имѣть возможность извлекать изъ этихъ губер-

[1]) Это дѣло при Мирѣ происходило 27 іюня (9 іюля).—Богдановичъ, т. I. стр. 162.

ній значительныя пособія, сельскими произведеніями, особенно людьми послѣ новаго урожая.

Всѣ различные отзывы, слышанные мною о планѣ военныхъ дѣйствіи Пфуля, сходятся, между прочимъ, въ томъ, что данную губернію лучше всего прикрыть, ставъ не на прямомъ направленіи къ этой именно губерніи, но гдѣ либо сбоку, что несравненно выгоднѣе. Конечно, это справедливо во многихъ случаяхъ, но, при этомъ, разстояніе не должно быть такъ значительно, какъ, напр., отъ Дриссы до большой дороги, ведущей черезъ Литву въ Великорусскія провинціи, которыя обѣщаютъ намъ доставить сильную поддержку и большія средства. Къ счастію, нашъ Государь рѣшилъ отказаться отъ дальнѣйшаго осуществленія плана генерала Пфуля, и теперь наши войска двигаются, чтобы занять направленіе, предложенное мною ранѣе. Очень счастливо, что Наполеонъ до сего времени не препятствовалъ намъ въ этихъ движеніяхъ и далъ намъ время уйти впередъ немало, чтобы осуществить соединеніе нашей арміи со второю. Образъ дѣйствій Наполеона и малая до сего времени быстрота его движеній противъ насъ—совершенно для меня необъяснимы. Еслибы онъ слѣдовалъ за нами съ самаго начала съ большими силами и, притомъ сосредоточенными, то отступленіе наше отъ Дриссы и наше прибытіе въ Полоцкъ сдѣлалось бы для насъ, если и не совсѣмъ невозможнымъ, то, по меньшей мѣрѣ, очень затруднительнымъ и сопряженнымъ съ большими потерями. Нетрудно себѣ представить неисчислимыя послѣдствія нашего болѣе продолжительнаго пребыванія на позиціи при Дриссѣ, еслибы Наполеонъ подошелъ къ намъ съ достаточными силами и сталъ бы на нашемъ лѣвомъ флангѣ, чтобы воспрепятствовать намъ выполнить то движеніе, которое мы теперь спокойно совершаемъ. Что сдѣлалось бы со второю арміею князя Багратіона, преслѣдуемою и поражаемою вдвое многочисленнѣйшею арміею маршала Даву? Нельзя предвидѣть, къ чему и куда бы привело Багратіона его отступленіе. Наконецъ, къ счастью, всѣ наши опасенія разсѣялись, благодаря разумнымъ мѣрамъ Государя и бездѣйствію Наполеона, противъ его обыкновенія.

Сообщивъ Вамъ о планѣ дѣйствій генерала Пфуля, его заблужденіяхъ и его ложныхъ комбинаціяхъ, мнѣ остается Вамъ прибавить, что Пфуль военный человѣкъ большихъ достоинствъ. Онъ обладаетъ глубокими познаніями и, конечно, въ Европѣ нѣтъ военнаго профессора, болѣе его способнаго преподавать начала тактики молодымъ офицерамъ, что и было во всѣ времена самымъ любимымъ его занятіемъ. Многія военныя лица, сперва въ Берлинѣ, потомъ въ Петербургѣ, обязаны ему тѣми познаніями, которыми они обладаютъ въ военномъ дѣлѣ, и можно сказать, что онъ неутомимъ въ преподаваніи своихъ уроковъ. Но вы, генералъ, также хорошо знаете какъ и я, что, при всемъ должномъ уваженіи къ военному профессору и его глубокимъ познаніямъ, соображеніямъ и пр.,

всегда оказывались плохія послѣдствія при назначеніи его для распоряженія военными дѣйствіями. Я не хочу этимъ сказать, что не должно обращать вниманія на планъ военныхъ дѣйствій, составленный профессоромъ военныхъ наукъ; всегда можно воспользоваться всѣмъ, что найдется въ этомъ планѣ годнаго для исполненія и исключить все, что оказывается слишкомъ запутаннымъ и сложнымъ отъ большого знанія. Но, точно также несомнѣнно, что лицо, на которое возлагаютъ подобную обязанность, должно необходимо совмѣщать въ себѣ теорію военнаго дѣла съ практикою. Генералъ Пфуль, при всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ, дѣлающихъ его полезнымъ государству, не избавленъ отъ недостатка, обыкновенно присущаго выдающимся профессорамъ: именно, онъ не можетъ выносить возраженій, а еще менѣе, противорѣчій. Они его раздражаютъ до такой степени, что онъ перестаетъ говорить о военныхъ дѣлахъ съ лицомъ, которое не считаетъ его слова Евангеліемъ; я самъ испыталъ это на опытѣ.

Не могу не сообщить Вамъ, при этомъ, случившагося со мною въ Вильнѣ незадолго до вступленія Наполеона въ наши предѣлы. Государь Императоръ, послѣ обѣда, подозвалъ меня въ глубину окна и сообщилъ, что генералъ Пфуль пріѣдетъ ко мнѣ въ теченіи дня. Я принялъ смѣлость сказать: „Вашему Величеству извѣстно, что съ нимъ очень трудно объясняться“, но Государь отвѣтилъ: „Пфуль самъ будетъ говорить; я ему приказалъ это.“ Послѣ того какъ Императоръ удалился, подошелъ ко мнѣ принцъ Георгій Ольденбургскій и сказалъ: „Чрезъ часъ я къ вамъ приду съ Пфулемъ.“—Когда они оба пришли ко мнѣ, принцъ Ольденбургскій сперва заявилъ мнѣ: „Воля Государя, чтобы вы сговорились о томъ, что должно дѣлать при приближеніи непріятеля,“ и, затѣмъ, добавилъ еще: „Его Величеству благоугодно имѣть свидѣтеля-очевидца вашего обсужденія и вотъ причина, по которой Онъ мнѣ повелѣть соизволилъ присутствовать при вашемъ совѣщаніи. Долженъ предупредить васъ, господа, что я обладаю прекрасною памятью и немедленно, по возвращеніи моемъ домой, изложу на бумагѣ все, что будетъ высказано вами по этому поводу и представлю мое донесеніе Его Величеству“. Послѣ этого я высказался въ слѣдующихъ словахъ: „Если это такъ, то Ваше Императорское Высочество разрѣшитъ мнѣ высказать прежде всего, что о планѣ военныхъ дѣйствій, принятомъ для предстоящей войны, мнѣ извѣстно лишь то, что говорится о немъ въ обществѣ и въ войскахъ. Я также не участвовалъ въ совѣщаніи о размѣщеніи корпусовъ, входящихъ въ составъ различныхъ армій, мало согласномъ съ направленіемъ того движенія, которому мы должны слѣдовать. Но такъ какъ теперь идетъ рѣчь только о первыхъ движеніяхъ, то я попросилъ-бы генерала Пфуля высказать мнѣ свое о нихъ мнѣніе.“

Послѣ этого генералъ Пфуль вынулъ изъ кармана свою длинную записку, которая начиналась предположеніемъ, что въ самое время нашихъ обсужденій французы, быть можетъ, уже совершили вторженіе въ наше отечество и что потому могутъ достигнуть Вильны черезъ четыре дня, (что, однако, на дѣлѣ случилось черезъ тринадцать дней). Послѣ этого Пфуль изложилъ расчетъ о томъ, сколько времени требуется для полученія донесенія, сколько часовъ — для разсылки необходимыхъ приказаній различнымъ корпусамъ, сколько времени для того, чтобы они дошли по назначенію, сколько часовъ—для сбора войска, сколько часовъ, чтобы дойти до Вильны, и т. д. По этимъ расчетамъ, сосредоточеніе обѣихъ нашихъ армій близь Вильны требовало одиннадцать дней. Движеніе каждаго корпуса исчислялось имъ отдѣльно. Пока шли расчеты движенія корпусовъ, составлявшихъ нашъ лѣвый флангъ, я слушалъ молча, со вниманіемъ, но когда зашла рѣчь о движеніяхъ къ Вильнѣ войскъ нашихъ, находившихся въ Самогитіи, слѣдовательно, на правомъ флангѣ, я перебилъ его вопросомъ: „Какая цѣль этого движенія?“ Генералъ Пфуль, съ изумленнымъ видомъ, мнѣ сказалъ: „Вы, слѣдовательно, не стоите за оборону Вильны?“ Я посмотрѣлъ на принца Ольденбургскаго, стараясь прочесть на лицѣ его мнѣніе объ этомъ вопросѣ, такъ какъ онъ зналъ уже мое въ этомъ отношеніи мнѣніе, а затѣмъ, обратясь вновь къ генералу Пфулю, сказалъ: „Не знаю, чѣмъ я могъ навлечь на себя предположеніе, что имѣю до того мало познаній въ военномъ дѣлѣ, что въ состояніи предложить оборонять Вильну, что можетъ устремить насъ въ очевидную опасность.“ Цѣль всей записки Пфуля клонилась къ тому, чтобы доказать мнѣ разными расчетами, что французы могутъ очутиться въ окрестностяхъ Вильны восимью днями ранѣе сосредоточенія нашихъ войскъ къ этому городу. Вотъ что послужило ему основаніемъ для подобнаго предположенія. Однажды, я представлялъ Государю, что, съ цѣлію скрыть отъ непріятеля наши дѣйствительныя намѣренія въ отношеніи первыхъ движеній, было бы необходимо воздвигнуть нѣсколько полевыхъ укрѣпленій на высотахъ, находящихся впереди Вильны. Государь сказалъ мнѣ, что самъ желаетъ осмотрѣть мѣстность и приказалъ мнѣ его сопровождать. Это и было исполнено, при чемъ никто другой, кромѣ меня, съ Государемъ не ѣздилъ. Это внушило генералу Пфулю мысль, что я старался уговорить Императора принять сраженіе подъ Вильной и побудило генерала написать длинную объ этомъ записку. Продолжая мой разговоръ съ Пфулемъ, я высказалъ, что, вмѣстѣ съ нимъ, считаю не выгоднымъ и опаснымъ для насъ ожиданіе непріятеля подъ Вильной, гдѣ не имѣется даже удобной для насъ позиціи. Но, такъ какъ рѣчь идетъ о нашихъ первыхъ движеніяхъ, то, по моему мнѣнію, намъ слѣдуетъ отступить, чтобы сосредоточиться. При этомъ я не входилъ въ подробное обсужденіе

самаго направленія нашего отсупленія, такъ какъ мы располагали слишкомъ малымъ временемъ, чтобы мѣнять одобренныя и сдѣланныя уже нами по войскамъ распоряженія. Я предложилъ тогда же послать, не теряя минуты, приказаніе генералу Дохтурову, находившемуся въ то время въ Лидѣ, приблизиться къ Вильнѣ. Съ трудомъ можно повѣрить до чего мало можетъ владѣть собою генералъ Пфуль, чтобы не выразить отвращенія къ чему либо не вышедшему изъ его головы, какъ это было въ данномъ случаѣ. Онъ мнѣ рѣшился отвѣтить: „Необходимо предварительно послать спросить Дохтурова, можетъ-ли онъ, по имѣющемуся у него провіанту, совершить такое передвиженіе.“ Я не могъ воздержаться, чтобы не посмотрѣть на него пристально нѣкоторое время и затѣмъ сказать: „Неужели, генералъ, вы хотите въ военное время, отдавая какое либо приказаніе отдѣльному корпусу, предварительно всякій разъ его спрашивать, имѣетъ-ли онъ достаточно провіанта?“ Разговоръ нашъ на этомъ прекратился.

Принцъ Ольденбургскій представилъ о нашей бесѣдѣ докладъ Государю, и Его Величество приказалъ Дохтурову придвинуться къ Вильнѣ и стать въ Солешникахъ. Увѣряютъ, что, когда Государь объявилъ генералу Пфулю необходимость отказаться отъ исполненія составленнаго имъ плана военныхъ дѣйствій, изложивъ подробно побудительныя къ тому причины, генералъ Пфуль отвѣтилъ: „Сознаюсь, что я ошибся въ моихъ предположеніяхъ о дѣйствіяхъ непріятеля.“ Не ручаюсь за вѣрность этого разсказа, который всѣми, однако, повторялся. Во всякомъ случаѣ, это было плохое извиненіе, потому что составляющій планъ военныхъ дѣйствій не закончилъ своего труда, если онъ въ тоже время не разсмотрѣлъ и не опредѣлилъ, что можетъ сдѣлать его противникъ, и не обсудилъ вѣроятности тѣхъ дѣйствій, которыхъ будетъ держаться противникъ, основываясь на обстоятельствахъ, при которыхъ обѣ стороны находятся, и на характерѣ противника. Наполеонъ, какъ извѣстно, никогда не измѣнялъ своему характеру. Несомнѣнно, что Пфуль много потерялъ во мнѣніи общества и арміи изъ за ошибокъ по плану военныхъ дѣйствій; точно также несомнѣнно, что его судили, вообще, съ слишкомъ большою строгостью и при не вѣрномъ свѣтѣ, потому что Пфуль обладаетъ болшою честностію, которая дѣлаетъ его неспособнымъ погрѣшать противъ чести и великою преданностію нашему Государю, осыпавшему его доселѣ благодѣяніями.

Событія, совершившіяся во время движенія нашего отъ Вильны и во время нашего пребыванія въ лагерѣ подъ Дриссою, были весьма незначительны. Однажды, генералъ, графъ Орловъ-Денисовъ, съ казаками гвардіи, напалъ на отрядъ непріятельской кавалеріи, находившійся въ авангардѣ французовъ, разбилъ его и взялъ не

малое количество плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ находился одинъ французскій бригадный генералъ.

По приказанію Государя, генералъ, графъ Витгенштейнъ остановился со своимъ корпусомъ, въ окрестностяхъ Динабурга, чтобы прикрывать дорогу къ столицѣ—Петербургу.

Равнымъ образомъ, ничего выдающагося не послѣдовало во время движенія нашего отъ Дриссы до г. Полоцка, такъ какъ мы не имѣли вблизи себя непріятеля, за исключеніемъ не значительнаго отряда, слѣдовавшаго за нами. При такихъ обстоятельствахъ, присутствіе Императора въ арміи становилось менѣе полезнымъ, нежели до этого. Между тѣмъ, его присутствіе дѣлалось неизбѣжно необходимымъ внутри Имперіи, чтобы привести въ движеніе и направить всѣ громадныя и значительныя ея силы, которыми онъ можетъ располагать, поддержанный великимъ и воинственнымъ народомъ. Этотъ народъ, а также и армія, могу сказать, опасается не столько войны, сколько преждевременнаго мира, который не можетъ быть заключенъ въ это время съ честью и съ пользою для народа. Каждый русскій человѣкъ сознаетъ, что Наполеонъ не можетъ завоевать Россіи и что настойчивость и хладнокровіе, противопоставленные его запальчивости, положатъ, наконецъ, предѣлы его успѣхамъ. Наполеонъ вступилъ въ нашу страну съ силами превосходными надъ тѣми, которыя мы въ состояніи были доселѣ ему противоставить, и мы не могли его остановить генеральнымъ сраженіемъ, не жертвуя судьбою нашихъ армій. Никогда пословица: „сильныя болѣзни требуютъ сильныхъ средствъ (aux grands maux—grands remèdes), не имѣла лучшаго примѣненія, какъ къ нашему настоящему положенію; большія средства страны обнаружатся при появленіи Государя среди его народа. Проникнутый этою истиною, Государь рѣшился покинуть армію въ ночь съ 6 (18) на 7 (19) іюля и отправился въ Москву. Ему, конечно, много стоило сдѣлать это пожертвованіе и не оставаться долѣе во главѣ храбрыхъ своихъ воиновъ, которые единственно домогались сразиться съ врагомъ за родину на глазахъ своего Монарха. Государю извѣстно это пламенное желаніе всей арміи, будетъ-ли онъ лично ею командовать, или нѣтъ; довѣріе арміи къ его Особѣ, начиная съ генерала до послѣдняго солдата, безгранично. Я имѣлъ счастіе быть истолкователемъ онаго предъ Государемъ въ Вильнѣ. Если мы имѣемъ примѣры того, что можетъ произвести довѣріе войскъ къ ихъ начальнику, то чего же не въ силахъ произвести присутствіе въ арміи Монарха, который онымъ пользуется? Такое довѣріе можетъ довести войска до такого восторга и увлеченія, которые могутъ рѣшать сраженіе, а слѣдовательно, и участь государства. Отъѣздъ Государя изъ арміи, на который онъ долженъ былъ рѣшиться, вызвалъ бы гораздо болѣе сожалѣній среди нашихъ храбрыхъ воиновъ, если

бы ихъ не оживляла надежда, что это отсутствіе будетъ крайне непродолжительнымъ и что армія будетъ имѣть счастье вновь увидѣть своего Государя во главѣ ея, какъ скоро это дозволятъ обстоятельства, а ожидаемыя нами подкрѣпленія доведутъ армію до того состоянія, въ которомъ она будетъ въ силахъ отразить всѣ усилія Наполеона и его союзниковъ.

ПИСЬМО V.

Смоленскъ, 4 (16) августа 1812 г.

Расположеніе французскихъ армій въ началѣ войны. Наше движеніе на Витебскъ. Намѣреніе Барклая дать сраженіе. Отступленіе къ Смоленску. Ратификація мира съ Турціею. Письмо Беннигсена къ Императору. Движеніе Наполеона къ Смоленску. Распоряженія Барклая. Сраженіе при Красномъ. Отправка Раевскаго въ Смоленскъ. Письмо Ланжерона и Беннигсена. Сраженіе при Смоленскѣ. Дѣло при Руднѣ.

Въ прошедшемъ письмѣ моемъ отъ 8 (20) іюля изъ Полоцка, я уже упоминалъ о медленности, которую обнаружилъ Наполеонъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ нашихъ войскъ. Въ день отъѣзда моего изъ Смоленска были получены свѣдѣнія, что онъ долженъ былъ покинуть Вильну 2 (14) іюля и что войска его, столь долгое время стоявшія въ окрестностяхъ этого города, также двинулись далѣе. Направленіе ихъ движенія въ то время не было еще въ точности намъ извѣстно; сегодня же могу Вамъ сообщить нѣкоторыя объ этомъ свѣдѣнія.

3 (15) іюля маршалъ Даву, со своимъ корпусомъ, стоялъ на р. Березинѣ; король Вестфальскій Іеронимъ—въ Новогрудкѣ; вице-король Итальянскій—въ Вилейкѣ, Мюратъ—въ Диснѣ, гдѣ онъ переправился чрезъ Двину; маршалъ Удино находился, по прежнему, около Динабурга, противъ графа Витгенштейна, когда наша армія подходила къ Полоцку; Макдональдъ стоялъ въ Шавляхъ; маршалъ Ней, Бессьеръ и Мортье, съ ввѣренными имъ корпусами, входившими въ составъ великой арміи Наполеона, направлялись по дорогѣ изъ Вильны въ Витебскъ, которымъ Наполеонъ приказалъ овладѣть, получивъ извѣстіе, что мы покинули нашу укрѣпленную позицію при Дриссѣ и двинулись на Полоцкъ. Князь Шварценбергъ занималъ въ то время Пружаны, Кобринъ и Пинскъ. Генералъ Ренье, съ саксонскими войсками, пребывалъ въ Слонимѣ; Маршалъ Гувіонъ Сенъ-Сиръ, съ баварцами, остался въ Вильнѣ, а маршалъ Викторъ, со своимъ корпусомъ, находился еще въ Варшавѣ.

Вамъ извѣстно, что, при открытіи военныхъ дѣйствій, генералъ Барклай де Толли былъ назначенъ главнокомандующимъ первою

арміею; онъ принялъ это командованіе послѣ пріѣзда Государя Императора въ Москву.

Сильное недомоганіе побудило меня просить Государя, наканунѣ его отъѣзда, дозволить мнѣ ѣхать впередъ, чтобы имѣть возможность отдохнуть нѣсколько дней въ Полоцкѣ, такъ какъ присутствіе мое въ арміи являлось совершенно излишнимъ, потому что я не имѣлъ никакого особаго назначенія, а считался только состоящимъ при Особѣ Его Величества. Впрочемъ, я составилъ предложеніе и расчетъ о движеніяхъ войскъ, необходимыхъ для слѣдующаго предпріятія.

Князь Багратіонъ находился въ то время на пути слѣдованія къ мѣстечку Старый Быховъ, на берегахъ Днѣпра, а генералъ Платовъ получилъ приказаніе, съ большею частію ввѣренныхъ ему казаковъ, перейти Днѣпръ и присоединиться къ первой арміи. Наполеонъ, съ главными силами, находился еще въ нѣсколькихъ переходахъ отъ насъ. При такихъ условіяхъ, я предлагалъ нашу первую армію двинуть по правому берегу Двины черезъ Куриловщину до Будиловой пристани, что составляло разстояніе въ 64 версты и требовало для перехода два дня. Затѣмъ, эта армія должна была перейти рѣку и двинуться по направленію къ Оршѣ, оставивъ по правую руку Сѣнно; на это требовалось также два дня. Въ Оршѣ армія могла перейти Днѣпръ, если маршалъ Даву не переправился черезъ эту рѣку; въ противномъ случаѣ, она могла бы спуститься по правому берегу Днѣпра. Такое движеніе первой арміи, сообщенное князю Багратіону, могло поставить корпусъ маршала Даву между двухъ огней и, слѣдовательно, подвергнуть его большой опасности, отъ которой онъ могъ избавиться только съ значительными потерями, такъ какъ Наполеонъ не могъ-бы явиться къ нему на помощь достаточно во время. Соединеніе нашихъ двухъ армій совершилось бы гораздо ранѣе, самымъ легчайшимъ способомъ, и послѣ этого онѣ могли-бы въ полной безопасности двинуться на Смоленскъ; при этомъ, первая армія избѣгла бы необходимости совершенія обхода, сдѣланнаго ею при движеніи на Витебскъ.

Такъ какъ Императоръ уже не находился при арміи, то мое предположеніе было сообщено генералу Барклаю, который предпочелъ двинуться на Витебскъ, гдѣ онъ и перешелъ Двину со всею арміею 11 (23) числа. [1])

14 (26) іюля Наполеонъ, съ великою арміею, прибылъ въ Островно, въ 23 верстахъ отъ Витебска. Графъ Остерманнъ былъ направленъ со своимъ корпусомъ на эту дорогу, чтобы служить намъ предупредительнымъ постомъ. Ему предстояло пройти

[1]) Расположился на р. Лучесѣ, гдѣ имѣлъ намѣреніе дать генеральное сраженіе, но позднѣе отказался отъ онаго и отступилъ къ Смоленску. (см. М. Богдановичъ т. I стр. 191, 199, 201).

не малый лѣсъ, въ которомъ онъ подвергался нападенію всего непріятельскаго авангарда, подъ начальствомъ Неаполитанскаго короля, состоявшаго изъ двухъ дивизій кавалеріи и одной пѣхоты; кромѣ того, его поддерживалъ корпусъ вице-короля Итальянскаго, присутствіе котораго не предполагалось въ столь близкомъ отъ насъ разстояніи. Только храбрость и распорядительность графа Остерманна выручили его изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ онъ очутился; при этомъ, онъ потерялъ, однако, не мало людей убитыми и ранеными, а также шесть полевыхъ орудій. По мѣрѣ наступленія французовъ, Остерманнъ отходилъ все болѣе и болѣе къ нашему лагерю.[1])

Русская армія расположилась на довольно значительныхъ холмахъ, возвышающихся передъ самымъ Витебскомъ, а также вблизи этого города.

15 (27) іюля Наполеонъ, во главѣ своей великой арміи, подошелъ къ фронту нашей позиціи и приказалъ занять пѣхотою и тяжелою артиллеріею нѣсколько высотъ, господствующихъ надъ нѣкоторой частью нашей позиціи. Генералъ Барклай де Толли имѣлъ сперва намѣреніе принять сраженіе на занимаемой имъ позиціи и оборонять этотъ пунктъ. Спасеніе государства было въ то время тѣсно связано съ соединеніемъ ввѣренной ему арміи съ арміею Багратіона; онъ долженъ былъ радоваться, что, вопреки всѣмъ вѣроятіямъ, добавлю, безъ затрудненій, и не понеся значительныхъ потерь, счастливо прибылъ къ Витебску, чего бы никогда не могъ совершить, если-бы Наполеонъ дѣйствовалъ съ большою быстротою. Багратіонъ также счастливо дошелъ до Могилева; это, такъ сказать, устраняло для него всѣ затрудненія, которыя онъ могъ ожидать отъ составленнаго плана военныхъ дѣйствій, о которомъ я вамъ уже говорилъ. Рѣшеніе Барклая—принять сраженіе подъ Витебскомъ и, быть можетъ, потерпѣть пораженіе, подвергало опасности участь арміи, государства и даже цѣлой Европы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, побуждало, съ другой стороны, князя Багратіона дѣлать различныя напрасныя движенія и марши. Если-бы мы и одержали побѣду, то она не могла быть рѣшительною, по причинѣ большого численнаго превосходства непріятеля. Какой же былъ бы результатъ этой побѣды? Соединеніе нашихъ двухъ армій не совершилось-бы скорѣе и не являлось бы болѣе обезпеченнымъ. Если же, напротивъ того, мы были бы разбиты, и Наполеонъ, оставивъ сильный резервъ въ Сѣнно, успѣлъ бы намъ стать въ флангъ, то легко представить себѣ, какова была бы участь нашей арміи и всей Имперіи? Какое бы направленіе приняло наше отступленіе? Витебскъ не имѣетъ никакого сообщенія съ другими пунктами и рѣшительно

[1]) Дѣло при Островнѣ происходило 13 (25) іюля. Островно—между т. Витебскомъ и Бѣшенковичами на рѣкѣ з. Двинѣ.

ничего не прикрываетъ, какъ стратегическій пунктъ. Къ счастью, успѣли къ вечеру отговорить Барклая де Толли отъ намѣренія дать сраженіе подъ Витебскомъ. Послѣ артиллерійской стрѣльбы, продолжавшейся болѣе или менѣе сильно цѣлый день, но не причинявшей много вреда ни той ни другой сторонѣ, Барклай де Толли рѣшился съ заходомъ солнца начать отступленіе по большой Смоленской дорогѣ, которая тянется по лѣвому берегу Двины.

Очень счастливо было для насъ, что Наполеонъ могъ сосредоточить всѣ главныя свои силы только къ вечеру этого дня; иначе, сраженіе было бы начато ранѣе и приняло бы до того большіе размѣры, что нашей арміи едва-ли удалось бы отступить на глазахъ непріятеля и притомъ такого, какимъ являлся Наполеонъ, не понеся значительныхъ потерь. Французы насъ не преслѣдовали въ значительныхъ силахъ. Корпуса ихъ, посланные по нашимъ слѣдамъ, были задержаны благоразумными распоряженіями генералъ-лейтенанта графа Палена, которому было ввѣрено начальство надъ нашимъ арьергардомъ; онъ поступилъ какъ настоящій боевой генералъ и проявилъ въ этомъ случаѣ свои дарованія и свои военныя познанія.

Я вамъ уже сообщалъ, что послѣ отъѣзда Государя Императора, на мнѣ не лежало никакихъ обязанностей, связывавшихъ меня съ дѣйствующею арміей и, такъ какъ мое здоровье не совсѣмъ оправилось, я, вмѣстѣ съ состоявшими при мнѣ адъютантами, уѣхалъ впередъ, въ Смоленскъ.

Еще въ Витебскѣ было получено извѣстіе о счастливомъ во всѣхъ отношеніяхъ мирѣ съ турками, ратификованномъ въ Константинополѣ. Я счелъ своимъ долгомъ, передъ отъѣздомъ своимъ изъ Витебска, повергнуть къ стопамъ Его Величества мои вѣрноподданическія поздравленія съ этимъ счастливымъ событіемъ и выразилъ ихъ въ слѣдующемъ моемъ письмѣ отъ 12 (24) іюля 1812 г. „Всемилостивѣйшій Государь! Соблаговолите принять мои самыя искреннѣйшія поздравленія по случаю ратификаціи мира съ Турецкою Портою, съ событіемъ всегда важнымъ и счастливымъ, потому что оно соотвѣтствуетъ желаніямъ Вашего Императорскаго Величества, а также и Вашего народа, но еще болѣе важнымъ и счастливымъ при условіяхъ настоящаго времени. Прекрасная Молдавская армія дѣлается свободною и, дѣйствуя согласно съ арміею генерала Тормасова, можетъ или направиться на Брестъ и своими демонстраціями одновременно и угрожать Варшавѣ и причинять безпокойства въ тылу непріятельскихъ войскъ, размѣщенныхъ по Литвѣ и другимъ мѣстамъ, или направиться въ Минскую губернію, чтобы, войдя въ соприкосновеніе съ главною нашею арміею, дѣйствовать на правомъ флангѣ непріятеля. Невозможно исчислить всѣ послѣдствія, которыя можетъ породить подобное движеніе, благоразумно согласованное съ движеніями прочихъ армій Вашего Ве-

личества и осуществленное въ надлежащей совокупности. Первымъ и самымъ непосредственнымъ явилось бы, вѣроятно, очищеніе французами Минской губерніи и части Литвы. Всѣ прочія выгоды легко усмотрѣть, бросивъ взглядъ на расположеніе войскъ, какъ Вашего Величества, такъ и непріятельскихъ. Соединенные враги славы Вашего Императорскаго Величества и счастья Вашихъ народовъ будутъ принуждены, болѣе чѣмъ когда либо, сожалѣть, что отважились вторгнуться въ среду народа, любящаго своего Государя, свое отечество и свою честь и для котораго не являются тяжкими никакія пожертвованія, когда идетъ дѣло о сохраненіи территоріи Россіи и объ успѣхахъ оружія Вашего Величества. Я желалъ-бы видѣть Васъ, окруженнымъ ореоломъ славы, пользующимся всѣмъ превосходствомъ, доставляемымъ Вамъ неисчислимыми средствами Вашихъ обширныхъ владѣній. Да укрѣпитъ онъ спокойствіе и счастье народа, чувства котораго я раздѣляю, и, если я когда либо буду въ состояніи содѣйствовать какимъ либо образомъ успѣхамъ Вашего оружія, то всѣ мои желанія будутъ исполнены, и я сойду въ могилу довольный, что служилъ лучшему и наиболѣе любимому изъ всѣхъ монарховъ".

Наша армія тронулась изъ Витебска въ ночь съ 15 (27) на 16 (28) іюля, переправилась черезъ Двину, прошла Гапоновщину и прибыла 17 (29) въ г. Суражъ, откуда продолжала свое движеніе къ Смоленску. За арьергардомъ нашей арміи, непосредственно, слѣдовалъ Король Неаполитанскій, со своею резервною кавалеріею и одною пѣхотною дивизіею, а за нимъ—маршалъ Ней, со своимъ корпусомъ. Происходившія при этомъ стычки нашихъ войскъ съ французскими были незначительны, и наша армія благополучно подошла къ Смоленску 20 іюля (1 августа), гдѣ и послѣдовало на другой день, 21 іюля (2 августа) счастливое соединеніе обѣихъ нашихъ армій [1]). Наполеонъ, приказавъ маршалу Нею слѣдовать за русскою арміею, сдѣлалъ хорошо обдуманное движеніе, достойное удивленія. Со всѣми своими остальными войсками, а также корпусомъ Неаполитанскаго короля, онъ направился двумя колоннами на право, переправился чрезъ Днѣпръ у Расасны и двинулся на Ляды и Красное. Такимъ образомъ, этимъ движеніемъ Наполеонъ обманулъ русскаго главнокомандующаго, ожидавшаго врага противъ Смоленска, на *правомъ* берегу Днѣпра. Появленіе французовъ на *лѣвомъ* берегу рѣки явилось для насъ неожиданностію и легко могло обойтись намъ весьма дорого, какъ я вамъ это поясню. Чрезвычайно удивительно, что Барклай не получилъ отъ тайныхъ агентовъ ни донесеній, ни увѣдомленій о движеніи Напо-

[1]) Князь Багратіонъ, пройдя изъ Волковиска на Слонимъ, Несвижъ, Слуцкъ, Бобруйскъ, переправился чрезъ Днѣпръ у Новаго Быхова и затѣмъ, чрезъ Пропойскъ, Чаусы, Горки, Дубровну и Любовичи подошелъ къ Смоленску и соединился съ арміею Барклая де Толли. (См. М. Богдановичъ т. I стр. 207—220).

леона съ такою массою войскъ, ни даже какихъ либо намековъ, такъ что всѣ предположенія о направленіи, принятомъ французскою арміею, явились совершенно противоположными дѣйствительному ея движенію. Это ввело въ заблужденіе нашего главнокомандующаго и побудило его сдѣлать несоотвѣтствующія распоряженія и совсѣмъ излишнія движенія. Получивъ донесеніе, что Наполеонъ, съ главными силами своей арміи остается позади и что маршалъ Ней, со своимъ корпусомъ, одинъ двинулся къ Порѣчью, чтобы преградить намъ прямое сообщеніе съ Петербургомъ и войсками, оставшимися у Дисны, генералъ Барклай предложилъ князю Багратіону присоединить 2-ю армію къ первой и затѣмъ, совмѣстно, общими силами, атаковать маршала Нея у Порѣчья, находящагося въ 58 верстахъ вправо отъ Смоленска, по направленію къ Витебску, черезъ Духовщину. Наши войска выступили, но на половинѣ пути были получены болѣе точныя донесенія нѣкоторыхъ нашихъ легкихъ конныхъ отрядовъ о томъ, что непріятель показывается лишь въ незначительномъ количествѣ, а потому князь Багратіонъ первый вернулся со своею арміею опять къ Смоленску. Едва дойдя до этого города, онъ получилъ вновь предложеніе генерала Барклая вернуться обратно къ нему, такъ какъ было обнаружено, что корпусъ маршала Нея занимаетъ позицію, въ которой мы можемъ атаковать его съ рѣшительнымъ для насъ успѣхомъ. Я находился въ это самое время у князя Багратіона, и, хотя онъ и желалъ дать отдыхъ своимъ войскамъ, послѣ сдѣланнаго имъ напраснаго и утомительнаго перехода при непрерывномъ дождѣ, холодной осенней погодѣ и невылазнымъ дорогамъ [1]), но князь Багратіонъ снова выступилъ въ походъ, считая себя обязаннымъ поддержать своего боевого товарища. Во время движенія нашихъ армій къ Порѣчью и обратно, французскія войска, при которыхъ находился самъ Наполеонъ, сосредоточились на дорогѣ изъ Краснаго и король Неаполитанскій, съ авангардомъ, подошелъ къ этому мѣстечку, въ которомъ князь Багратіонъ оставилъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Невѣровскаго, небольшой отрядъ, состоявшій изъ Харьковскаго драгунскаго полка, подъ начальствомъ полковника Юзефовича, одного казачьяго полка, подъ начальствомъ полковника Бухолова, изъ 41, 49 и 50 егерскихъ пѣхотныхъ полковъ 27-й пѣхотной дивизіи, при шести орудіяхъ. Всѣ эти полки вмѣстѣ составляли не болѣе 30 тыс. человѣкъ. Сообщу Вамъ, на основаніи рапорта генерала Невѣровскаго къ князю Багратіону, о послѣдовавшемъ у него дѣлѣ съ французами.

2 (14) августа главные казачьи полки Невѣровскаго подверглись нападенію превосходныхъ силъ непріятеля при Лядахъ и отошли къ мѣстечку Красное, гдѣ присоединились къ авангарду

[1]) Всѣ эти неблагопріятныя условія переходовъ лишили обѣ наши арміи почти пяти тысячъ человѣкъ больными, посланными въ госпитали.

подъ начальствомъ генерала маіора Оленина. Невѣровскій тотчасъ расположилъ свои войска въ боевой порядокъ и, отрядивъ одинъ егерскій полкъ съ резервомъ изъ двухъ баталіоновъ и два орудія для защиты самаго мѣстечка, самъ, съ остальными войсками, сталъ позади мѣстечка, прикрывъ свои фланги пятью эскадронами Харьковскаго драгунскаго полка и выславъ одинъ егерскій полкъ, вмѣстѣ съ казачьимъ, для охраненія тыла его позиціи. Въ продолженіи четырехъ часовъ онъ выдерживалъ самый сильный огонь непріятеля, но, видя, что французы всю резервную кавалерію, подъ начальствомъ Неаполитанскаго короля, поддержанную одною пѣхотною дивизіею и сильною кавалеріею, обходятъ его позицію, Невѣровскій рѣшилъ покинуть ее и отступилъ за небольшую деревню Микулино. Тутъ непріятельская кавалерія усилила свои атаки, противъ которыхъ не въ состояніи былъ держаться одинъ драгунскій полкъ и принужденъ былъ поспѣшно отступить. Пѣхота, оставшаяся одна, была вскорѣ окружена непріятельскою кавалеріею, но генералъ Невѣровскій построилъ ее въ одну тѣсную колонну и хладнокровіемъ, мѣтко направляя огонь на окружавшую его кавалерію, пробился сквозь непріятеля къ деревнѣ Мерлино, откуда продолжалъ свое движеніе, все отстрѣливаясь, до самой Коростни, въ разстояніи 23 верстъ отъ Смоленска, при чемъ вся многочисленная непріятельская кавалерія не въ состояніи была опрокинуть его кавалеріи ни на одномъ пунктѣ, во время всего этого критическаго движенія.

Отъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ, взятыхъ нашими казаками еще по ту сторону Краснаго, генералъ Невѣровскій узналъ, что самъ Наполеонъ, съ главными силами, двигается по этой же самой дорогѣ. Невѣровскій не замедлилъ отправить съ этимъ извѣстіемъ къ князю Багратіону офицера, за которымъ скоро былъ посланъ и другой, съ донесеніемъ о происшедшемъ дѣлѣ при Красномъ и объ отступленіи Невѣровскаго къ Смоленску. Но оба эти гонца принуждены были совершить свой переѣздъ до Смоленска, въ разстояніи около 46 верстъ отъ Краснаго, на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ, причемъ отъ Смоленска имъ предстояло проѣхать около 30 верстъ, чтобы прибыть по назначенію. Князь Багратіонъ, получивъ первый рапортъ, не замедлилъ отправить сейчасъ-же генерала-лейтенанта Раевскаго, съ его дивизіею въ Смоленскъ, чтобы занять городъ и воспрепятствовать Наполеону вступить въ оный, въ тылу нашихъ войскъ, до ихъ возвращенія.—Раевскій шелъ всю ночь и прибылъ счастливо къ Смоленску рано утромъ 3 (15) Августа въ то время, какъ къ этому же городу подходилъ и Невѣровскій, за которымъ слѣдовалъ авангардъ французовъ. Вы видите, что генералъ Невѣровскій своимъ образомъ дѣйствій и поспѣшностію извѣщенія князя Багратіона о движеніи Наполеона, оказалъ весьма существенную услугу нашей арміи и нашему государству.

Во время моего пребыванія въ Смоленскѣ, я получилъ отъ генералъ-лейтенанта графа Ланжерона изъ Бухареста второе письмо отъ 4 (16) іюля 1812 г., въ которомъ онъ, между прочимъ, писалъ мнѣ слѣдующее:

„..Въ настоящее время нашей Имперіи угрожаютъ значительныя непріятельскія силы; у насъ же здѣсь имѣется до 50-ти тыс. свободныхъ войскъ.—Миръ съ Турціею заключенъ и ратификованъ. Это событіе тѣмъ болѣе счастливое, что оставляетъ въ безопасности Югъ Европы; для насъ же самымъ выгоднымъ послѣдствіемъ этого мира является возможность располагать лишними 50-ю тыс. солдатъ. Это войско стоитъ въ настоящее время въ Валахіи; если оно простоитъ еще іюль и августъ мѣсяцы,—время болѣзней,—можно опасаться, что оно значительно уменьшится; въ настоящее же время оно въ самомъ превосходномъ состояніи; хотя многіе полки и потеряли въ каждой ротѣ почти половинное число людей, но рвеніе ближайшихъ начальниковъ и заботливость генераловъ увѣнчались такимъ успѣхомъ, что эта армія представляетъ совершенство въ отношеніи строя, выправки военныхъ упражненій и внутренняго хозяйства войскъ; все это поражаетъ даже самыхъ опытныхъ военныхъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями понесенныхъ ею потерь и знавшихъ до чего незначительными средствами располагали командиры полковъ, для приведенія послѣднихъ въ надлежащей видъ. Лошади въ кавалеріи и артиллеріи также въ наилучшемъ видѣ".

„Эта армія прекрасна, вполнѣ свыклась съ войною, насчитываетъ большое число опытныхъ генераловъ и офицеровъ, воодушевлена большою храбростію и является лучшею въ Европѣ. Увеличенная еще войсками, которыя можетъ удѣлить герцогъ Ришелье, она легко можетъ быть доведена до 50 т. штыковъ, даже оставивъ необходимое число войскъ въ Бессарабіи, которое, по моему соображенію, не должно быть свыше двѣнадцати баталіоновъ резервныхъ и двухъ казачьихъ полковъ. Но если-бы признано было необходимымъ занимать еще нѣкоторое время Молдавію и Валахію нашими войсками, оставивъ для этого еще 12 резервныхъ баталіоновъ и одинъ казачій полкъ, тѣмъ не менѣе, можно немедленно двинуть въ Польшу 70 баталіоновъ (въ томъ числѣ 14, взятыхъ у герцога Ришелье, 64 эскадрона, 8 казачьихъ полковъ и 200 орудій). Эта армія, свыше 40 тысячъ человѣкъ, черезъ 36 дней можетъ дойти до Дубна, а черезъ 48 дней до Брестъ-Литовска, или же стать на правомъ флангѣ, если это признано будетъ необходимымъ. Во всякомъ случаѣ, это будетъ прекрасная резервная армія; при благопріятныхъ условіяхъ, она въ состояніи будетъ дѣйствовать и въ герцогствѣ Варшавскомъ. Она можетъ получить и другое назначеніе. Все предвѣщаетъ, что она будетъ двинута въ Далмацію, а быть можетъ, и въ Италію, чтобы произвести переворотъ, въ которомъ я

не вполнѣ увѣренъ. Я опасаюсь также, что подобная диверсія ни въчемъ не разстроитъ плановъ Наполеона и не побудитъ его передвинуть ни одного человѣка изъ Польши, потому что, если онъ окажется побѣдителемъ въ Россіи, то успѣхи наши въ Далмаціи будутъ сами собою парализованы; если же онъ будетъ побѣжденъ, то погибнетъ и безъ этой диверсіи. Для нашего движенія въ Далмацію необходимо, чтобы султанъ разрѣшилъ нашимъ войскамъ проходъ по его владѣніямъ и заключилъ-бы съ нами союзъ. Такой союзъ, однако, еще не заключенъ. Я желалъ-бы ошибиться, но опасаюсь, что дѣло заключенія подобнаго союза затянется, т. какъ я знаю азіатскую медленность вообще, которая предшествуетъ всѣмъ рѣшеніямъ султана и его Дивана, а также недовѣрчивость и подозрительность самого султана. Если онъ узнаетъ, что война въ Польшѣ началась уже, то пожелаетъ, быть можетъ, выждать хода событій, прежде чѣмъ на что либо рѣшиться, и, если сентябрь мѣсяцъ,—мѣсяцъ дождей и непогодъ,—застанетъ насъ въ Босніи, то нѣтъ возможности надѣяться пройти по этой странѣ. Дороги чрезвычайно плохи въ Сербіи; въ Босніи же онѣ непроходимы,—необходимо ихъ вездѣ исправить, мѣстами даже соорудить новыя, чтобы могла пройти артиллерія, обозъ и огромное число повозокъ съ продовольствіемъ, которое нужно везти съ собою. Исправленія дорогъ потребуютъ и много людей. Предположимъ, что султанъ изявитъ согласіе на желаемый нами проходъ войскъ. Но ему часто очень слабо повинуются начальники областей; возможно, что паши и начальники въ Босніи не согласятся исполнить его приказанія, если они имѣютъ къ тому свои причины. Босняки и небольшое число французовъ, находящихся въ Далмаціи, могутъ остановить или, по крайней мѣрѣ, задержать на время движеніе арміи въ страшныхъ дефилеяхъ, по которымъ можно проходить только по одному человѣку въ рядъ. Допустивъ даже, что мы бы могли быстро, безъ затрудненій, проникнуть въ Далмацію, на что я, однако, не смѣю надѣяться, мы не нашли бы тамъ ни портовъ, ни укрѣпленныхъ мѣстъ, а Рагуза, Боккo ди Каттаро и другія мѣста не могутъ быть легко и скоро заняты. Время будетъ уходить; продовольствіе окажется недостаточнымъ; обнаружатся болѣзни и явится опасеніе, что эта прекрасная армія если не будетъ истреблена, то, по крайней мѣрѣ, будетъ много страдать и даже, быть можетъ, принуждена будетъ возвратиться въ Валахію среди зимы. Я не полагаю, чтобы можно было уповать на Иллирійцевъ: это плуты,—народъ очень коварный, низкій, подлый и чрезвычайно перемѣнчивый, а между тѣмъ, безъ ихъ содѣйствія, мы ничего не можемъ сдѣлать въ Далмаціи, и если французское вліяніе и золото Франціи побудятъ ихъ склониться на ея сторону, то намъ предстоитъ на каждомъ шагу преодолѣвать препятствія и затрудненія и не имѣть надежды на успѣхъ. Необходимо, по крайней мѣрѣ, 60 дней, чтобы проникнуть до береговъ Адріати-

ческаго моря; я опасаюсь, что мы не можемъ выступить ранѣе 25 іюля (6 августа); слѣдовательно, нельзя надѣяться достичь предѣла похода ранѣе 1 (13) Октября; это уже очень поздно; въ этотъ періодъ времени будутъ-ли возможны на морѣ необходимыя для насъ вспомогательныя дѣйствія нашего флота? Я предполагаю, что намъ нечего опасаться австрійцевъ, потому что, въ противномъ случаѣ, мнѣ кажется, невозможно даже и помышлять о какой либо экспедиціи въ столь отдаленныя земли. Австрійцы, спустившись изъ Трасильваніи въ Валахію, запрутъ нашу армію въ Босніи.— Если же, для отвращенія всякой опасности, отправить въ Далмацію только одну половину вышеозначеной арміи, а другую оставить въ Валахіи, то это будетъ только одно раздвоеніе силъ, которое можетъ сдѣлать насъ слабыми въ обоихъ мѣстахъ. Къ тому же, если мы оставимъ свои войска въ Валахіи, то не усмотритъ-ли Диванъ въ этомъ поступкѣ для себя опасность, что, послѣ успѣховъ въ Польшѣ, мы можемъ остаться на берегахъ Дуная, и въ этомъ случаѣ Порта, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать нашимъ намѣреніямъ, будетъ имъ оказывать противодѣйствіе. Если же эта многочисленная армія, свѣжая, воинственная, преисполненная прекраснаго духа, будетъ направлена въ Польшу или Россію, чтобы совершать зимній походъ или вторую кампанію въ 1813 году, то будетъ, я полагаю, имѣть видный успѣхъ въ борьбѣ съ врагомъ утомленнымъ, разстроеннымъ уже первою кампаніею, ослабленнымъ потерями, которыя, очевидно, будутъ весьма значительны. Если я въ состояніи отплатить Государю за Его ко мнѣ благодѣянія, мое рвеніе и преданность ни на минуту не угаснутъ и во время этой предположенной экспедиціи, но я опасаюсь, что таковая будетъ безъ успѣха и только истребитъ эту прекрасную армію, съ которою я воевалъ въ теченіи шести лѣтъ. Вотъ единственныя причины, побудившія меня взяться за перо. Никто болѣе меня не желалъ бы ошибаться въ своихъ взглядахъ, потому что никто болѣе меня не дорожитъ славою и интересами своей родины".

Ланжеронъ.

Я счелъ своимъ долгомъ это письмо графа Ланжерона переслать въ подлинникѣ Его Величеству, присоединивъ еще и слѣдующее мое письмо отъ 4 (16) августа.

„Всемилостивѣйшій Государь! Только что получилъ я второе [1]) письмо отъ графа Ланжерона изъ Валахской арміи. Содержаніе письма показалось мнѣ до того достойнымъ вниманія, что я счелъ своимъ долгомъ повергнуть его къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Мысль отправить экспедицію въ Далмацію, которую онъ предполагаетъ, сопровождается имъ опроверженіями весьма

[1]) Я имѣлъ счастье представить Его Величеству первое письмо, когда Государь находился еще въ арміи, въ Вильнѣ.

Примѣч. Беннигсена.

правильными и мудрыми. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что армія въ 40 тыс. человѣкъ, отправленная въ Далмацію, одолѣвъ всѣ препятствія, ей представившіяся въ этой странѣ, будетъ направлена въ Италію, чтобы войти въ сношенія съ англичанами, намѣревающимися, какъ говорятъ, сдѣлать высадку въ этой странѣ; все это можетъ доставить чрезвычайно важные для насъ результаты. Но мнѣ кажется, что обстоятельства даннаго времени не такого рода, чтобы можно было допустить мысль о дальней экспедиціи и заставлять желать ея послѣдствій. Блестящія рѣшительныя дѣйствія въ мѣстахъ, гдѣ собраны теперь главныя арміи, одни могутъ приготовить отдаленные народы къ присоединенію къ намъ, съ цѣлію свергнуть наложененныя на нихъ оковы. Но доколѣ они будутъ видѣть, что французы еще внутри Россіи и имѣютъ на своей сторонѣ всѣ признаки успѣховъ, опасеніе будетъ воздерживать ихъ отъ присоединенія къ намъ и обратитъ ихъ оружіе противъ насъ. Первое наше сраженіе съ французами, которое, какъ предполагаютъ, послѣдуетъ въ окрестностяхъ Смоленска, хотя и будетъ въ нашу пользу, какъ это надо надѣятся, и въ чемъ я твердо убѣжденъ, не будетъ еще имѣть, на сколько я могу предвидѣть, настолько рѣшительныхъ послѣдствій, чтобы измѣнить наше положеніе и дозволить намъ предпринять отдаленную экспедицію. Только при направленіи движенія Молдавской арміи такимъ образомъ, чтобы она могла поддержать дѣйствія нашей главной арміи, въ соединеніи съ арміею Тормасова, она представитъ собою прекрасную и многочисленную армію, которая будетъ содѣйствовать тому, что успѣхи главной арміи будутъ гораздо рѣшительнѣе и болѣе блестящи. Если же наши сѣверныя арміи потерпятъ нѣкоторыя неудачи, то эта молдавская армія составитъ главную и явится для непріятеля всегда внушительной и грозной. Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше изволите простить мнѣ дѣлаемое, быть можетъ, мною злоупотребленіе тою милостію, которую Вы мнѣ оказываете дозволеніемъ повергать къ стопамъ Вашимъ мысли мои, могущія, по моему мнѣнію, оказаться полезными нѣкоторымъ образомъ.—Рвеніе къ службѣ Вашего Величества, участіе въ Вашей славѣ и счастіи народа Вамъ подвластнаго, наконецъ, признательность моя за всѣ благодѣянія Ваши, мнѣ оказанныя, внушили мнѣ эти строки.“

Беннигсенъ.

Послѣ этихъ писемъ Вы, генералъ, конечно не станете, какъ и я, сомнѣваться въ томъ, чтобы планъ диверсіи въ Далмацію, отправленіемъ туда молдавской арміи, не входилъ въ составъ общаго плана военныхъ дѣйствій, предложеннаго генераломъ Пфулемъ. Къ счастію, наша армія подходитъ къ Смоленску въ то время, какъ я пишу вамъ эти строки. Непріятельскіе выстрѣлы уже раздаются съ противоположной стороны, а также по близости города. Вы можете

себѣ представить тревогу, произведенную въ нашей арміи при первомъ извѣстіи о движеніи Наполеона и опасеніе, чтобы онъ не занялъ городъ ранѣе возвращенія нашихъ армій, при чемъ наши солдаты являются изнуренными передвиженіями, столь же безполезными, какъ и утомительными, продолжавшимися шесть дней въ самое ненастное время. Неудивительно, что неудовольствіе солдатъ проявилось довольно громко. Не долженъ умолчать, что при этихъ передвиженіяхъ, сдѣланныхъ арміями, чтобы сразиться съ маршаломъ Неемъ, нашимъ генераламъ Платову и Палену удалось 27 Іюля (8) (августа) настичь подъ Руднею часть французскихъ войскъ, подъ начальствомъ генераловъ Себастіани и Монбренъ, и нанести имъ чувствительное пораженіе; французы потеряли много убитыми и ранеными и взятыми въ плѣнъ. Нахожусь въ необходимости закончить письмо; довольно необычайныя обстоятельства, о которыхъ я Вамъ сообщу на словахъ, побуждаютъ меня въ эту минуту покинуть армію [1]). Вы можете расчитывать, что я буду въ точности освѣдомленъ о событіяхъ, которыя еще совершатся здѣсь, подъ Смоленскомъ; предполагаю, что они будутъ кровопролитны; я сообщу Вамъ о нихъ въ слѣдующемъ письмѣ.

---

[1]) По словамъ М. Богдановича (см. Ист. Отеч. войны 1812 г.—т. II. стр. 124), Барклай де Толли устранилъ Беннигсена отъ всякаго вліянія на военныя дѣйствія, а потому Беннигсенъ испросилъ позволеніе отправиться въ Петербургъ, гдѣ находилось его семейство. Дорогою въ Петербургъ, Беннигсенъ повстрѣчался съ кн. Кутузовымъ въ Торжкѣ и, по его приглашенію, поѣхалъ снова въ дѣйствующую армію.

ПИСЬМО VI.

Вязьма, 12 (24) августа 1812 г.

Приближеніе Невѣровскаго и Раевскаго къ Смоленску. Сраженіе подъ Смоленскомъ. Наше отступленіе. Сраженіе Корфа и Тучкова. Соединеніе нашихъ двухъ армій. Движеніе князя Багратіона отъ Волковиска къ Смоленску. Сраженіе при Мирѣ и Дашковкѣ.

Изъ точныхъ донесеній многихъ военныхъ лицъ, свидѣтелей событій, происходившихъ подъ Смоленскомъ послѣ моего отъѣзда изъ арміи, я достаточно освѣдомленъ, чтобы имѣть возможность сообщить Вамъ о нихъ довольно подробно. Вамъ уже извѣстно, что генералъ Раевскій, со своимъ корпусомъ, прибылъ утромъ 3 (15) августа къ Смоленску, чтобы его занять. Онъ занялъ позицію впереди городскихъ воротъ, къ которымъ ведетъ дорога изъ Краснаго, чтобы противостать приближенію французовъ, подходившихъ по этой дорогѣ и близко слѣдовавшихъ за генераломъ Невѣровскимъ. Сей послѣдній, со своимъ отрядомъ, успѣлъ присоединиться къ корпусу генерала Раевскаго ранѣе нападенія на него французовъ.

Только въ полдень того же числа 3 (15) августа его атаковалъ, но довольно слабо, князь Іосифъ Понятовскій, съ находившимися подъ его начальствомъ польскими войсками, за которыми слѣдовалъ въ очень близкомъ разстояніи авангардъ французской арміи, подъ командою Неаполитанскаго короля, какъ я объ этомъ уже упоминалъ. Дѣло продолжалось нѣсколько часовъ, и французы были отбиты.

На другой день, 4 (16) августа, генералъ Барклай приказалъ вступить въ городъ генералу Дохтурову, съ его корпусомъ, и защищать его вмѣстѣ съ генераломъ Раевскимъ; самъ же онъ, съ остальными войсками обѣихъ армій, расположился впереди города на правомъ берегу Днѣпра. Рано утромъ французы возобновили свои атаки и болѣе серьезно, чѣмъ наканунѣ, направивъ на Смоленскъ польскую пѣхоту, скоро поддержанную войсками корпуса маршала Даву. Хотя эти атаки были постоянно отражаемы, но французы упорно ихъ возобновляли, и огонь съ обѣихъ сторонъ продолжался до ночной темноты.

5 (17) августа Наполеонъ, отдавъ приказаніе взять Смоленскъ, значительно усилилъ войска, назначенные на этотъ приступъ, который начался рано утромъ. Въ виду большихъ силъ непріятеля, намъ оставалось только защищать предмѣстья города, въ которыя неоднократно врывались французы, но всякій разъ были отбиваемы.

Приближаясь къ городской стѣнѣ, французы подвергались сильному огню нашей многочисленной артиллеріи и должны были отступать. Наша пѣхота пользовалась этимъ, бросалась въ штыки и прогоняла ихъ съ большими, притомъ, потерями. Эти кровопролитныя дѣла происходили неоднократно въ теченіе дня до самой ночи, положившей конецъ этому кровопролитію. Достовѣрно, что въ одинъ этотъ день французы потеряли 10 тыс. человѣкъ; можно безъ преувеличенія допустить, что потери ихъ въ атакахъ двухъ предшествовавшихъ дней, простираются до 5000 человѣкъ. Наполеонъ, по своему обыкновенію, разгорячившись отъ неуспѣха, отдалъ приказаніе, чтобы на другой день, 6 (18) августа, Смоленскъ былъ бы безусловно взятъ и чтобы приступъ возобновился съ удвоенными усиліями. Корпуса Понятовскаго и маршала Даву были назначены для этого приступа. Но генералъ Барклай не счелъ нужнымъ продолжать битву, въ которой, однако, потери непріятеля значительно превосходили наши [1]). Вопреки мнѣнію всѣхъ его окружавшихъ, вопреки сдѣланнымъ ему представленіямъ, а также вопреки желанію всей арміи, онъ очистилъ Смоленскъ въ ночь на 6 (18) августа и, такимъ образомъ, предалъ въ руки непріятелей этотъ важный для насъ пунктъ. Ни дороги, ни мѣстность на обоихъ берегахъ рѣки не были достаточно изслѣдованы нами заранѣе. Войска наши совершали отступленіе по большой дорогѣ на Дорогобужъ, или Московской дорогѣ. Справедливо замѣчаютъ, что искусный и бдительный непріятель является искреннимъ судьею и ничего не прощаетъ своему противнику, не наказавъ его за совершаемыя имъ грубыя ошибки. Какъ скоро наши войска очистили Смоленскъ, Наполеонъ не замедлилъ поревести значительныя силы съ большою артиллеріею вокругъ города, которымъ предстояло совершить небольшой переходъ, чтобы занять высоты на берегу рѣки, господствующія надъ противоположнымъ берегомъ и надъ большою дорогою, пролегающею очень близко отъ р. Днѣпра, дорогою, по которой должно было совершаться отступленіе нашихъ войскъ. Такъ какъ главныя наши силы находились уже на правомъ берегу Днѣпра, и наше отступленіе началось ночью, то первыя колонны прослѣдовали благополучно. Когда же пришлось двинуть арріергардъ, ввѣренный генералу Корфу, то французы успѣли уже не

[1]) Можно принять съ достовѣрностію, что на одного русскаго убитаго приходилось, если не десять, то, по меньшей мѣрѣ, шесть французовъ, такъ какъ наши оборонялись за укрѣпленіями и всякаго рода зданіями.

Примѣч. Беннигсена.

только выставить на позицію свою артиллерію, но даже навести два моста, чего мы даже не замѣтили, и счастливо перевели большое количество войскъ. Когда Корфъ подошелъ на пушечный отъ нихъ выстрѣлъ, то подвергся такому сильному огню, что принужденъ былъ обратиться назадъ и пролагать себѣ дорогу среди густого кустарника, позади высотъ.

Генералъ Тучковъ, со своимъ корпусомъ, былъ поставленъ на позицію, прикрывавшую большую дорогу, и въ которой долженъ былъ ожидать прибытія Корфа съ арріергардомъ, но французы, оттѣснивъ Корфа, не замедлили показаться въ сильныхъ колоннахъ передъ Тучковымъ, намѣреваясь аттаковать его со всѣхъ сторонъ. Завязалось очень жаркое дѣло; обѣ стороны дрались съ величайшимъ упорствомъ, съ остервенѣніемъ. Французы постоянно получали свѣжія подкрѣпленія. Тучковъ, видя, что его правое крыло обойдено, былъ принужденъ покинуть свою позицію и, оставивъ большую дорогу, отойти влѣво, мимо одной небольшой деревни. Настала ночь и очень кстати, потому что по другую сторону деревни встрѣтилась болотистая мѣстность, въ которой увязла вся артиллерія Тучкова, и только при большихъ усиліяхъ людей удалось, пользуясь темнотою ночи, вытащить всѣ орудія, за исключеніемъ четырехъ, доставшихся позже въ руки непріятеля. Тучковъ, послѣ этого печальнаго случая, направился опять на большую дорогу и сталъ на позицію, въ которой и соединился съ нашимъ подошедшимъ арріергардомъ.

На другой день, рано утромъ, Тучковъ покинулъ свою позицію и двинулся по большой дорогѣ, чтобы слѣдовать за нашею арміею. Все это дѣло [1]), а въ особенности отступленіе генерала Тучкова въ то время уже, какъ французы обошли его правый флангъ, обошлось намъ очень дорого, въ особенности большія потери понесъ гренадерскій корпусъ. Наши потери убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ превышаютъ 3000 человѣкъ, въ числѣ плѣнныхъ находился и генералъ-маіоръ Тучковъ, братъ командовавшаго войсками въ этомъ дѣлѣ; онъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Кромѣ того, мы лишились значительной части нашего понтоннаго парка, лошади котораго были перебиты, а повозки разбиты непріятельской артиллеріей. Увѣряютъ, что генералъ Жюно, посланный въ обходъ корпуса генерала Тучкова, былъ заведенъ по ложной дорогѣ своимъ проводникомъ, взявъ слишкомъ вправо; этотъ случай, быть можетъ, спасъ русскій корпусъ отъ полной гибели.

Такимъ образомъ, свершилось очищеніе и потеря Смоленска, пункта самаго для насъ важнаго, который наши войска должны были защищать при своемъ отступленіи, и который заслуживалъ

[1]) Беннигсенъ очевидно говоритъ о сраженіи при Лубинѣ или при Валутиной горѣ, бывшемъ 7 (19) августа 1812 г. въ которомъ былъ взятъ въ плѣнъ генералъ Тучковъ 3-й. (см. Богдановичъ) т. I, стр. 297—307.

полнаго вниманія со стороны нашего главнаго начальника. Въ это время узнали, что Наполеонъ 6 (18) августа, для сраженія подъ Смоленскомъ, еще не сосредоточилъ всѣхъ своихъ войскъ; вице-король Итальянскій, со своимъ корпусомъ, а также нѣкоторыя другія войска, находились еще въ значительномъ разстояніи, въ окрестностяхъ Краснаго.

По передвиженіямъ войскъ, сдѣланныхъ французами, можно почти съ увѣренностію полагать, что имъ лучше насъ была извѣстна вся мѣстность, на которой дѣйствовали въ это время ихъ войска. Впрочемъ, возможно-ли, чтобы мы имѣли не болѣе свѣдѣній о мѣстности въ нашей собственной странѣ, нежели непріятель, только что въ нее вторгнувшійся и явившійся издалека? Я не хочу приписать простой случайности, что непріятель могъ причинить намъ столько вреда и нанести столь чувствительную потерю, благодаря тому, что извлекъ выгоду изъ условій мѣстности, ускользнувшихъ отъ вниманія нашихъ офицеровъ генеральнаго штаба. Но важность обладанія Смоленскомъ не ускользнула, очевидно, отъ вниманія каждаго военнаго человѣка. Бросьте взглядъ на карту; разсмотрите эту позицію и вы признаете, что Смоленскъ прикрываетъ Витебскъ и большую часть Бѣлоруссіи, и угрожаетъ въ тоже время Москвѣ, Тулѣ и Калугѣ. Зачѣмъ заблаговременно не предложили себѣ двухъ слѣдующихъ вопросовъ? Первый: почему въ старые годы потратили столько денегъ на укрѣпленіе Смоленска по правиламъ того времени, хотя самая мѣстность представляетъ мало благопріятныхъ условій и удобствъ для крѣпости? Второй вопросъ: почему такъ много говорится о Смоленскѣ въ описаніяхъ войнъ, происходившихъ между русскими и поляками? Безпристрастное разсмотрѣніе, но внимательное, съ картою въ рукахъ, скоро бы доказало ту важность, какую обладаніе Смоленскомъ можетъ доставить, и тогда его не отдали бы такъ легко французамъ, а заставили бы ихъ заплатить несравненно дороже того, во что онъ имъ обошелся теперь. Въ настоящую минуту я могу только пожелать, чтобы послѣдствія утраты Смоленска не сдѣлались бы для насъ гибельными. Мы уже ощутили утрату этого мѣста тѣмъ, что нѣсколько сотенъ повозокъ, нагруженныхъ сухарями, направленныхъ для нашей арміи, по дорогѣ изъ Калуги, были захвачены непріятелемъ и какъ нельзя болѣе для него кстати, такъ какъ французская армія чрезвычайно страдаетъ отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ. Смоленскъ былъ отчасти выженъ при нашемъ очищеніи, и почти всѣ его жители покинули городъ прежде, чѣмъ французы вступили въ него.

Увѣряютъ, что генералъ Тучковъ долженъ былъ бороться со всѣмъ корпусомъ маршала Нея, который первый перешелъ Днѣпръ, а съ нимъ вмѣстѣ и часть резервной кавалеріи Неаполитанскаго короля.

Послѣ сихъ событій обѣ наши соединенныя арміи продолжали свое движеніе по большой дорогѣ на Москву. Непріятель слѣдовалъ за нашимъ арріергардомъ, но не достаточно рѣшительно. Въ Дорогобужѣ, въ 57 верстахъ отъ Смоленска, избрали позицію, на которой генералъ Барклай желалъ ожидать непріятеля, но князь Багратіонъ, осмотрѣвъ позицію, нашелъ ее плохою, въ особенности въ той ея части, которая предназначалась для войскъ второй арміи. Это вызвало довольно горячія объясненія между означенными двумя главнокомандующими, и царствовавшее между ними до сего времени доброе согласіе обратилось въ недовѣріе послѣ катастрофы, совершившейся у Смоленска. Вы, безъ сомнѣнія, знаете, что князь Багратіонъ старше чиномъ генерала Барклая, но его предупредительный характеръ и желаніе строго слѣдовать волѣ нашего Государя, заставляли по сіе время молчать въ немъ то самолюбіе, которое внушаетъ честь, и отъ котораго съ трудомъ можетъ отказаться военный человѣкъ.

Прежде, чѣмъ продолжать изложеніе дѣйствій нашихъ обѣихъ армій, я долженъ въ немногихъ словахъ Васъ познакомить съ дѣйствіями второй арміи, со времени открытія кампаніи до прибытія ея къ Смоленску.

Князь Багратіонъ, вмѣстѣ со своею второю арміей, покинулъ Волковискъ 18 (30) Іюня. Онъ двинулся на Слонимъ и тутъ получилъ приказаніе оставить это направленіе, перейти Нѣманъ у Николаевки и идти на Воложинъ [1]). Его легкая кавалерія уже перешла Нѣманъ, когда встрѣтила непріятеля и узнала, что маршалъ Даву, со всѣмъ своимъ корпусомъ, движется также по этой дорогѣ. Князь Багратіонъ рѣшилъ отозвать назадъ свою легкую кавалерію и направиться всѣмъ вмѣстѣ на Миръ [2]). Это безполезное движеніе князя Багратіона заставило его потерять пять дней, а маршалъ Даву, тѣмъ самымъ, выигралъ время, чтобы притянуть къ своему арріергарду значительный отрядъ. При дер. Миръ Платовъ имѣлъ благопріятное для насъ дѣло съ польскою кавалеріей, о которомъ я уже упоминалъ. Въ то время я не имѣлъ никакого понятія о приказаніи, полученномъ княземъ Багратіономъ въ г. Слонимѣ; въ то время еще держались плана военныхъ дѣйствій, составленнаго Шфулемъ, который исполнялъ также обязанности квартирмейстера. Но я предполагаю, что тогда надѣялись еще, что вторая армія успѣетъ совершить свое соединеніе съ первой, слѣдуя по прямому пути, что, во всякомъ случаѣ, было разсчитано плохо. Въ арміи же полагали, что это движеніе совершается для прикрытія города Минска, что было также заблужденіемъ, потому что Багратіонъ не въ состояніи былъ остановить вдвое большія силы маршала Даву. Отъ Мира кн. Багратіонъ двинулся на Нес-

[1]) Воложинъ—деревня близъ Минска, на дорогѣ изъ Вильны въ Минскъ.

[2]) Миръ, деревня близъ Несвижа.

вижъ, Тимковичи. Между этими послѣдними пунктами и Романовымъ нашъ арріергардъ отразилъ слишкомъ близко тѣснившаго его непріятеля съ немалыми для него потерями. Послѣ этого наша вторая армія продолжала свое движеніе на Слуцкъ, куда прибыла 1 (13) іюля и имѣла на слѣдующій день дневку. 3 (15) числа кн Багратіонъ продолжалъ спокойно свое движеніе и благополучно прибылъ въ Бобруйскъ 7 (19) іюля. При послѣднихъ переходахъ генералъ Платовъ со своимъ казачьимъ корпусомъ, поддерживавшимъ нашъ арріергардъ, имѣлъ еще второе счастливое дѣло съ французами, дорого стоившее нѣкоторымъ полкамъ польской кавалеріи, которые были частью истреблены. Можно принять, что въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ, а также при Мирѣ и почти ежедневныхъ стычкахъ арріергарда, происходившихъ между Романовымъ [1]) и Слуцкомъ, было захвачено у французовъ до 2.000 плѣнныхъ. Въ Бобруйскѣ князь Багратіонъ далъ войскамъ день для отдыха и снабдилъ свою армію продовольствіемъ на десять дней изъ находившихся тутъ провіантскихъ магазиновъ. Онъ переправился черезъ Березину 9 (21) іюля, продолжалъ свое движеніе къ Днѣпру и совершилъ соединеніе съ нашею первою арміею. — Маршалъ Даву, какъ выше сказано, приказалъ довольно сильному корпусу слѣдовать за арріергардомъ князя Багратіона; самъ же маршалъ, съ главными своими силами, направился на Минскъ, который и занялъ 26 іюня (8 іюля), оттуда двинулся на Борисовъ, гдѣ перешелъ Березину и затѣмъ, не останавливаясь, развѣ только для необходимаго отдыха войскъ, безостановочно продолжалъ свое движеніе до Новосельска на Днѣпрѣ, желая воспрепятствовать Багратіону совершить свое соединеніе съ первою арміею.

10 (22) іюля командующій легкою кавалеріею, которая опередила авангардъ второй арміи, сдѣлалъ нападеніе на кавалерійскій непріятельскій постъ, выставленный французами на большой дорогѣ въ Могилевъ, близъ Варколовки; послѣ нѣкотораго сопротивленія онъ былъ сбитъ, и наши войска его преслѣдовали до Дашковки, гдѣ стоялъ сильный отрядъ непріятельской пѣхоты и кавалеріи съ артиллеріею. Мы захватили въ плѣнъ до 300 кирасиръ и конныхъ егерей съ нѣсколькими офицерами.

11 (23) іюля князь Багратіонъ, находясь въ Старомъ Быховѣ, получивъ свѣдѣнія, что французскій отрядъ занялъ позицію близъ Дашковки, приказалъ генералъ-лейтенанту Раевскому аттаковать его своимъ 7-мъ корпусомъ. Ранѣе его прибытія, его авангардъ уже опрокинулъ французовъ и преслѣдовалъ ихъ до Дашковки [2]),

[1]) Дѣло при Романовѣ было 2 (14) іюля 1812 г; тутъ истреблены были въ прахъ два лучшихъ французскихъ кавалерійскихъ полка. (см. Богдановичъ т. I, стр. 208).

[2]) Хотя Беннигсенъ и говоритъ „до Дашковки“, но это должно быть деревня *Салтановка*, при которой и происходило описываемое сраженіе 11 (23) іюля 1812 г. (см. Богдановичъ т. I, стр. 214).

гдѣ стоялъ маршалъ Даву со всѣми своими главными силами, занимая выгодную позицію. Нашъ авангардъ остановился въ ожиданіи подхода генерала Раевскаго съ его корпусомъ. Съ его прибытіемъ началось общее кровопролитное дѣло. Французы занимали позицію, сильную по условіямъ самой мѣстности и искусно усиленную еще полевыми укрѣпленіями; оба фланга ихъ позиціи упирались въ дремучіе лѣса, а фронтъ ея прикрывался болотистою рѣчкою, чрезъ которую шелъ мостъ съ гатью, сооруженный для сообщенія съ проходящею возлѣ Могилевскою дорогою. Генералъ Раевскій приложилъ всѣ свои усилія, чтобы овладѣть мостомъ и гатью, но дѣйствія артиллерійскихъ батарей, обстрѣливавшихъ мостъ и гать, дѣлали всѣ усилія его тщетными, такъ что, потерявъ значительное число людей, онъ счелъ необходимымъ къ вечеру отступить. Это сраженіе продолжалось цѣлый день и стоило намъ отъ 2000 до 3000 человѣкъ. Потеря французовъ была также довольно значительна.

Припомните, генералъ, что я Вамъ писалъ изъ Полоцка, и примите въ соображеніе, что Наполеонъ замедлилъ слѣдовать за нами по пятамъ и что наша армія переправилась черезъ Двину и направляется прямо на Оршу. Если бы она исполнила маневръ, мною предложенный, что сталось бы съ маршаломъ Даву, очутившимся между двумя нашими арміями?.....

ПИСЬМО VII.

Красная Пахра, 8 (20) сентября 1812 г.

Поѣздка Беннигсена въ Петербургъ. Встрѣча его съ кн. Кутузовымъ и возвращеніе въ армію. Рескриптъ Императора Беннигсену и письмо послѣдняго. Прибытіе Кутузова и Беннигсена въ армію. Сраженіе при Бородинѣ. Наше отступленіе и очищеніе Москвы.

Менѣе всего я могъ думать, что буду имѣть возможность такъ скоро сообщить Вамъ, генералъ, о моемъ возвращеніи въ армію и о великихъ событіяхъ, происшедшихъ съ этого времени. Вотъ что со мною случилось послѣ моего послѣдняго письма, въ которомъ я Васъ увѣдомлялъ о моемъ отъѣздѣ въ Петербургъ.

Послѣ отъѣзда Государя Императора плохое состояніе моего здоровья принудило меня ѣхать въ Полоцкъ искать медицинской помощи. По мѣрѣ отступленія нашей арміи я находился впереди нея и доѣхалъ до Смоленска, гдѣ оставался до соединенія нашихъ двухъ армій, послѣ чего я направился въ Петербургъ [1]). Проѣхавъ Вышній Волочекъ, я встрѣтился на станціи съ генераломъ отъ инфантеріи Кутузовымъ, которому незадолго передъ этимъ ввѣрено было главное начальство надъ всѣми дѣйствующими арміями, какъ самому старшему генералу на дѣйствительной службѣ [2]). Онъ мнѣ сообщилъ волю Императора, чтобы я былъ зачисленъ на дѣйствительную службу при арміи, о чемъ мнѣ и былъ посланъ особый всемилостивѣйшій рескриптъ съ фельдъегеремъ, который, имѣя еще и другія бумаги въ армію, разъѣхался со мною дорогою и меня не

---

[1]) По словамъ М. Богдановича (Исторія Отечественной войны 1812 г. т. II, стр. 124), Беннигсенъ, будучи устраненъ Барклаемъ де Толли отъ всякаго вліянія на военныя дѣйствія, испросилъ позволенія отправиться въ Петербургъ, дорогою, 16 (28) августа, встрѣтился съ Кутузовымъ въ Торжкѣ и поѣхалъ съ нимъ на Старицу, Зубцовъ и Гжатскъ.

[2]) По заключеніи мира съ турками въ Бухарестѣ 16 (28) мая 1812 года, Кутузовъ испросилъ себѣ отпускъ и жилъ въ деревнѣ. Когда же состоялся Высочайшій указъ объ учрежденіи ополченія, онъ единогласно былъ избранъ 17 іюня 1812 г. начальникомъ С.-Петербургскаго ополченія. Вскорѣ послѣ этого, 29 іюля 1812 г., графъ Кутузовъ возведенъ въ потомственное княжеское достоинство Россійской Имперіи, съ титуломъ свѣтлости, а 8 августа назначенъ главнокомандующимъ дѣйствующей арміи противъ французовъ. (См. Богдановичъ, т. II, стр. 12, 13, 496).

встрѣтилъ. Мое первое намѣреніе было продолжать путь далѣе въ Петербургъ, отъ котораго я находился уже невдалекѣ и гдѣ меня ожидало мое семейство; я желалъ, въ то же время, прежде всего представиться Его Величеству. Все это я и высказалъ князю Кутузову, который, сознавая всю трудность и щекотливость возложенной на него обязанности, желалъ имѣть меня скорѣе у себя въ арміи. Ему приходилось стать во главѣ арміи, не павшей духомъ, но съ самаго начала войны постоянно отступавшей. Не только въ арміи, всѣ, отъ генерала до послѣдняго солдата, но, можно сказать, и весь народъ желали перемѣны главнаго начальства, въ особенности, послѣ сдачи Смоленска, о которой я упоминалъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ. Желая имѣть меня при арміи, съ самаго его появленія въ оной, князь Кутузовъ старался уговорить меня возвратиться обратно въ армію и не покидать ее; онъ указывалъ мнѣ, что это будетъ согласно съ намѣреніями и желаніемъ Государя Императора. Честолюбіе и особое самолюбіе, которое не можетъ и не должно никогда покидать военнаго человѣка, внушали мнѣ нежеланіе служить подъ начальствомъ другого генерала послѣ того, какъ я былъ уже ранѣе главнокомандующимъ арміею, дѣйствовавшею противъ Наполеона и его искуснѣйшихъ маршаловъ, противъ Наполеона, доселѣ ни разу не побѣжденнаго, который, разсѣявъ только что прусскія арміи, не велъ болѣе войны на материкѣ Европы и стоялъ въ то время во главѣ наилучшихъ армій, когда либо выходившихъ изъ Франціи. Я имѣлъ возможность остановить этого полководца съ его значительными силами, превосходившими мнѣ ввѣренныя, и въ продолженіи семи мѣсяцевъ не допустилъ его до вторженія въ наши предѣлы; все это, я полагаю, можетъ служить извиненіемъ возникшему во мнѣ отъ самолюбія нежеланію служить подъ начальствомъ другого лица, нежеланію, которое подъ конецъ я въ себѣ заглушилъ. Князь Кутузовъ, убѣждая меня ѣхать съ нимъ въ армію, ссылался на наше старинное съ нимъ знакомство и дружбу, существовавшія между нами около сорока лѣтъ, указывалъ опять на желаніе Государя по этому поводу, и т. д.; все это, наконецъ, побудило меня уступить ему и вернуться назадъ. Спустя нѣсколько дней я получилъ собственноручный рескриптъ Его Величества, упомянутый мною выше, который и приведу здѣсь дословно съ моимъ отвѣтомъ. Государь писалъ мнѣ слѣдующее:

„Неудобства, происшедшія со времени соединенія нашихъ двухъ первыхъ армій отъ отсутствія общаго, главнаго надъ ними начальника, наложили на меня обязанность назначить таковымъ лицо, которое по старѣйшинству службы могло бы имѣть начальство надъ генералами всѣхъ четырехъ армій, включивъ въ это число и Молдавскую армію. Вслѣдствіе этого я избралъ таковымъ князя Кутузова. Такъ какъ онъ службою старше Васъ, генералъ,

то хочу полагать, что ваше рвеніе къ пользѣ отечества и къ моей службѣ, побудятъ и васъ не отказаться отъ службы подъ его вѣдѣніемъ и тѣмъ оказать Россіи пользу, которую могутъ ей доставить ваши познанія и выдающіяся дарованія. Вотъ причина, генералъ, воспрепятствовавшая мнѣ ранѣе отвѣтить на ваше письмо. Пріобрѣтя еще большую военную славу, вы доставите мнѣ удовольствіе засвидѣтельствовать ваши новыя заслуги предъ отечествомъ и цѣлымъ свѣтомъ новыми отличіями, которыя мнѣ будетъ столь пріятно Вамъ даровать."

Остаюсь Вамъ благосклонный
„*АЛЕКСАНДРЪ*".

С.-Петербургъ, 8 Августа 1812 г.

Я отвѣчалъ на это слѣдующимъ письмомъ:

„Ваше Императорское Величество! Я находился невдалекѣ отъ Петербурга, когда встрѣтилъ князя Кутузова, словесно сообщившаго мнѣ волю Вашего Величества, чтобы я находился при арміи, состоя подъ его начальствомъ. Нѣсколько дней спустя я имѣлъ счастье получить Всемилостивѣйшій рескриптъ Вашего Величества. Лестныя выраженія, коими Вамъ, Государь, благоугодно было отозваться о моей преданности къ Августѣйшей Особѣ Вашего Величества и о моей привязанности къ отечеству, преисполнили меня величайшей признательностію. Конечно, каковъ бы ни былъ кругъ дѣятельности, которую Вамъ благоугодно будетъ возложить на меня, коль скоро идетъ рѣчь о службѣ Царю и Государству, голосъ личнаго честолюбія долженъ умолкнуть. Мое рвеніе, Ваше Величество, не будетъ имѣть другихъ предѣловъ, кромѣ полагаемыхъ моею жизніею и всѣ мои пожеланія будутъ исполнены, если я слабыми моими дарованіями буду способствовать успѣхамъ оружія Вашего Императорскаго Величества и славѣ Его Имперіи. Удостойте Государь представить мнѣ къ тому случай, за который я дерзаю повергнуть къ стопамъ Вашимъ выраженія живѣйшей моей признательности. Остаюсь нижайшимъ и преданнѣйшимъ генераломъ Вашего Императорскаго Величества".

Гжатскъ, 20 Августа 1812 года.

Вмѣстѣ съ княземъ Кутузовымъ я прибылъ 16 (28) августа въ Гжатскъ, находящійся въ 215 верстахъ отъ Смоленска и 157 верстахъ отъ Москвы, гдѣ мы и ожидали прибытія нашей арміи, которая, отступая отъ Смоленска, подошла къ Гжатску 18 (30) августа [1]). На другой день армія имѣла дневку для отдыха. Могу Вамъ сооб-

[1]) Самъ кн. Кутузовъ назначилъ Беннигсена начальникомъ главнаго штаба соединенныхъ армій 18 августа 1812 года (см. Богдановичъ т. II, стр. 130, 532).

щить, что мы были встрѣчены восторженными привѣтствіями, какъ всей арміи, такъ и всѣхъ обывателей тѣхъ мѣстностей, мимо которыхъ мы проѣзжали на нашемъ пути.

Не встрѣчая выгодныхъ позицій, мы продолжали отступленіе до 20-го августа (1 сентября), совершая небольшіе переходы по большой Московской дорогѣ и съ нашими обѣими арміями, насчитывавшими не болѣе 90 тыс. человѣкъ подъ ружьемъ, прибыли 22 августа (3 сент.) къ Бородину.

Я отправился нѣсколько впередъ, чтобы осмотрѣть позиціи отъ Гжатска до Можайска, и въ моемъ по этому поводу рапортѣ не указывалъ на позицію при Бородинѣ, какъ на выгодную для насъ для принятія сраженія, но полковникъ Толль, котораго главнокомандующій избралъ для отправленія обязанностей генералъ-квартирмейстера, выбралъ именно эту позицію для принятія боя. Этотъ офицеръ, пріобрѣвшій рутину, которую продолжительныя занятія въ картографическомъ депо развиваютъ въ каждомъ офицерѣ сколько нибудь разумномъ не обладалъ, для направленія движенія нѣсколькихъ колоннъ, ни опытностію, ни положительными свѣдѣніями о позиціяхъ и порядкѣ сраженій, необходимыми для исполненія обязанностей столь важныхъ и влекущихъ столь серьезныя послѣдствія, въ особенности, въ борьбѣ съ такимъ врагомъ, какъ Наполеонъ. Толль, при выборѣ позиціи, удовольствовался прикрытіемъ фронта нѣсколькими маленькими плохонькими рѣчками, которыя можно перейти въ бродъ въ любомъ мѣстѣ, и оставилъ безъ опоры оба крыла, полагая, что нѣсколько худыхъ полевыхъ укрѣпленій, возведенныхъ наскоро, достаточны для ихъ прикрытія. Замѣчу, при этомъ, что офицеръ не виноватъ, если не обладаетъ правильными основными понятіями; время, случаи, и наконецъ, опытность могутъ восполнить это и пособить ему [1]). Но такой офицеръ дѣлается виновнымъ, если самолюбіе и самонадѣянность ослѣпляютъ его до такой степени, что онъ не желаетъ слѣдовать дѣльнымъ совѣтамъ и отказывается поучаться опытомъ другихъ лицъ; онъ вдвойнѣ виновенъ, если руководится при этомъ своимъ капризомъ, подвергая участь арміи тѣмъ урокамъ, которые даетъ ему непріятель, и которые обыкновенно слишкомъ дорого обходятся Государю и Государству. Сраженіе при Бородинѣ можетъ служить этому примѣромъ. Полковникъ Толль совершенно овладѣлъ умомъ князя Кутузова, физическое сложеніе котораго не позволяло лично осматривать мѣстность, ни ранѣе сраженія, ни во время онаго. Взгляните на планъ этой позиціи [2]). Обратите вниманіе на громадное протяженіе занятой нами мѣстно-

[1]) Я не говорю о лицахъ съ особенными, прирожденными большими талантами: они вообще рѣдки.

Прим. Беннигсена.

[2]) Плана при „запискахъ“ не оказалось.

сти. Это была величайшая ошибка, которую можно только совершить, дѣйствуя противъ Наполеона, система котораго извѣстна и противъ которой, слѣдовательно, можно принять мѣры, какъ я это и показалъ въ войнѣ 1806—1807 годовъ. Обратите вниманіе на то, что разстояніе отъ крайней батареи нашего праваго фланга до таковой же на нашемъ лѣвомъ флангѣ, гдѣ стоялъ пятый корпусъ, подъ начальствомъ генерала Тучкова, на старой Смоленской дорогѣ, составляло болѣе шести верстъ[1]), такъ что войска и резервы одного крыла никогда не могли во время поспѣть на помощь другому крылу, что и случилось 26-го августа.

Я не замедлилъ выразить мое мнѣніе кн. Кутузову, но никакихъ измѣненій въ занятой нами позиціи не послѣдовало, и работы по устройству батарей продолжались по прежнему.

24 Августа (5) сентября, Наполеонъ, со всею своею арміею, появился на новой и старой дорогахъ изъ Смоленска, слѣдовательно, на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Онъ оттѣснилъ наши передовые отряды, которыми командовалъ генералъ Коновницынъ, поддерживаемый генераломъ Уваровымъ, съ частью нашей кавалеріи. Коновницынъ распоряжался нашимъ отступленіемъ съ большимъ искусствомъ и успѣхомъ. Всѣ эти войска заняли мѣста по линіи, и полковникъ Бистромъ, съ л. гв. Егерскимъ полкомъ, занялъ еще деревню Бородино. Нѣсколько казачьихъ полковъ остались также на лѣвомъ берегу маленькой рѣчки Колочи, чтобы прикрыть пространство отъ этой деревни до нашего крайняго праваго фланга.

Послѣ полудня французы произвели усиленную рекогносцировку со стороны нашего лѣваго фланга [2]); это вызвало довольно жаркое дѣло, окончившееся къ вечеру потерею нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ съ обѣихъ сторонъ, при чемъ мы овладѣли восемью орудіями, а французы—пятью. Кромѣ того, французы заняли высоты позади деревни Шевардино, на которыя поставили часть своихъ войскъ.

---

[1]) Позволимъ себѣ напомнить, что село Бородино находится на дорогѣ изъ Гжатска къ Можайску, въ нѣсколькихъ верстахъ впереди опаго. Это село являлось центромъ нашей позиціи, правое крыло которой прикрывала рѣка Колоча. Въ эту рѣчку при селѣ Бородинѣ впадали три небольшія рѣчки. Правое крыло тянулось чрезъ деревню Горки до села Малаго. Отъ Бородина влѣво находилась деревня Семеновская, гдѣ была устроена извѣстная батарея Раевскаго. Впереди Семеновскаго—дер. Шевардино съ 3 батареями (флешн Багратіонъ.); Лѣвѣе—деревня Утица, близъ которой проходитъ старая Смоленская дорога въ Москву. Тутъ оканчивалось лѣвое крыло нашей позиціи. Отъ лѣтнихъ жаровъ—всѣ рѣчки высохли кромѣ Колочи, въ которой также было мало воды. Эта позиція была выбрана генераломъ Вистицкимъ. (см. Богдановичъ т. II стр. 135, 139, 141, 143.). По Бернгарди позицію выбралъ подполк. Гартингъ. *П. М.*

Нынѣ считается установленнымъ взглядъ, что Бородинская позиція тянулась вдоль р. Колочи. Занимая фланговое положеніе къ напр. движенія противника, позиція была усилена на лѣв. флангѣ Шевардинскимъ редутомъ.

Редакція.

[2]) Бой за Шевардинскій редутъ.

Во время этого дѣла я отправился на нашъ лѣвый флангъ, къ князю Багратіону, который командовалъ частью нашихъ войскъ, стоявшихъ въ этомъ пункѣ. Онъ вполнѣ раздѣлялъ мое мнѣніе, что Наполеонъ съ главными своими силами сдѣлаетъ главное нападеніе на нашъ лѣвый флангъ; онъ предвидѣлъ то, что послѣдуетъ, если наша армія будетъ оставаться на занимаемой ею позиціи, именно, что наше лѣвое крыло будетъ оттѣснено съ потерями. Я обѣщалъ ему представить главнокомандующему всю опасность, которая грозитъ части нашей арміи. По мосмъ возвращеніи, я отправился къ кн. Кутузову и далъ подробный и точный отчетъ всего осмотрѣннаго и замѣченнаго мною. Я ему повторилъ предложеніе, сдѣланное наканунѣ, сократить нашу боевую линію, приблизивъ правый флангъ, но никакихъ распоряженій объ этомъ не послѣдовало.

25 авг. (6 сент.) Французы простояли спокойно на высотахъ, занятыхъ ими наканунѣ. Хотя орудія ихъ могли обстрѣливать нашу позицію, но они ожидали своей тяжелой артиллеріи, которая осталась позади, потому что ея лошади и въ то время находились уже въ жалкомъ положеніи. Въ этотъ день я отправился на крайній нашъ лѣвый флангъ, чтобы размѣстить корпусъ генерала Тучкова, который находился на старой Смоленской дорогѣ. Я предложилъ генералу Маркову поставить 10 тыс. человѣкъ ополченія, бывшихъ подъ его начальствомъ, такимъ образомъ, чтобы непріятель могъ ихъ видѣть и, опасаясь ихъ нападенія, не рѣшился бы направить всѣ свои силы противъ князя Багратіона. Графъ Марковъ съ охотою и рвеніемъ это сдѣлалъ; при этомъ, я былъ свидѣтелемъ до чего всѣ генералы и офицеры ополченія желали быть полезными въ дѣлѣ и имѣть возможность содѣйствовать успѣхамъ этого великаго дня, намъ предстоявшаго.

По возвращеніи моемъ къ кн. Кутузову, я снова убѣждалъ его измѣнить нашъ боевой порядокъ, увѣряя его, послѣ сдѣланнаго осмотра расположенія непріятельскихъ войскъ, что выдержать атаки Наполеона съ главными его силами предстоитъ несомнѣнно нашему лѣвому крылу, и что, напротивъ, нашъ правый флангъ вовсе не будетъ подверженъ нападенію. Поэтому я предлагалъ упереть нашъ правый флангъ въ деревню Горки, а всѣ остальныя затѣмъ войска нашего праваго фланга перевести на усиленіе нашего лѣваго фланга. Но мои представленія остались безъ послѣдствій.

Позднѣе, на двухъ французскихъ офицерахъ, захваченныхъ нами въ плѣнъ, была найдена диспозиція атаки, назначенной Наполеономъ на 26 авг. (7 сен.), и въ оной прямо говорилось, что маршалъ Ней, съ большею частію войскъ арміи и 60 орудіями, поддержанный маршаломъ Даву и его корпусомъ, поведетъ атаки на нашъ лѣвый флангъ; вице король же Итальянскій приблизится со своими войсками къ деревнѣ Бородино, чтобы сдерживать часть

нашихъ войскъ позади батареи № 3 и, смотря по успѣхамъ атакъ противъ нашего лѣваго крыла, долженъ атаковать съ 40 орудіями означенную батарею.

26 августа (7 сентября) непріятельскія колонны двинулись на насъ. Защищаемая генералъ-лейтенантомъ Раевскимъ, батарея № 4 первая открыла огонь; я немедленно поѣхалъ туда и скоро убѣдился, что французы направляютъ свои атаки, какъ я предсказывалъ, только на нашъ лѣвый флангъ. Я быстро вернулся къ кн. Кутузову и вотъ подлинныя, сказанныя мною ему слова: „Если вы не желаете, чтобы наше лѣвое крыло было опрокинуто съ большими потерями, и утратою, быть можетъ, 20—30 орудій, не медлите послать туда всѣ войска вашего праваго фланга, если только они могутъ подойти еще во время". Князь Кутузовъ послалъ приказаніе, чтобы часть нашихъ войскъ была направлена на помощь лѣвому крылу, а затѣмъ, по полученіи донесенія, что наши дѣла идутъ плохо, онъ приказалъ послать туда же и другую часть войскъ. Къ несчастью, всѣ эти подкрѣпленія подошли слишкомъ поздно, по причинѣ большого протяженія нашей позиціи. Наше лѣвое крыло было опрокинуто, и находившіяся тутъ высоты заняты французами, причемъ мы потеряли 18 орудій. Наши войска штурмомъ овладѣли этими высотами снова, но французы, имѣвшіе подъ рукой большія силы для поддержки атакъ, заняли ихъ вновь и такъ сильно, что весь нашъ лѣвый флангъ долженъ былъ подвинуться назадъ и довольно быстро.

Взгляните теперь на планъ, на худое и тяжелое положеніе нашихъ войскъ, начиная съ крайняго лѣваго фланга до центра нашей позиціи. Съ высотъ, занятыхъ французами, на которыя они не замедлили быстро поставить много орудій, артиллерійскій огонь, продольный и перекрестный, поражалъ всю нашу линію до самаго центра, т. е. до самой батареи генерала Раевскаго, на которую скоро повелъ атаку вице-король Итальянскій, по составленной Наполеономъ диспозиціи, при содѣйствіи сильнаго артиллерійскаго огня, по меньшей мѣрѣ 200 орудій. Не смотря на самую мужественную оборону со стороны храбрыхъ генераловъ, Раевскаго и Паскевича, французы овладѣли штурмомъ этою батареею и захватили при этомъ въ плѣнъ генерала-маіора Лихачева. Генералъ-маіоръ Ермоловъ, начальникъ штаба 1-й арміи, вмѣстѣ съ артиллерійскимъ генераломъ, графомъ Кутайсовымъ, во главѣ нѣсколькихъ баталіоновъ, кинулись въ штыки на французовъ, отбили у нихъ батарею и, въ свою очередь, захватили въ плѣнъ французскаго генерала Бонами, тяжело раненнаго въ голову. Но эта смѣлая и стремительная атака не могла быть достаточно поддержана нашей артиллеріею и сдѣлалась для насъ безплодною, вслѣдствіе сильнаго артиллерійскаго огня французовъ, а также благодаря ихъ свѣжимъ войскамъ, направленнымъ единственно на эту одну батарею. Послѣ сильной атаки

пѣхоты и кавалеріи, французы во второй разъ овладѣли съ большими для насъ потерями этою батареею, которая, равно какъ и батареи нашего лѣваго крыла, остались въ рукахъ французовъ. Не теряя времени, они также поставили свои орудія и продольными выстрѣлами обстрѣливали всю нашу линію до батареи, поставленной на высотѣ возлѣ деревни Горки, гдѣ командовалъ генералъ-лейтенантъ Бахметьевъ, который имѣлъ несчастье скоро потерять ногу и долженъ былъ выбыть изъ строя, къ величайшему сожалѣнію всей арміи. Ядра непріятельскія далеко перелетали за эту деревню, и вся наша первая линія лѣваго крыла была отодвинута до мѣстъ, занятыхъ въ началѣ сраженія нашими резервами. Между тѣмъ, кн. Кутузовъ согласился на сдѣланное ему предложеніе перевести войска черезъ маленькую рѣчку Колочу, противъ нашего праваго фланга и далъ приказаніе генералу Платову, съ нѣкоторыми казачьими полками, генералу Уварову съ кавалеріею, а также части кавалеріи праваго крыла, перейти рѣку. Непріятельскіе стрѣлки и нѣкоторые кавалерійскіе отряды, стоявшіе на этой сторонѣ для наблюденія за движеніями войскъ праваго крыла, были оттѣснены за деревню Горки и ея окрестности. Но самая мѣстность была покрыта кустарникомъ, въ которомъ могли укрываться непріятельскіе стрѣлки, а потому эта атака не могла быть поддержана пѣхотою, и наша кавалерія принуждена была остановиться и затѣмъ возвратиться на свою позицію.

Около 3—4 часовъ послѣ полудня Наполеонъ остановилъ свои атаки, но не отвелъ своихъ войскъ; онъ удовольствовался тѣмъ, что оттѣснилъ насъ на всѣхъ пунктахъ, на которые велъ свои атаки и овладѣлъ всѣми нашими высотами и батареями, которыя и занялъ значительными силами, начиная отъ крайняго пункта нашего лѣваго фланга до самаго нашего центра, между тѣмъ, какъ на нашемъ правомъ флангѣ не было сдѣлано ни одного ружейнаго выстрѣла, какъ я это предвидѣлъ и неоднократно предсказывалъ четыре дня подъ рядъ. Перекрестный огонь непріятельскихъ батарей, съ высотъ нами укрѣпленныхъ, продолжался до глубокихъ сумерекъ. Извѣстно, что резервы французовъ, въ числѣ которыхъ находилась и гвардія Наполеона, доходившіе численностію до 30.000 человѣкъ, не были введены въ дѣло; они въ продолженіи всей битвы, находились въ бездѣйствіи и только подъ конецъ получили приказаніе придвинуться, чтобы возобновить атаки на наше лѣвое крыло, но Наполеонъ скоро отмѣнилъ это распоряженіе, и резервы не двинулись съ мѣста. Причина, по которой Наполеонъ въ тотъ же самый день не развилъ далѣе своихъ успѣховъ—неизвѣстна. Наши войска, какъ уже сказано выше, съ лѣваго фланга до самаго центра, стояли на тѣхъ мѣстахъ, которыя занимали наши резервы передъ началомъ сраженія. Оставалось только принять рѣшеніе самое спасительное и всего болѣе соотвѣтствующее обстоятельствамъ, въ

которыхъ мы находились. Намъ были неизвѣстны великія потери, понесенныя нами въ продолженіи дня. Зашла одно время рѣчь о томъ, чтобы ночью отбить нашу центральную батарею и на слѣдующій день продолжать сраженіе. Но, когда изъ рапорта полковника Толля, намъ сдѣлались извѣстны наши силы, которыя мы могли противопоставить непріятелю, а также и то, что у насъ не достаетъ пѣхоты, чтобы занять даже первую боевую линію нашей пространной позиціи, то рѣшено было принять благопріятную мѣру: отступить ночью къ Москвѣ по Можайской дорогѣ [1]). Это была мѣра единственная, соотвѣтствовавшая нашему положенію, при критическихъ обстоятельствахъ той минуты, потому что наши потери убитыми и ранеными людьми, выбывшими изъ строя, простиралась свыше 30.000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 9 генераловъ, можно добавить наиболѣе выдающихся, какъ напр., князь Багратіонъ, умершій очень скоро отъ полученной имъ раны. Репутація, которою пользовался князь не только въ Россіи, но даже въ Европѣ, репутація вполнѣ имъ заслуженная выдающимися его подвигами во многихъ войнахъ, освобождаетъ меня отъ обязанности описывать ту печаль, которую столь справедливо ощутили нашъ Государь, наша армія и нашъ народъ, при извѣстіи объ утратѣ этого генерала, всѣми любимаго и уважаемаго.

Мы послѣ узнали, что Наполеонъ сдѣлалъ уже распоряженія и необходимыя диспозиціи, чтобы утромъ 27 (8) числа возобновить противъ насъ свои атаки, послѣдствія которыхъ можно было легко предвидѣть. Пусть всякій военный человѣкъ разсмотритъ планъ битвы при Бородино и, по сдѣланному мною описанію оной, пусть разсудитъ, съ которой стороны должна была быть наибольшая потеря, съ нашей ли, или со стороны французовъ? Мы скоро увидимъ, что однимъ изъ пагубнѣйшихъ послѣдствій битвы при Бородино, была утрата Москвы, столицы Россійской Имперіи и сопряженныя съ нею неисчислимыя потери, которыя понесла казна и множество обывателей и частныхъ лицъ.

Въ концѣ письма моего вы найдете, генералъ, реляцію князя Кутузова [2]), представленную Его Величеству, объ этой битвѣ, дос-

[1]) Послѣ Бородинскаго сраженія наши войска отступили черезъ Можайскъ къ Жукову, были 30 августа въ селѣ Большіе Вяземы (село Никольское), а затѣмъ, приблизились къ Москвѣ и расположились въ 2-хъ верстахъ отъ столицы, на позиціи, избранной Беннигсеномъ, правое крыло которой было у деревни Фили, а лѣвое у Воробьевыхъ горъ. Въ Филяхъ происходилъ военный совѣтъ, послѣ котораго наша армія оставила Москву и направилась на Рязанскую дорогу (см. Богдановичъ. Ист. От. Войны 1812 г. т. II стр. 243, 246, 257).

[2]) Эта реляція была слѣдующаго содержанія:

„Послѣ донесенія моего о томъ, что непріятель 24-го числа производилъ атаку важными силами на лѣвый флангъ нашей арміи, 25-е число прошло въ томъ, что онъ не занимался важными предпріятіями, но вчерашняго числа, пользуясь туманомъ, въ 4 часа, съ разсвѣтомъ, направилъ всѣ свои силы на лѣвый флангъ нашей арміи. Сраженіе было общее и

тавившей ему званіе фельдмаршала, подарокъ въ сто тысячъ рублей и много милостей для его семейства [1]).

Съ наступленіемъ ночи наша армія начала отступать по Можайской дорогѣ. Генералъ Платовъ съ казаками остался на томъ мѣстѣ, которое занимало наше правое крыло и къ которому не приближались французы, какъ я это говорилъ. Они лишь на разсвѣтѣ замѣтили наше отступленіе, но оставались на мѣстѣ до 11 часовъ утра, а затѣмъ, уже стали наступать на отрядъ генерала Платова, который медленно началъ отходить, по возможности задерживая ихъ наступленіе, чтобъ доставить нашей арміи время и возможность отступить далѣе. Французы, миновавъ Можайскъ, сдѣлали сильное нападеніе на нашъ арріергардъ, командованіе которымъ перешло уже тогда къ генералу Милорадовичу. На слѣдующій день произошло довольно жаркое дѣло между нашими арріергардными войсками и французами, въ которомъ послѣдніе понесли не мало потерь.

Главныя же наши силы продолжали благополучно свое отступленіе почти до Москвы и заняли 28 августа (9 сентября) позицію на возвышенностяхъ, находящихся въ пяти верстахъ впереди Москвы.

Я избралъ эту позицію какъ единственную, признанную мною удобною послѣ Бородина. Она была бы очень выгодна для насъ, еслибы только намъ не предстояло занять одну высоту, называемую Воробьевы горы, находящуюся на лѣвомъ флангѣ, для его

продолжалось до самой ночи; потеря съ обѣихъ сторонъ велика; уронъ непріятелей, судя по упорнымъ его атакамъ на нашу укрѣпленную позицію, долженъ весьма нашъ превосходить. Войска Вашего Императорскаго Величества сражались съ неимовѣрною храбростью: батареи переходили изъ рукъ въ руки, и кончилось тѣмъ, что непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли съ превосходными своими силами. Ваше Императорское Величество изволите согласиться, что послѣ кровопролитнѣйшаго и 15 часовъ продолжавшагося сраженія, наша и непріятельская армія не могли не разстроиться и за потерею, сей день сдѣланною, позиція прежде занимаемая, естественно стала обширнѣе и войскамъ невмѣстною, а потому, когда дѣло идетъ не о славѣ выигранныхъ только баталій, но вся цѣль будучи устремлена на истребленіе французской арміи, ночевавъ на мѣстѣ сраженія, я взялъ намѣреніе отступить 6 верстъ, что будетъ за Можайскомъ, и собравъ разстроенныя баталіею войска, освѣжа мою артиллерію и окрѣпивъ себя ополченіемъ Московскимъ, въ тепломъ упованіи на помощь Всевышняго и на оказанную неимовѣрную храбрость нашихъ войскъ, увижу я, что могу предпринять противу непріятеля. Къ сожалѣнію, князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ раненъ пулею въ лѣвую ногу; генералъ-лейтенанты Тучковъ и князь Горчаковъ, генералъ-маіоры Бахметьевъ, графъ Воронцовъ, Кретовъ—ранены. У непріятеля взяты плѣнные и пушки и одинъ бригадный генералъ: теперь ночь и не могу еще разобраться, есть-ли съ нашей стороны таковая потеря."

„Августа 27-го дня 1812 года".

„Позиція при Бородинѣ."

[1]) Кромѣ того, супругѣ князя Кутузова повелѣно быть статсъ-дамою двора Его Императорскаго Величества. (см. Богдановичъ, Исторія Отечественной войны 1812 года т. I стр. 588).

прикрытія; этимъ означенная позиція очень растягивалась. Не смотря на всѣ сдѣланныя мною изслѣдованія мѣстности, не представлялось никакого иного способа этому помочь, коль скоро мы одновременно желали занимать дорогу изъ Москвы въ Можайскъ, по которой должны были наступать французы. Мы приступили также къ необходимымъ работамъ по укрѣпленію различныхъ высотъ, находившихся на фронтѣ этой позиціи.

Несмотря на дѣлаемыя приготовленія къ оборонѣ столицы, обыватели Москвы продолжали ее покидать и вывозили изъ города по возможности свое имущество. Однако, неоднократно данныя генералъ-губернатору Ростопчину увѣренія, что мы будемъ защищать этотъ городъ до послѣдней крайности и выраженныя ему словесно даже утромъ 1 (13) сентября, при прибытіи его на занятую нами позицію, съ которой мы въ 11 часовъ вечера того же дня стали направлять нашу артиллерію въ Москву,—были причиною, что множество предметовъ, особенно комиссаріатскихъ и относящихся до вооруженія войскъ (какъ то: ружья, снаряды, свинецъ, и т. п.) не были заблаговременно вывезены изъ Москвы.

Въ тотъ самый день, 1 сентября, около семи часовъ вечера, когда я съ полковникомъ Мишо занимался окончательною рекогносцировкою окрестностей лѣваго крыла нашей позиціи, пріѣхалъ ко мнѣ офицеръ отъ князя Кутузова, съ приказаніемъ прибыть къ нему. Я отвѣтилъ, что не замедлю явиться, какъ только окончу мою рекогносцировку. Дѣйствительно, около 7—8 часовъ, прибывъ къ князю Кутузову, я нашелъ у него собравшимся военный совѣтъ, который состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: изъ главнокомандующаго, князя Кутузова, генерала отъ инфантеріи Барклая-де-Толли, генерала отъ кавалеріи Платова, генерала отъ инфантеріи Дохтурова и генералъ-лейтенантовъ: Уварова, графа Остермана, Раевскаго, Коновницына и еще генералъ-маіора Ермолова, начальника штаба 1-й арміи [1]). Каково же было мое изумленіе, когда въ совѣтѣ я узналъ, что идетъ рѣчь о томъ, чтобы отступить черезъ Москву и предоставить эту столицу французамъ! Генералъ Барклай болѣе всѣхъ настаивалъ на необходимости принять эту мѣру; онъ доказывалъ, что послѣ Бородинскаго сраженія наша армія чрезвычайно разстроена отъ понесенныхъ нами большихъ потерь, какъ рядовыми, такъ, въ особенности, генералами и офицерами. Онъ высказывалъ, что позиція, занимаемая нами на высотахъ Поклонной горы, не удовлетворительна; что мы потерпимъ пораженіе и, потерявъ всю нашу артиллерію, принуждены будемъ отступать чрезъ самую Москву, тогда какъ, отступивъ безъ сраженія ранѣе чрезъ

[1]) Едва-ли надо напоминать, что ген. Бенингсенъ говоритъ объ извѣстномъ совѣтѣ въ Филяхъ.

Москву и направившись на Владимірскую дорогу [1]), мы прикроемъ всѣ учрежденія и запасы, сдѣланные въ этой губерніи, по приказанію Государя, для дальнѣйшаго веденія войны. Онъ добавилъ, что Его Величество подготовленъ къ мысли, что мы покинемъ древнюю столицу и увѣрялъ, что Государь, безъ сомнѣнія, одобритъ подобную мѣру. Барклай де Толли прилагалъ всѣ усилія, чтобы побудить совѣтъ согласиться съ его предложеніемъ.

Такъ какъ на совѣтѣ говорилъ одинъ Барклай, то мнѣ пришлось опровергать только его доводы. Я прежде всего спросилъ, обсудилъ-ли онъ тщательно всѣ послѣдствія оставленія нами Москвы, нашей столицы, самаго большого города нашей Имперіи?; приняты-ли въ соображеніе сопряженныя съ этимъ огромныя потери, которыя неизбѣжно понесетъ казна и множество частныхъ лицъ, а также и то вліяніе, какое сдача Москвы окажетъ на мнѣніе толпы, общества и всего населенія Имперіи? Очевидно, сдача Москвы будетъ имѣть также большое вліяніе на средства дальнѣйшаго веденія войны. Я спросилъ также, приняты-ли во вниманіе всѣ затрудненія и опасности, которыя представятся намъ при отступленіи всей нашей артиллеріи по тѣснымъ улицамъ Москвы и въ столь короткое время, причемъ непріятель будетъ у насъ на шеѣ. Я указалъ, наконецъ, на позоръ покинуть столицу, не сдѣлавъ ничего для ея защиты, которую ей обѣщали. Я спросилъ, будетъ-ли послѣ этого общество имѣть возможность вѣрить, что мы выиграли сраженіе 26 августа (7 сентября) и Бородинскую битву, какъ это объявили печатно; не повлечетъ-ли это сраженіе еще другихъ послѣдствій, кромѣ оставленія Москвы, и не будемъ-ли мы принуждены сами признать, что проиграли сраженіе? Какое впечатлѣніе произведетъ эта неудача на настроеніе иностранныхъ дворовъ и на иностранцевъ вообще? Я также спросилъ, какое имѣется основаніе полагать, что наша армія будетъ лучше организована и устроена послѣ очищенія нами Москвы; какой предѣлъ будетъ нашему отступленію? Я добавилъ, что не постигаю, почему принимается за непреложное, что въ новомъ сраженіи съ французами мы будемъ

[1]) Считаемъ не лишнимъ напомнить, что изъ Москвы въ разныя мѣста Имперіи расходились, какъ изъ центра радіусы, нѣсколько большихъ дорогъ, какъ то: *Петербургская*—на г. Клинъ, Тверь; *Смоленская*—на Можайскъ, Гжатскъ, Вязьму; *новая Калужская*—на Боровскъ, Малоярославецъ; *старая Калужская*—на Чириково, Тарутино; *Тульская*—на Подольскъ, Серпуховъ; *Рязанская*—на Боровскій мостъ, Бронницы, Коломну; *Владимірская*—на Богородскъ и т. д. Рѣка Пахра, впадающая въ р. Москву, перерѣзывала дороги: Тульскую и Старую и Новую Калужскія. Армія наша шла по Рязанской дорогѣ, но у Боровскаго моста рѣшено было повернуть на Подольскъ и Красную Пахру и тѣмъ совершить знаменитое фланговое движеніе и перейти на Калужскую дорогу. „Мысль эта, говоритъ извѣстный А. П. Ермоловъ, въ своихъ Запискахъ, *принадлежитъ Беннигсену*, и онъ настаивалъ, чтобы скорѣе перейти на Калужскую дорогу. Многіе присваиваютъ это соображеніе себѣ, но оно принадлежитъ собственно генералу Беннигсену. Князь Кутузовъ желалъ отнести это своему любимцу Толлю". (стр. 99).

непремѣнно разбиты и потеряемъ всю нашу артиллерію, получивъ послѣ сраженія при Бородинѣ много подкрѣпленій; этого преимущества французы не могли имѣть. По моему же мнѣнію, напротивъ того, мы остаемся тѣми же отважными русскими, которые дрались столько разъ и съ такою храбростію, что насъ справедливо можно ставить въ примѣръ другимъ народамъ. Если мы и понесли значительныя потери 26 авг. (7 сент.) при Бородинѣ, то потери непріятеля также весьма значительны, какъ солдатами, такъ генералами и офицерами, слѣдовательно, если наша армія разстроена вслѣдствіе Бородинскаго сраженія, то и армія французская разстроена въ той же мѣрѣ и по той же причинѣ.

Не много ранѣе совѣта, мы получили отъ генерала Винцингероде извѣстіе, что Наполеонъ двинулъ уже вице-короля Итальянскаго съ значительнымъ отрядомъ на г. Рузу, чтобы приблизиться по этой дорогѣ, ведущей въ Москву, и обойти, вмѣстѣ съ тѣмъ, нашъ правый флангъ. Во время же совѣта были доставлены неоднократно рапорты, подтвердившіе это извѣстіе, а также и то, что отрядъ французскихъ войскъ направился въ обходъ также нашего лѣваго фланга. Поэтому я предложилъ въ теченіи ночи перевести всѣ наши войска на правый флангъ и двинуться на встрѣчу непріятеля, ослабленнаго выдѣленіемъ означенныхъ отрядовъ. При этомъ, я высказывалъ, что мы, безъ сомнѣнія, его опрокинемъ, и тогда сдѣланныя имъ движенія для обхода нашихъ фланговъ не только останутся безъ послѣдствій, но посланные для этого отряды принуждены будутъ въ возможной скорости отступить, чтобы не оказаться отрѣзанными. Генералъ Барклай сдѣлалъ страннос возраженіе, что наши войска недостаточно подготовлены къ различнымъ боевымъ перестроеніямъ и къ исполненію подобнаго плана и что, при подобномъ движеніи, мы лишимся сообщеній по дорогамъ на Калугу, Тулу, Рязань и Владиміръ. Не трудно было опровергнуть эти возраженія и доказать ихъ ошибочность. Я отвѣтилъ, что въ такой открытой равнинѣ, какъ разстилавшаяся передъ нашимъ лѣвымъ флангомъ, гдѣ однимъ взглядомъ можно было обнять движенія различныхъ колоннъ, наши движенія не только не являются затруднительными, но, напротивъ того, очень простыми. Что же касается сообщеній по указаннымъ выше дорогамъ, то предлагаемое мною передвиженіе нашей арміи совершенно ихъ прикрываетъ, въ чемъ легко убѣждаетъ насъ карта военныхъ дѣйствій, и что, на случай отступленія, намъ остается еще Старая и Новая Калужскія дороги, по которымъ мы можемъ отступить безъ малѣйшей опасности. При томъ мнѣ кажется, что коль скоро мы покинемъ Москву, то благоразумная осторожность потребуетъ занятія нами окрестностей Москвы съ тѣмъ, чтобы, угрожая сообщеніямъ непріятеля, принудить его, для ихъ охраненія, раздѣлить свои силы, когда онъ займетъ городъ. Я возражалъ и на предложеніе Барклая направить наши

силы, пройдя Москву, на Владимірскую дорогу, и, вмѣстѣ съ генераломъ Платовымъ, высказывалъ, что коль скоро уже признано необкодимымъ совершить отступленіе черезъ Москву, то предпочтительнѣе двинуться на Рязанскую дорогу, нежели на Владимірскую. Это предложеніе было, къ счастью, принято, потому что болѣе ста тысячъ четвертей зерна, въ видѣ муки, хлѣба и сухарей находились въ Рязани, Калугѣ, а также по дорогамъ къ этимъ городамъ и неизбѣжно достались бы въ руки французовъ, при нашемъ движеніи по Владимірской дорогѣ, на которой не было сдѣлано никакихъ распоряженій къ продовольствію нашей арміи. Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ старался обратить вниманіе совѣта на неудобства направить армію нашу на Владимірскую дорогу также и потому, что этимъ предоставлялись въ распоряженіе французовъ многія наши военныя учрежденія, какъ то, пороховой и селитренный заводы въ Шосткѣ, въ Черниговской губерніи, пушечно-литейный заводъ въ Брянскѣ, въ Орловской губерніи, пушечный и мѣдный заводъ Демидова, и. пр.

Не могу не присовокупить, что мои мнѣнія раздѣляли генералы: Платовъ, Дохтуровъ, Уваровъ, Коновницынъ, Ермоловъ, т. е. всѣ они стояли за защиту Москвы. Генералъ Дохтуровъ, сидя немного въ отдаленіи отъ стола, за которымъ не могли помѣститься всѣ собравшіеся на совѣтъ генералы, показалъ мнѣ рукою, что у него волосы становятся дыбомъ видя, что будетъ принято предложеніе покинуть Москву. Остальные изъ названныхъ генераловъ выказывали мнѣ также свое сожалѣніе по этому же поводу. Мнѣніе Барклая за очищеніе Москвы раздѣляли Раевскій и Остерманъ; послѣдній, между прочимъ, выразилъ, что предложеніе защищать Москву можетъ быть принято, если генералъ Беннигсенъ въ состояніи намъ обезпечить побѣду надъ врагомъ. Я ему отвѣтилъ, что это слишкомъ большое требованіе отъ отдѣльнаго лица, но что ручательство въ побѣдѣ должны представлять храбрость и искусство нашихъ генераловъ.

Князь Кутузовъ, наконецъ, разрѣшилъ этотъ споръ своимъ желаніемъ отступить отъ Москвы и властію исполнить это. Замѣтивъ, что предположеніе покинуть Москву безъ выстрѣла было утверждено ранѣе, еще до военнаго совѣта, что даже не составляется протокола о различныхъ мнѣніяхъ, высказанныхъ генералами въ этомъ совѣтѣ, и что даже не сочли нужнымъ пригласить на этотъ совѣтъ генералъ-губернатора Москвы графа Растопчина, котораго въ тотъ же самый день утромъ завѣряли, что столица будетъ защищаема до послѣдней крайности,—усмотрѣвъ все это, я рѣшился покинуть совѣтъ.

Возвратясь къ себѣ, я прежде всего записалъ на бумагѣ заключенія этого совѣта, разворившаго быть можетъ совершенно напрасно множество семействъ.

Его Императорское Высочество Герцогъ Виртембергскій отправился послѣ совѣта къ князю Кутузову, чтобы высказать ему соображенія относительно сдачи Москвы и о средствахъ защищать эту столицу. Я былъ приглашенъ также присутствовать на этомъ совѣщаніи. Я отправился на совѣщаніе, но оно ни къ чему не привело.

Въ 11 часовъ вечера наша артиллерія начала проходить по городу, а въ три часа утра двинулись наши пѣхотныя войска. Множество всякаго рода экипажей и повозокъ находились еще въ то время въ городѣ; отъѣзду ихъ препятствовала сперва артиллерія, а потомъ пѣхота. Можно легко себѣ представить затруднительность движенія войскъ на протяженіи почти десяти верстъ, по улицамъ города, всѣ обыватели котораго покидали или начинали только покидать его, причемъ всѣ кабаки и погреба были оставлены открытыми, или были взломаны солдатами, кучерами, прислугою, отсталыми и самымъ послѣднимъ классомъ народа. Малѣйшее поврежденіе въ запряжкѣ какой либо повозки задерживало въ улицѣ все дальнѣйшее движеніе.

Самыя благоразумныя и самыя строгія мѣры оказались-бы недостаточными для отвращенія всякаго рода безпорядковъ, неизбѣжныхъ при подобномъ отступленіи. Мы могли-бы понести большія при этомъ потери, если-бы не явилась намъ на помощь находчивость генерала Милорадовича, командовавшаго нашимъ арріергардомъ. Тѣснимый французами, онъ былъ принужденъ скоро вступить въ городъ Москву, улицы которой были всѣ совершенно запружены артиллеріею, пѣхотою, экипажами, обозами, всякаго рода отсталыми, пьяными, лежавшими у кабаковъ. Въ то же время, почти одновременно съ нашимъ арріергардомъ, вступали въ Москву, по дорогѣ изъ Рузы, съ одной стороны, войска, подъ начальствомъ короля Неаполитанскаго, а съ другой—войска вице-короля Итальянскаго. Въ такомъ критическомъ и затруднительномъ положеніи генералъ Милорадовичъ прибѣгнулъ къ средству, отвратившему въ значительной мѣрѣ ту потерю, которой мы были подвержены. Онъ послалъ парламентера къ королю Неаполитанскому съ предложеніемъ заключить только на нѣсколько часовъ перемиріе, чтобы имѣть время очистить городъ и сдать его французамъ, добавивъ при этомъ, что, если король на это не согласится, то дорого заплатитъ за обладаніе Москвою, въ которую онъ вступитъ по трупамъ, объятую пламенемъ. Французы, желавшіе сохранить этотъ большой городъ, не зная, что найдутъ въ немъ опустѣлыми всѣ дома, за исключеніемъ немногихъ хижинъ крестьянъ, согласились на это предложеніе безъ затрудненія.

Военныя дѣйствія прекратились на нѣсколько часовъ, что дало время очистить городъ. Но, такъ какъ нѣкоторые отряды французской кавалеріи уже вступили въ Москву, то и случилось, что фран-

цузскіе кавалеристы и наши казаки дѣйствовали за одно и торопили нашихъ отсталыхъ и наши обозы, находившіеся въ разныхъ улицахъ, скорѣе очистить городъ. Вечеромъ французы захватили, однако, нѣсколько нашихъ солдатъ, экипажей и, въ особенности, немало телѣгъ, нагруженныхъ вещами. Можно себѣ представить, чтобы сталось съ арміею и какія бы мы понесли потери, при нашемъ отступленіи, если-бы генералъ Милорадовичъ своею находчивостью не отвратилъ всего этого.

Разстояніе отъ нашей бывшей позиціи, чрезъ всю Москву, до деревни Панки, на Рязанской дорогѣ, составляло около 20 верстъ, и, конечно, должный порядокъ не могъ быть соблюденъ при движеніи на всемъ этомъ пространствѣ, во всѣхъ частяхъ арміи. Войска, составлявшія послѣднія колонны арміи, могли только на другой день утромъ придти на занятую позицію; это побудило насъ 3 (15) сентября слѣлать дневку. Нашъ арріергардъ, пройдя Москву, остановился въ Новопреображенскомъ. Французы преслѣдовали насъ очень слабо. Въ ту же самую ночь начались пожары въ Москвѣ; мы ясно видѣли огонь, продолжавшійся восемь дней и болѣе и уничтожившій постепенно большую часть этой столицы,—одинъ изъ величайшихъ городовъ Европы. Остановить огонь не было никакой возможности, потому что, какъ оставшіеся въ Москвѣ обыватели, такъ и французскіе солдаты поджигали дома въ различныхъ частяхъ этого громаднаго города, чтобы съ бо́льшимъ удобствомъ предаваться грабежу: къ тому же, пожарныя трубы были еще ранѣе вывезены изъ города.

Изъ этого видно, до чего русскіе рѣшились не обращать никакого вниманія на огромную потерю, понесенную казною и частными лицами при сдачѣ Москвы; они поспѣшили лишить непріятеля всѣхъ ожидаемыхъ имъ выгодъ отъ обладанія наиболѣе важнымъ и самымъ богатымъ городомъ Имперіи, если бы ему удалось овладѣть городомъ въ томъ самомъ положеніи богатства и довольства, въ которыхъ онъ находился предъ ихъ вступленіемъ въ Россію. Какую сильную контрибуцію можно было бы взять съ Москвы деньгами, всякаго рода предметами, припасами и т. д. Но французы не только не нашли ничего подобнаго, но даже не нашли лицъ, къ которымъ могли бы обратиться по вопросу о реквизиціи. Все это не воспрепятствовало, однако, тому, что французы, тѣмъ не менѣе, захватили большую добычу въ домахъ этого города, служившихъ цѣлыя столѣтія складомъ великолѣпія и роскоши всей Россіи. Движимость подобныхъ домовъ невозможно было скоро вывести. Вотъ одна изъ причинъ, по которой Наполеонъ не разрѣшилъ войскамъ своей арміи оставаться въ Москвѣ, за исключеніемъ его гвардіи, которой одной онъ предоставилъ выгоды грабить остатки великаго города, съ трудомъ разрывая изъ подъ развалинъ обго-

рѣлыхъ строеній предметы болѣе или менѣе цѣнные, случайно уцѣлѣвшіе отъ огня.

Во многихъ французскихъ прокламаціяхъ, изданныхъ во время пребыванія Наполеона въ Москвѣ, всѣ пожары и грабежи въ этомъ городѣ приписывались исключительно русскимъ, оставшимся въ городѣ. Но, очевидно, не русскіе ограбили болѣе тысячи церквей, бывшихъ въ Москвѣ, внутреннія стѣны которыхъ были покрыты драгоцѣнными украшеніями изъ золота и серебра, съ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями; это все простиралось на сумму нѣсколькихъ милліоновъ рублей. Извѣстно, какое почитаніе и уваженіе имѣетъ русскій народъ къ церквамъ своимъ и находящимся въ нихъ образамъ. Поэтому не удивительно, что кощунственные поступки и неприличное поведеніе французовъ во всѣхъ русскихъ церквахъ вызвали къ нимъ со стороны русскихъ негодованіе и озлобленіе въ высшей степени, и это только увеличило бѣдствія французовъ и ихъ союзниковъ во время отступленія ихъ къ Березинѣ.

Князь Кутузовъ въ своемъ первомъ рапортѣ къ Государю о потерѣ Москвы высказалъ, между прочимъ: „Ваше Величество, изволите согласиться, что потеря Москвы является слѣдствіемъ потери Смоленска.“ Справедливо что послѣ сдачи Смоленска (на эту сдачу должно смотрѣть, какъ на источникъ потери Москвы, но не какъ на необходимость), обыватели этого большого города начали вывозить свои имущества и всякое достояніе, какъ сухимъ путемъ, такъ и водою въ болѣе отдаленныя губерніи.

Генералъ-губернаторъ Растопчинъ распорядился такимъ же образомъ съ богатымъ имуществомъ казны, въ числѣ котораго находились предметы драгоцѣнные, рѣдкіе, древніе, со временъ первыхъ русскихъ царей, и т. д., хранившіеся въ Кремлѣ или древнемъ обиталище русскихъ самодержцевъ. Многіе русскіе вельможи, а также дворяне, не только богатые, но и обладавшіе достояніемъ, жившіе въ отдаленныхъ губерніяхъ, имѣли въ Москвѣ: первые—великолѣпные чертоги, а остальные—приличные дома. Москва являлась мѣстомъ пребыванія всѣхъ по старости, недовольству или по домашнимъ причинамъ удалившихся отъ двора, военной или гражданской службы, такъ что въ Москвѣ, особенно зимою, собиралось значительное число русскаго дворянства. Поэтому общественное мнѣніе Москвы считалось мнѣніемъ всего русскаго народа. Это послѣднее часто побуждало русскихъ царей принимать мѣры къ тому, что бы склонять расположеніе Московскаго дворянства и купечества, словомъ, населенія Москвы, когда требовались усилія со стороны народа для веденія войны, въ томъ убѣжденіи, что пожертвованія, которыя сдѣлаетъ Москва, будутъ служить примѣромъ восторженнаго подражанія для другихъ губерній и городовъ Имперіи.

Не стану входить въ разсужденія о выгодѣ или невыгодѣ, происходящей для Государей отъ большихъ въ ихъ государствѣ городовъ съ такимъ значительнымъ населеніемъ, какъ Москва; примѣры временъ прошедшихъ и настоящихъ доставляютъ много матеріала для глубокихъ и любопытныхъ разсужденій по этому вопросу. Сознавая важность Москвы, Императоръ Наполеонъ полагалъ возможнымъ считать покореніе этой столицы вѣрнымъ средствомъ достиженія славнаго и выгоднаго для себя мира съ Россіею, мира, который одинъ могъ вывести его съ того ложнаго пути, по которому онъ не только отважился со своею арміею проникнуть въ глубь Россіи въ столь значительномъ отдаленіи отъ своихъ границъ, но рѣшился даже остановиться столь долгое время въ этомъ городѣ. Мы же, со своей стороны, считали занятіе Москвы эрою, съ которой началась наша наступательная война, имѣвшая цѣлью отомстить за оскорбленіе, нанесенное Наполеономъ цѣлой націи тѣмъ, что онъ вступилъ въ предѣлы нашего отечества съ огромною арміею, составленною изъ солдатъ всѣхъ государствъ материка Европы, и, притомъ, безъ объявленія войны, какъ это принято между образованными народами, и нарушилъ покой великой страны, обыватели которой жили мирно въ своихъ хижинахъ и вовсе не думали воевать съ кѣмъ бы то ни было.

3 (15) Сентября, послѣ перехода нашего черезъ Москву, генералъ Ермоловъ, съ большимъ вниманіемъ на военномъ совѣтѣ слѣдившій за моими возраженіями противъ сдачи Москвы и за сдѣланными мною предложеніями, прибылъ ко мнѣ и убѣждалъ отправиться къ князю Кутузову и настаивать на томъ, чтобы наша армія перешла, какъ я предлагалъ уже, на Калужскою дорогу. Я отвѣтилъ ему, что я и теперь стою за необходимость этого движенія и готовъ немедленно идти къ князю Кутузову и убѣждать его исполнить оное.

Вмстѣ съ тѣмъ, я просилъ Ермолова поддерживать мои настоянія предъ кн. Кутузовымъ. Сенаторъ Ланской, исполнявшій обязанности генерала интенданта всѣхъ дѣйствующихъ армій и опасавшійся лишиться всѣхъ продовольственныхъ запасовъ, направленныхъ имъ на Калужскую дорогу, обратился ко мнѣ съ такою же просьбой. Онъ усматривалъ всѣ затрудненія, ему предстоявшія при продовольствіи арміи въ мѣстностяхъ, въ которыхъ онъ не предвидѣлъ необходимости дѣлать запасные магазины всякаго рода для арміи.

Князь Кутузовъ тогда, наконецъ, рѣшился на это движеніе, избавившее насъ отъ затруднительнаго и критическаго положенія, въ которомъ мы находились послѣ сраженія при Бородинѣ и послѣ сдачи Москвы.

Здѣсь, въ Пахрѣ, прибылъ къ намъ адъютантъ Государя Императора, полковникъ Чернышевъ, изъ Петербурга, и привезъ намъ планъ военныхъ дѣйствій, очень разумно составленный и направленный къ истребленію французской арміи, когда она предприметъ свое отступленіе; это должно безусловно совершиться, если будутъ въ точности исполнены нами всѣ данныя приказанія.

ПИСЬМО VIII.

Тарутино, 9 (21) Октября 1812 г.

Переходъ арміи нашей на Калужскую дорогу и выгоды этого движенія. Расположеніе войскъ обѣихъ сторонъ. Отступленіе отъ Красной Пахры на Мочу и Тарутино. Объясненіе съ Кутузовымъ. О позиціяхъ вообще и о Тарутинской въ особенности. Письмо Беннигсена къ Кутузову. Сраженіе при Тарутинѣ и его результаты. Донесеніе Винцингереде.

5 (17) Сентября мы покинули дорогу на Рязань и благополучно прибыли въ Подольскъ, лежащій на маленькой рѣчкѣ Пахрѣ, по большой дорогѣ въ г. Тулу, гдѣ армія простояла до 6 (18) и 7 (19) сентября. Предшествовавшіе переходы очень утомили войска; многимъ корпусамъ пришлось пройти болѣе 45 верстъ, и они подошли только утромъ слѣдующаго дня.

9 (21) Сентября армія прибыла въ Красную Пахру,—въ деревню на рѣкѣ того же имени, въ 35 верстахъ отъ Москвы, на старой Калужской дорогѣ, которую я предложилъ въ совѣтѣ отнюдь не покидать. Каждый военный человѣкъ, разсмотрѣвъ внимательно это передвиженіе наше, признаетъ, что оно являлось смѣлымъ и предпріимчивымъ, потому что, если бы французы были заранѣе о немъ освѣдомлены, то имѣли бы возможность съ частію своихъ силъ, выступивъ изъ Москвы, стать на большую дорогу, отдѣляющуюся въ небольшомъ разстояніи отъ города, отъ дороги, идущей къ Подольску, и поворачивающей потомъ налѣво, въ г. Бронницы, лежащій на Рязанской дорогѣ. Такимъ движеніемъ французы могли бы прорвать наши колонны во время ихъ движенія и заставить насъ дорого заплатить за подобное предпріятіе. Поэтому, признаюсь, я съ безпокойствомъ слѣдилъ за этимъ движеніемъ нашей арміи, которое, хотя и являлось опаснымъ, но было необходимо для исправленія большой ошибки, сдѣланной нами ранѣе, именно: отступленіемъ отъ Бородина черезъ Москву. Но сообразите только, чтобы съ нами сталось и какой опасный оборотъ могъ бы принять весь ходъ войны, если бы мы двинулись на дорогу во Владиміръ, о чемъ была прежде рѣчь въ военномъ совѣтѣ.

Удивительно, что императоръ Наполеонъ, при своемъ геніи и обычной предусмотрительности, не предвидѣлъ прежде всего великой опасности, грозившей его арміи въ занимаемой ею въ Москвѣ позиціи, тѣмъ, что наша армія стала на Калужскую дорогу, которая давала намъ возможность, не только постоянно тревожить легкими партизанскими отрядами его сообщенія по большой Смоленской дорогѣ и перехватывать все, что по этой дорогѣ слѣдовало и все, что онъ могъ ожидать себѣ изъ главной квартиры, но даже совсѣмъ ему отрѣзать сообщенія съ его тыломъ. Мы это могли легко сдѣлать при нашихъ силахъ, увеличивавшихся съ каждымъ днемъ новыми рекрутами, которые стекались изъ всѣхъ губерній, чтобы возстановлять понесенныя нами потери, въ то время, какъ войска Наполеона все уменьшались съ каждою минутою и болѣе не могли быть пополняемы.

Генералъ Милорадовичъ, со своимъ арріергардомъ, медленно слѣдовалъ за нами. Перейдя Москву рѣку, онъ остановился у Боровскаго перевоза, на хорошей позиціи, и могъ легко задерживать переправу французовъ черезъ эту рѣку нѣкоторое время; это ввело французовъ въ заблужденіе относительно направленія, принятаго нашею арміею при ея отступленіи. Послѣдствіемъ этого было то, что наше движеніе оставалось неизвѣстнымъ французамъ до того времени, какъ генералъ Милорадовичъ, два дня спустя, оставивъ эту дорогу, перешелъ на Калужскую и сталъ впереди нашей арміи. Тогда король Неаполитанскій послѣдовалъ за нами, имѣя при себѣ около 30.000 чел Въ этомъ отрядѣ находился корпусъ вице-короля Итальянскаго, часть резервной кавалеріи и польскія войска Іосифа Понятовскаго.

Французы въ то же время выслали сильный отрядъ изъ Москвы на старую Калужскую дорогу, для рекогносцировки, позиціи, занятой нашей арміею. Но эта рекогносцировка не была усиленной; въ 20 верстахъ отъ занимаемой нами позиціи французы встрѣтились съ войсками нашего авангарда, и въ происшедшей при этомъ стычкѣ французскихъ гвардейскихъ драгунъ съ драгунами нашей гвардіи и казаками, первые были опрокинуты съ значительною потерею убитыми и ранеными, причемъ было взято въ плѣнъ до 60 человѣкъ[1]). Это побудило отступить французскій отрядъ весь назадъ.

Занимаемая нами позиція не позволяла Наполеону, съ его значительными силами, проникать далѣе въ глубь нашей страны но мы, однако, не могли воспрепятствовать тому, чтобы онъ не занялъ всю Московскую губернію, за исключеніемъ Коломенскаго уѣзда, въ который не могли проникнуть слабые отряды, опасаясь быть захваченными нашею легкою кавалеріею.—Я предложилъ изъ

[1]) См. Богдановичъ, т. II стр. 380

всѣхъ губерній, прилегающихъ къ Московской, двинуть на границы послѣдней отряды ополченія въ нѣсколько тысячъ человѣкъ каждый, чтобы занять большія дороги и переправы чрезъ рѣки и препятствовать непріятельскимъ отрядамъ, проникая слишкомъ далеко, опустошать страну. Мое предложеніе было приведено въ исполненіе слѣдующимъ образомъ. Ополченіе Владимірской губерніи выставило сильный отрядъ въ 5000 человѣкъ на дорогу изъ Москвы до Покровска; ополченіе Рязанское стало на рѣкѣ Окѣ, противъ Коломны; Тульское—до Серпухова; Калужское, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Шепелева, — до Юхнова, при чемъ высылало отряды на дорогу въ Вязьму; это же ополченіе выставляло также сильный отрядъ къ Брянску, гдѣ находился пушечный литейный заводъ и куда уже подходилъ близко непріятельскій отрядъ, съ цѣлію захвата его, но наши успѣли во время предупредить ихъ намѣренія.

Дорогу изъ Москвы въ Петербургъ черезъ Тверь охранялъ генералъ Винцингероде, занимавшій со своимъ отрядомъ пространство отъ Москвы рѣки чрезъ г. Клинъ до Ярославской дороги, на которую былъ высланъ изъ арміи казачій полкъ.

Генералъ Дороховъ былъ посланъ съ сильнымъ отрядомъ гусаръ, казаковъ и шестью баталіонами егерей, при нѣсколькихъ орудіяхъ, въ окрестности Боровска, на новую Калужскую дорогу, откуда онъ производилъ развѣдки и поиски до большой Смоленской дороги. Онъ вскорѣ оказался окруженнымъ французами, но усмотрѣлъ, что это была тысяча вооруженныхъ мародеровъ, бродившихъ по деревнямъ для добыванія продовольствія, въ которомъ французская армія терпѣла полный недостатокъ. Дороховъ захватилъ такое количество плѣнныхъ, что для сопровожденія ихъ былъ принужденъ отдѣлить часть своего отряда.

Не смотря на всѣ эти передвиженія нашей арміи и поиски легкихъ отрядовъ, Наполеонъ пребывалъ спокойно въ слѣдующемъ положеніи. Онъ лично занялъ, со своею главною квартирою, въ Москвѣ,—Кремль, это древнее жилище русскихъ государей. Въ городѣ Москвѣ была размѣщена гвардія Наполеона. Корпусъ короля Неаполитанскаго и, вмѣстѣ съ нимъ, вице-король Итальянскій и еще нѣсколько другихъ войскъ слѣдовали за нашею армію. Корпусъ маршала Даву и корпусъ Нея расположились передъ Москвою на позиціяхъ, которыя мы занимали на Воробьевыхъ горахъ. Корпусъ, подъ начальствомъ Жюно, остался на большой Смоленской дорогѣ и занималъ города: Можайскъ, Гжатскъ, Вязьму и еще нѣкоторые другія мѣста для прикрытія госпиталей, складовъ и магазиновъ, а также для охраненія подходившихъ къ арміи транспортовъ всякаго рода. Прошу Васъ, генералъ, внимательно разсмотрѣть на картѣ критическое и опасное положеніе непріятельской арміи съ этого уже времени,

вызванное расположеніемъ нашихъ войскъ. Присоедините къ этому Молдавскую армію адмирала Чичагова, которая уже въ это время прошла въ Гроденскую губернію и соединилась тамъ съ арміею генерала Тормасова. Кромѣ того, генералъ Эртель, со своимъ корпусомъ, стоялъ въ окрестностяхъ Бобруйска. Наполеонъ не имѣлъ возможности противопоставить означеннымъ войскамъ достаточныхъ силъ и воспрепятствовать движенію въ тылъ французской арміи главныхъ силъ арміи Чичагова, выставившаго при этомъ значительной отрядъ противъ князя Шварценберга, корпусъ котораго состоялъ частью изъ австрійскихъ, частью изъ саксонскихъ войскъ. Продолжительное и безполезное пребываніе Наполеона въ Москвѣ, столь дорого ему стоившее впослѣдствіи, можно объяснить единственно надеждою, которою онъ себя льстилъ, что потеря Москвы побудитъ Императора Александра I просить мира. Только одинъ этотъ миръ былъ въ состояніи вывести французскую армію изъ того критическаго положенія, въ которое ставило ее продолжительное пребываніе Наполеона въ Москвѣ.

Если бы Наполеонъ имѣлъ твердое намѣреніе пробыть въ Москвѣ двѣ или три недѣли, а затѣмъ возвратиться въ Смоленскъ, чтобы основаться на р. Днѣпрѣ, онъ несомнѣнно спасъ бы на время всю свою армію, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ госпиталей, которыхъ, за недостаткомъ лошадей, не оказалось бы возможности перевезти. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ бы возможность сосредоточить свои внушительныя силы, а солдатъ своихъ, умиравшихъ съ голоду въ губерніяхъ, въ которыхъ были истреблены всѣ средства къ ихъ существованію, онъ размѣстилъ бы по губерніямъ, содержавшимъ значительные продовольственные склады, учрежденные имъ въ тылу арміи, въ особенности, въ Бѣлоруссіи и другихъ мѣстахъ, по большой дорогѣ отъ Москвы на Смоленскъ, Борисовъ, Вильну и далѣе, до самой Вислы.

Я Вамъ сообщу здѣсь, генералъ, о слухѣ, который, будучи справедливымъ, могъ очень легко задержать Наполеона нѣсколько долѣе въ Москвѣ. Увѣряли, что Наполеонъ, замѣтивъ, что замедляютъ явиться къ нему съ предложеніемъ о мирѣ, на которой онъ такъ сильно уповалъ (это упованіе скрыло отъ его глазъ опасности, которымъ онъ подвергался, оставаясь на позиціяхъ, занимаемыхъ всею его арміею около Москвы),—написалъ Императору Александру письмо, въ которомъ предлагалъ вступить съ нимъ въ переговоры.

Разсказывали также, что въ этомъ письмѣ заключалась угроза послать армію въ Петербургъ, еслибы послѣдовалъ отказъ на его предложеніе вступить съ нимъ въ переговоры [1]). Однако, подобное

[1]) Это письмо Наполеона отъ 9 сентября напечатано г. Богдановичемъ въ его трудѣ Исторія Отечеств. войны 1812 года, т. II, стр. 324. Позже немного Наполеонъ посылалъ къ Кутузову своего генералъ-адъютанта Лористона, чтобы говорить о мирѣ (тамъ же, стр. 390 и слѣд.), чѣмъ Императоръ Александръ остался очень недоволенъ.

письмо ни на минуту не поколебало твердости Императора Александра I. Онъ оставилъ безъ отвѣта это письмо, вызвавшее лишь воззваніе Императора къ народу изъ С.-Петербурга отъ (?) числа, въ которомъ возвѣщалось, что Императоръ не вступитъ въ переговоры, доколѣ въ предѣлахъ его Имперіи будетъ оставаться хотя бы одинъ непріятельскій солдатъ. Вы найдете это воззваніе въ концѣ моего письма [1]).

На другой день, послѣ пріѣзда нашего въ Красную Пахру, мы приступили къ сооруженію нѣсколькихъ полевыхъ укрѣпленій для усиленія занимаемой нами позиціи.

Непріятель въ это время безпокоилъ насъ на двухъ пунктахъ, именно: на дорогѣ въ Москву, по которой могли подойти корпуса маршаловъ Даву, Нея и Бессьера, а затѣмъ по дорогѣ, нами занятой, и по которой слѣдовалъ за нами Неаполитанскій король, какъ я уже говорилъ. Первые маршалы дѣлали только демонстраціи довольно слабыми отрядами, высылаемыми на рекогносцировки.

Король же Неаполитанскій дѣйствительно подошелъ къ намъ довольно близко. Я признавалъ за лучшее или выжидать его на занимаемой нами позиціи, чтобы не потерять плодовъ отважнаго движенія, только что нами сдѣланнаго, или же двинуться ему на встрѣчу, чтобъ отбросить его со всѣми небольшими силами, при немъ находившимися.

При этомъ можно было опасаться, чтобы французы насъ не обошли по дорогѣ, проходящей мимо деревень Чириково и Троицкое на старой Калужской дорогѣ, въ четырехъ верстахъ позади нашей позиціи; они могли бы предпринять это, не подвергаясь опасности быть отрѣзанными и, слѣдовательно, потерпѣть пораженіе.

12 (24) Сентября король Неаполитанскій оттѣснилъ нѣсколько нашихъ отрядовъ, прикрывавшихъ только что упомянутую мною дорогу и мы полагали, что 13 (25) числа онъ сдѣлаетъ на насъ нападеніе. Я предлагалъ фельдмаршалу стойко ожидать оное. До разсвѣта я отправился на позицію, чтобы сдѣлать всѣ надлежащія распоряженія для встрѣчи непріятеля, который, однако, противъ насъ ничего не предпринялъ, и весь день прошелъ спокойно. Тѣмъ не менѣе, рѣшено было къ вечеру отступить съ позиціи. Въ ночь на 14 (26) сентября вся армія отошла на 8 верстъ далѣе, къ селенію Моча [2]), а 15 (27) числа до самаго Васильевскаго, еще не 18 верстъ.

На слѣдующій день зашла рѣчь о томъ, чтобы атаковать Неаполитанскаго короля. Я произвелъ нѣсколько развѣдокъ имѣя, въ виду исполненіе этого предположенія, но французы не подошли къ нашей позиціи. Только 16 (28) числа къ вечеру они появились на высо-

[1]) Это воззваніе при бумагахъ Беннигсена найдено не было.

[2]) Селеніе Моча, на рѣкѣ того же имени, впадающей въ р. Пахру съ правой стороны.

тахъ, подымающихся за маленькой рѣчкой Моча, и показывали видъ, будто бы намѣреваются обойти наше правое крыло. Мы захватили у нихъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ генерала Феррье, начальника штаба кавалеріи короля Неаполитанскаго. Онъ возвращался отъ князя Понятовскаго и имѣлъ при себѣ, захваченное нами, подробное росписаніе численнаго состава польской кавалеріи, состоявшей при этомъ корпусѣ; этотъ составъ доходилъ до 3.700 человѣкъ. Въ ночь наши казаки взяли въ плѣнъ отъ 200 до 300 человѣкъ французской кавалеріи, посланныхъ въ разныя, ближайшія къ ихъ лагерю, деревни, чтобы искать фуража для лошадей.

17 (29) Сентября мы оставались на занятыхъ нами позиціяхъ. Впрочемъ, около полудня, фельдмаршалъ прислалъ ко мнѣ генерала Ермолова спросить мое мнѣніе касательно отступленія нашей арміи до Тарутина [1]). Я отправился къ нему въ сопровожденіи упомянутаго выше генерала, и мы обсуждали этотъ вопросъ объ отступленіи. Я предлагалъ скорѣе сдѣлать движеніе впередъ, причемъ, съ нашими значительными собранными силами мы могли разсѣять небольшой корпусъ Неаполитанскаго короля, между тѣмъ какъ, отходя назадъ и предоставляя ему большее пространство земли, мы тѣмъ самымъ давали ему новые источники продовольствія, въ которомъ французы съ каждымъ днемъ начинали нуждаться все болѣе и болѣе. Мое предложеніе не было принято, и армія наша отошла еще на 18 верстъ, до Тарутина.

Фельдмаршалу представили невѣрное донесеніе о позиціи при Тарутинѣ; ее выставили очень выгодною для насъ. Мы тутъ простояли до 11 (28) октября и все время возводили полевыя укрѣпленія, для исправленія недостатковъ этой мѣстности. Въ концѣ письма [2]) я приложу планъ этой позиціи, который можетъ послужить и руководствомъ для всѣхъ лицъ, посвящающихъ себя занятіямъ по главному штабу, а также указаніемъ, какого рода недостатковъ мѣстности должно избѣгать при выборѣ позиціи, отъ которой зависитъ обыкновенно исходъ предпринимаемаго сраженія, а слѣдовательно, нерѣдко и спасеніе арміи и даже государства, чему можно привести немало примѣровъ.

При выборѣ позиціи при Тарутинѣ точно также, какъ и при Бородинѣ, о чемъ я говорилъ въ прошедшемъ моемъ письмѣ, руководились тѣми же самыми ложными началами. Фронтъ позиціи прикрывался небольшою жалкою рѣчкой [3]), которую можно было

[1]) Село Тарутино, по рѣкѣ Нарѣ, впадающей въ р. Оку. Въ Нару впадаетъ, въ свою очередь р. Чернишна, по которой были расположены войска, подъ начальствомъ Неаполитанскаго короля, т. е. Мюрата.

[2]) Этого плана не оказалось въ бумагахъ ген. Беннигсена, но таковой имѣется во II, томѣ сочиненія г. Богдановича, стр. 408.

[3]) Беннигсенъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду рѣчку Чернишную, впадающую въ р. Нару.

перейти въ бродъ въ любомъ мѣстѣ, а оба крайніе фланга оста вались безъ опоръ. Въ продолженіи моей 52-хъ лѣтней службы я часто видѣлъ и часто имѣлъ случай убѣдиться опытомъ, до чего трудно съ точностію придерживаться правилъ, принятыхъ для выбора позиціи. Назначенный для исполненія этой важной обязанности офицеръ долженъ имѣть весьма большой навыкъ для распознанія различныхъ мѣстностей, пріобрѣтаемый только продолжительнымъ опытомъ.

Если встрѣчается мѣстность возвышенная, по пространству своему соотвѣтствующая числу войскъ, которое можно отдѣлить для ея занятія, или мѣстность, которая командуетъ надъ окружающимъ пространствомъ и ни въ одной части своей не подвергается выстрѣламъ съ высотъ на которыхъ непріятель можетъ возвести свои батареи; или мѣстность, на которой оба фланга позиціи можно хорошо обезпечить, напр., примкнувъ ихъ къ непроходимымъ болотамъ или большимъ рѣкамъ, не проходимымъ въ бродъ, занятые берега которыхъ господствуютъ надъ противоположными, или къ скаламъ, или крѣпостямъ, намъ принадлежащимъ и т. д.; равнымъ образомъ фронтъ позиціи можетъ быть пересѣченъ высотами, на которыхъ удобно построить укрѣпленія для артилеріи, но самый фронтъ долженъ быть открытый, чтобы войска не были стѣснены въ своихъ движеніяхъ, когда главнокомандующій пожелаетъ воспользоваться ошибками противника въ его атакахъ и кинется на него при содѣйствіи перекрестнаго огня со своихъ батарей, или сочтетъ нужнымъ продольнымъ ихъ огнемъ поражать непріятеля во время его упорныхъ атакъ. подобнымъ условіямъ должна удовлетворять выгодная для сраженія позиція. Повторю, если займутъ подобнаго рода позицію, то съ трудомъ подвергнутся въ ней нападенію непріятеля; онъ не отважится броситься на нее и попытается избѣгнуть неблагопріятнаго для него сраженія, которое обойдется ему очень дорого, если онъ будетъ настаивать упорно на томъ, чтобы оттѣснить противника съ подобной позиціи; непріятель постарается обойти ее, развѣ, что эта позиція будетъ въ родѣ той, какую занималъ ген. Веллингтонъ близъ Лиссабона, но подобные случаи столь рѣдки, или лучше единственны, что изъ нихъ нельзя дѣлать правила. Прибавлю еще нѣсколько разсужденій о позиціяхъ. Говорятъ обыкновенно что нѣтъ позиціи, которой нельзя было бы обойти. Но необходимо, чтобы она была таковою на разстояніи пушечнаго выстрѣла и не дозволяла бы непріятелю во время его обхода двинуться въ тылъ арміи и стать на наши сообщенія, въ особенности, если онъ располагаетъ болѣе значительными силами. По этимъ соображеніямъ мѣстность позади позиціи должна имѣть достаточное число удобныхъ выходовъ, чтобы, въ случаѣ внезапнаго отступленія, войска могли бы выйти безъ затрудненій. Если позади имѣются дефилеи, тѣснины,

надлежитъ, по возможности, расширить дороги; высоты позади дефилеевъ должны быть прежде всего заняты первыми отступающими войсками и артиллеріею, чтобы они могли прикрывать дальнѣйшее отступленіе слѣдующихъ частей. Ближайшія равнины должны быть, при первой къ тому возможности, заняты кавалеріею, чтобы она своими атаками могла сдерживать стремительность врага при выходѣ изъ дефиле и ранѣе полученія имъ подкрѣпленія. Словомъ, все должно быть заранѣе изслѣдовано и приготовлено для отступленія въ тылу позиціи, хотя бы и наиболѣе выгодной и сильной. Кто рѣшается обойти позицію своего противника,—ослабляетъ главную массу своихъ войскъ выдѣленіемъ изъ нихъ отряда, назначеннаго для исполненія этого обхода, развѣ что онъ обладаетъ слишкомъ большимъ количествомъ войскъ. Поэтому, если главнокомандующій, подвергающійся нападенію, будетъ нѣсколько смѣлъ и предпріимчивъ, онъ долженъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, перейти самъ въ наступленіе и напасть на слабѣйшій пунктъ непріятельской позиціи. Для исполненія этого необходимо, чтобы фронтъ его позиціи былъ открытъ, а не прикрытъ рѣчкою, препятствующей движеніямъ, которыя съ успѣхомъ могли бы исполнить войска.

Главнокомандующій не долженъ устремлять все свое вниманіе только на однѣ выгоды мѣстности, имъ самимъ занимаемой; онъ долженъ быть увѣренъ, что его позиція защищаетъ хорошо всѣ пункты, которые ему предстоитъ охранять; въ этомъ онъ долженъ убѣдиться внимательнымъ разсмотрѣніемъ на картѣ, безъ чего выборъ самой лучшей позиціи можетъ обратиться къ величайшей его невыгодѣ. Этому тоже не мало примѣровъ.

Возвратимся, однако, къ позиціи при Тарутинѣ, въ которой вы найдете условія діаметрально противоположныя требуемымъ мною отъ хорошей позиціи для принятія сраженія. Центръ позиціи былъ нѣсколько возвышенъ; возведенныя здѣсь укрѣпленія до того господствовали надъ всею мѣстностью впереди позиціи, что, ограничиваясь разсмотрѣніемъ только этой части позиціи, можно было считать ее превосходною. Но это преимущество значительно уменьшалось тѣмъ, что протекавшую передъ фронтомъ небольшую рѣчку Чернишную, именно въ этомъ только направленіи невозможно было перейти въ бродъ. Непріятель, правда, не могъ къ намъ подойти, если-бы и пожелалъ направить серьезную атаку въ этомъ мѣстѣ; но онъ могъ овладѣть всѣми деревнями, раскинутыми на противоположномъ берегу, занять ихъ пѣхотою, разсыпать стрѣлковъ своихъ по берегамъ рѣки, поросшимъ кустарникомъ и изрѣзаннымъ оврагами; все это препятствовало намъ уменьшить число войскъ въ нашемъ центрѣ, чтобы употребить ихъ въ другомъ мѣстѣ. Кромѣ того, оба нашихъ фланга висѣли въ воздухѣ и заканчива-

лись безъ всякой опоры или защиты. На нашемъ лѣвомъ флангѣ мы принуждены были построить нѣсколько укрѣпленій, чтобы усилить немного находящійся здѣсь гребень, но французы легко могли занять прилегающія высоты и своею тяжелою артиллеріею обстрѣливать продольно часть нашей линіи. Позади лѣса маленькая рѣчка Нара поворачиваетъ въ сторону, и непріятель могъ въ этомъ мѣстѣ перейти ее со значительными силами, причемъ мы не только не въ состояніи были помѣшать ему въ этомъ, но даже не были бы во время предупреждены объ этихъ его движеніяхъ. Переправившись черезъ рѣку съ значительными силами, непріятель могъ безпрепятственно двинуться тѣмъ же самымъ лѣсомъ на дороги, которыя привели бы его къ равнинѣ позади нашего лѣваго крыла, въ окрестности деревни Леташевки.

Непріятель не упустилъ бы въ то время производить демонстраціи на нашемъ правомъ флангѣ, который также не имѣлъ никакихъ опорныхъ пунктовъ; на немъ было сооружено также нѣсколько полевыхъ укрѣпленій, такъ что невозможно было перемѣстить куда либо войска здѣсь находящіяся. Можете себѣ вообразить наше положеніе, наше смущеніе и замѣшательство при появленіи французовъ за этимъ большимъ кустарникомъ, тянувшимся позади нашихъ войскъ по всей длинѣ нашей позиціи, единственной въ своемъ родѣ.

Открытая мѣстность, нами занимаемая, была до того невелика, что всѣ наши резервы и даже часть нашей второй линіи помѣщались среди кустарника, мѣстами до того густого, что, несмотря на постоянную вырубку во все время нашего пребыванія здѣсь, намъ не удалось эту мѣстность расчистить достаточно, чтобы препятствовать въ лагеряхъ пожарамъ, которыхъ не было возможности отвратить вполнѣ.

Обыкновенно принято за правило недостатки въ мѣстности, которую часто бываютъ принуждены выбрать для позиціи, исправлять самымъ расположеніемъ войскъ въ боевомъ порядкѣ, т. е., другими словами, различные роды оружія должны поддерживать и защищать одинъ другого, напримѣръ, когда крыло пѣхоты находится на равнинѣ безъ поддержки, то достаточная кавалерія должна находиться вблизи, чтобы поддерживать это крыло. Сильныя батареи тяжелой артиллеріи, поставленныя на возвышенностяхъ, если таковыя находятся по близости, должны также прикрывать и защищать кавалерію при ея атакѣ. Такими мѣрами предосторожности предохраняютъ всего болѣе войска на неудовлетворительныхъ позиціяхъ, на которыхъ часто бываютъ принуждены принимать сраженіе, потому что не встрѣчается другихъ удовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ хорошей позиціи. Въ позиціи при Тарутинѣ не имѣлось даже той выгоды, чтобы войска различнаго рода ору-

жія могли поддерживать другъ друга. Кавалерія, часть которой была также размѣщена по кустарнику, находилась внѣ всякой возможности дѣйствовать. На лѣвомъ крылѣ она становилась безполезною, если непріятель направилъ бы свое движеніе по лѣсу. На правомъ крылѣ присутствіе кавалеріи становилось также излишнимъ; мѣстность, изрѣзанная оврагами, не дозволяла пустить кавалерію въ дѣло и, къ тому же, не было возможности поддерживать ее издали. Къ счастью, французы ничего не предпринимали противъ насъ, стоявшихъ на подобной позиціи.

Корпусъ короля Неаполитанскаго былъ слишкомъ для этого слабъ и слишкомъ незначителенъ; онъ принужденъ былъ ограничиться только наблюденіемъ за нами. Онъ удовольствовался тѣмъ, что въ одинъ день оттѣснилъ нашъ авангардъ и посты съ высоты, которую занялъ своими; благодаря этому, онъ пріобрѣлъ возможность наблюдать за всѣмъ происходившимъ въ нашемъ лагерѣ. Выборъ позиціи при Тарутинѣ былъ тѣмъ болѣе изумителенъ, что верстъ на пять впереди Тарутина находилась очень выгодная мѣстность; надлежало только упереть лѣвое крыло позиціи въ рѣку, противъ усадьбы дворянина Коссиковскаго, гдѣ рѣка, разлившись, образуетъ родъ довольно широкаго пруда, позади котораго находится мостъ черезъ рѣчку. Поставивъ, кромѣ того, корпусъ войскъ на высоту, гдѣ стояла другая усадьба, мы бы вполнѣ обезпечили и укрѣпили это крыло. Нашу первую линію войскъ можно было бы протянуть по довольно возвышенной мѣстности, до самаго лѣса, занимавшаго небольшое пространство и сильно занять этотъ лѣсъ легкою пѣхотою. Король Неополитанскій очень бы поостерегся подходить слишкомъ близко къ этой позиціи, а еще менѣе сдѣлать нападеніе на нашу цѣпь аванпостовъ, съ цѣлію оттѣснить ихъ и выставить свои, которые онъ могъ поддержать всѣми своими силами, если-бы зналъ, что эта маленькая рѣчка не лишаетъ насъ этого преимущества. Оставлю этотъ предметъ и безъ того уже слишкомъ меня увлекшій, но Вы согласитесь, генералъ, что трудно вспоминать безъ сожалѣнія объ ошибкахъ, сдѣланныхъ не по заблужденію, но по незнанію.

Въ Тарутинскомъ лагерѣ мы получили весьма значительныя подкрѣпленія; къ намъ ежедневно подходили: войска всякаго рода оружія, вновь сформированныя, рекруты для пополненія полковъ, ремонтныя лошади для кавалеріи и артиллеріи, также полки, баталіоны, эскадроны, вновь сформированные изъ ополченія, выставленнаго народомъ и отдѣльными лицами на ихъ счетъ. Съ каждыхъ ста душъ, записанныхъ въ ревизію, взимались 15—20 человѣкъ, способныхъ носить оружіе противъ враговъ отечества, такъ что къ половинѣ сентября мѣсяца составъ нашей первой арміи достигъ 130 тысячъ человѣкъ; въ отношеніи людей и лошадей она находилась въ наилучшемъ положеніи.

Въ числѣ подошедшихъ къ намъ подкрѣпленій находились также 26 казачьихъ полковъ съ Дона, прибытіе которыхъ было началомъ истребленія французской армій, потому что эти 26 полковъ вмѣстѣ съ 14, ранѣе уже находившимися при арміи, составили массу кавалеріи, способную совсѣмъ окружить французскую армію. Съ самаго прибытія казаковъ въ армію, они ежедневно забирали отъ ста до тысячи человѣкъ французовъ въ окрестностяхъ ихъ лагеря. Они препятствовали подвозу всякаго рода продовольствія и другихъ предметовъ къ французамъ; ни одинъ возъ не могъ проникнуть къ нимъ, ни одинъ французскій отрядъ не могъ отправиться на фуражировку или сборъ продовольствія по деревнямъ, такъ что недостатокъ въ средствахъ къ существованію, отъ котораго давно страдала французская армія, сдѣлался истиннымъ для нея бѣдствіемъ. Французскимъ войскамъ раздавали мясо павшихъ лошадей; собаки, кошки и прочія животныя, которыхъ только можно было изловить, были съѣдены. Наши же войска имѣли въ изобиліи всякаго рода жизненные припасы, которые доставлялись въ армію изъ самыхъ отдаленныхъ губерній. Присоедините къ этому, что всѣ крестьяне по деревнямъ вооружались, сбирались отдѣльными толпами и избивали всѣхъ французовъ, подходившихъ къ ихъ деревнямъ; такой же участи подвергались и небольшіе отряды въ 20—50 человѣкъ, которые приходили въ деревню, чтобы искать продовольствія.

При столь выгодныхъ для насъ условіяхъ было необходимо не терять удобнаго времени, чтобы съ превосходными силами, преисполненными отваги, и желаніемъ истребить врага обрушиться окончательно на непріятеля, уже ослабленнаго, истощеннаго и упавшаго духомъ отъ огромныхъ потерь, имъ понесенныхъ. Французы лишились уже всѣхъ лошадей въ кавалеріи и артиллеріи; ихъ госпитали были переполнены больными, сотнями ежедневно умиравшими; остальные солдаты, находившіеся въ живыхъ, имѣли видъ скорѣе привидѣній, а не воиновъ. При подобныхъ нашихъ преимуществахъ очевидно, ни одинъ человѣкъ изъ всей непріятельской арміи, во главѣ которой стоялъ лично Императоръ Наполеонъ, не долженъ былъ возвратиться во Францію; всѣмъ имъ предстояло заплатить своею жизнью или плѣномъ за преступную смѣлость, съ которою они вели среди русскихъ областей войну и напали на народъ мирный, но храбрый, который, какъ можно было предвидѣть, не допуститъ своихъ враговъ возвратиться безнаказанно на родину.

Я высказалъ, что ни одинъ человѣкъ изъ арміи Наполеона не долженъ былъ увидѣть своего отечества, если-бы въ точности слѣдовали плану военныхъ дѣйствій, присланному Императоромъ Александромъ I изъ Петербурга и выполнили бы его. Адъютантъ

Его Величества Чернышевъ привезъ намъ этотъ планъ, когда мы стояли еще у Красной Пахры, съ 8 (20) по 14 (26) сентября. При такомъ положеніи дѣлъ, повторяю, не должно было терять ни минуты: настало время перейти намъ въ наступленіе, тѣмъ болѣе, что французы съ нѣкоторыхъ уже поръ стали вывозить изъ Москвы экипажи, вещи, награбленныя ими въ Москвѣ, часть своей артиллеріи, канцелярію Наполеона, запасы военныхъ топографическихъ картъ и различныя другія вещи, попавшія, однако, къ намъ въ руки на дорогѣ въ Смоленскъ. Поэтому я рѣшился обратиться къ главнокомандующему, князю Кутузову съ слѣдующимъ письмомъ, представляя ему данныя о необходимости не оставаться долѣе въ бездѣйствіи и дозволить мнѣ атаковать корпусъ Неаполитанскаго короля, стоявшаго противъ насъ, ближе всѣхъ другихъ французскихъ отрядовъ. Вотъ мое письмо.

„Господинъ фельдмаршалъ! По всѣмъ полученнымъ нами свѣдѣніямъ и донесеніямъ, ожидаемыя, повидимому, непріятелемъ подкрѣпленія, подъ начальствомъ маршала Виктора, дѣйствительно уже приближаются и находятся невдалекѣ отъ насъ. Мнѣ кажется, что интересы нашего Государя и нашего государства требуютъ, чтобы мы, не теряя времени, всѣми нашими сосредоточенными силами, подъ предводительствомъ Вашей Свѣтлости, атаковали непріятеля, стоящаго противъ насъ, подъ начальствомъ вице короля Неополитанскаго, ранѣе, нежели упомянутыя подкрѣпленія [1]) подойдутъ къ французской арміи. Эту мѣру, по моему мнѣнію, надлежитъ принять безусловно, безотлагательно, не теряя времени, потому что, по всѣмъ имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, Наполеонъ лично, со всѣмъ гвардейскимъ корпусомъ, находится еще въ Москвѣ, король Неаполитанскій имѣетъ у себя мало артиллеріи, и вся его кавалерія не превышаетъ 8000 человѣкъ. Ваша Свѣтлость лучше меня, конечно можете оцѣнить важность предложенія, которое принимаю смѣлость Вамъ сдѣлать, и, если Вы изволите его одобрить, соблаговолите дать мнѣ надлежащее приказаніе, чтобы я могъ имѣть честь представить на Ваше одобреніе диспозиціи этой атаки, которую намъ тѣмъ легче исполнить, что передъ нами разстилается равнина съ изрѣдка встрѣчающимися рощами. Считаю необходимымъ добавить еще, что непріятель уже нѣсколько дней тому назадъ оттѣснилъ линію нашихъ аванпостовъ и поставилъ свои на высотѣ, съ которой каждый его часовой можетъ видѣть все происходящее въ нашемъ лагерѣ. Имѣю честь быть, и т. д.“

Это письмо имѣло желаемое всею арміею послѣдствіе. Главнокомандующій согласился, чтобы я произвелъ нападеніе на Неапо-

[1]) Эти подкрѣпленія дѣйствительно уже дошли до Смоленска, гдѣ получили приказаніе Наполеона немедленно возвратиться назадъ и дѣйствовать противъ корпуса гр. Витгенштейна.

Примѣч. Беннигсена.

литанскаго короля. Можно было предвидѣть, что день этого нападенія будетъ также днемъ начала нашихъ наступательныхъ дѣйствій противъ французовъ, а слѣдовательно, днемъ начала истребленія французской арміи. Это нападеніе слишкомъ интересно, и послѣдствія его были настолько важны, что я считаю не лишнимъ дать Вамъ болѣе подробное описаніе этого дѣла. Оно можетъ служить примѣромъ и правиломъ, насколько опасно невниманіе въ разстановкѣ аванпостовъ и что очень рѣдко возможно избѣгнуть послѣдствій онаго безъ строгаго наказанія, когда имѣешь дѣло съ зоркимъ и бдительнымъ врагомъ. Благодаря этой оплошности французовъ и отсутствія у нихъ патрулей, я имѣлъ возможность застичь ихъ на разсвѣтѣ въ лагерѣ, что значительно увеличило, конечно, ихъ потери и сдѣлало наши незначительными, въ сравненіи съ тѣмъ, мы что могли бы потерять, если бы застали враговъ готовыми насъ встрѣтить съ оружіемъ въ рукахъ.

Непріятельскій корпусъ, подъ начальствомъ короля Неаполитанскаго, занималъ позицію, на лѣвомъ флангѣ которой находился лѣсъ. Въ одной изъ рекогносцировокъ, сдѣланныхъ генералъ-маіоромъ графомъ Орловымъ-Денисовымъ, ему удалось, не встрѣтивъ ни одного пикета, ни патруля, проникнуть въ этотъ лѣсъ по дорогѣ, которая, наконецъ, привела его въ тылъ лѣваго фланга непріятельскаго лагеря. Онъ незамѣченный возвратился обратно въ нашъ лагерь и представилъ мнѣ донесеніе о своей развѣдкѣ. Два дня спустя я самъ произвелъ также рекогносцировку, вмѣстѣ съ ген.-маіоромъ Орловымъ-Денисовымъ, полковникомъ Толлемъ, исполнявшимъ, какъ уже было сказано, обязанности генералъ-квартирмейстера, и еще съ нѣсколькими другими офицерами Главной квартиры и условился относительно диспозиціи для нападенія на французовъ, изложенной потомъ въ моей реляціи. Это нападеніе было первоначально назначено на 5 (17) Октября, и никто въ нашемъ лагерѣ ничего не зналъ объ этомъ до той минуты, когда 4 (16) октября, около семи часовъ вечера, я прибылъ на нашу позицію, чтобы выстроить назначенныя для этого войска. Но послѣ 8 часовъ, въ то время, когда я собирался уже выступать съ войсками, я получилъ записку отъ князя Кутузова, которой онъ увѣдомлялъ меня, чтобы я пріостановилъ исполненіе моего плана; это было тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что съ этой минуты намѣренія наши не могли болѣе оставаться въ тайнѣ. Доводы, представленные мною фельдмаршалу на другой день, наконецъ, побудили его согласиться со мною и произвести нападеніе на французовъ.

По составленному мною предположенію [1]) я выступилъ съ нашей позиціи 5 (17) октября, около 9 часовъ вечера, имѣя съ собою 2-й, 3-й и 4-й армейскіе корпуса, десять казачьихъ полковъ, подъ

[1]) См. у Богдановича. т. II, стр. 476 и слѣд.

начальствомъ генерала Орлова-Денисова, 20-й егерскій полкъ и четыре полка изъ перваго кавалерійскаго корпуса, подъ начальствомъ генералъ-маіора барона Меллера-Закомельскаго. Мы наступали тремя колоннами. Первая состояла изъ казаковъ, подъ начальствомъ Орлова-Денисова, и 20-го егерскаго полка съ шестью орудіями конной артиллеріи, которую долженъ былъ поддерживать баронъ Меллеръ-Закомельскій съ четырьмя полками кавалеріи. Эта колонна, направленная вправо, была назначена для обхода лѣваго крыла французовъ и должна была совершить нападеніе на тылъ ихъ позиціи. Вторая колонна состояла изъ пѣхоты второго армейскаго корпуса, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Багговута, послѣ которой наступалъ 3-й армейскій корпусъ, подъ начальствомъ ген.-маіора Строгонова. Затѣмъ, слѣдовала вся артиллерія пѣхотныхъ полковъ, двѣ батареи тяжелой артиллеріи и двѣ роты конной артиллеріи. Эта колонна, при которой находился и я, имѣла въ авангардѣ бригаду егерей, подъ командою полковника Пиллара и еще четыре легкихъ орудія. Третья колонна, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Остермана-Толстого, состояла изъ 4-го армейскаго корпуса, при которомъ была батарея тяжелой артиллеріи. Наступленіе было разсчитано такимъ образомъ, чтобы съ разсвѣтомъ я съ 2 и 3 армейскими корпусами находился у опушки лѣса, отъ котораго непріятельскіе дозоры находились въ небольшомъ разстояніи. Я немедленно приказалъ полковнику Пиллару, съ его егерскою бригадою, выступить изъ лѣса, чтобы прикрыть въ равнинѣ четыре орудія, находившіяся при пѣхотной колоннѣ. Я далъ одновременно приказаніе офицеру, командовавшему этою батареею, открыть огонь при выходѣ изъ лѣса. Огонь этихъ орудій долженъ былъ въ то же время послужить сигналами: графу Орлову Денисову,—чтобы обходить лѣвое крыло непріятеля и графу Остерману-Толстому,—чтобы выступать изъ лѣса съ четвертымъ армейскимъ корпусомъ, присоединиться къ корпусу Дохтурова и, совмѣстно съ нимъ, поддерживать начинаемую мною атаку.

Нѣсколько офицеровъ моей свиты, увлеченные воинскимъ пыломъ, выйдя изъ опушки лѣса, были сейчасъ же замѣчены непріятельскими дозорами, которые немедленно извѣстили лагерь о нашемъ наступленіи тремя выстрѣлами изъ пушки, послѣдовавшими ранѣе, чѣмъ моя небольшая батарея вышла изъ лѣса. Эти выстрѣлы послужили намъ же на пользу; наши колонны сочли ихъ за сигналъ, данный по диспозиціи съ моей стороны и немедленно выступили. Затѣмъ, я замѣтилъ, что и французы выстроились въ боевой порядокъ на выгодной для нихъ позиціи, занявъ высоты впереди деревни Юшково, подъ начальствомъ короля Неаполитанскаго, и приготовились насъ встрѣтить. Я немедленно приказалъ поставить на одну

высоту тяжелую батарею, позади которой расположилъ въ боевомъ порядкѣ второй армейскій корпусъ, чтобы начать первую атаку. Лишь только этотъ корпусъ построился, начался артиллерійскій огонь съ обѣихъ сторонъ и, по несчастію, однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ былъ убитъ храбрый генералъ-лейтенантъ Багговутъ. Командованіе его корпусомъ перешло къ старшему послѣ него генералъ-лейтенанту Олсуфьеву. Тѣмъ временемъ, графъ Строгановъ выступилъ со своимъ третьимъ корпусомъ, и я приказалъ ему занять еще другую высоту, немного лѣвѣе, и поставить на ней также тяжелую батарею, подъ командою полковника Таубе. Обѣ означенныя батареи открыли огонь съ большимъ успѣхомъ и громили французовъ. Эта первая атака продолжалась уже около получаса, какъ вдругъ я замѣтилъ большое движеніе среди французовъ, вызванное, повидимому, стремленіемъ удержать войска на занимаемыхъ позиціяхъ,—замѣтно было повсемѣстно смущеніе. Появленіе графа Орлова-Денисова съ казачьими полками въ тылу лѣваго фланга французовъ, очевидно, распространило ужасъ среди нихъ. Вслѣдъ затѣмъ я очень ясно услыхалъ пушечные и оружейные, выстрѣлы раздававшіеся въ тылу французовъ; это стрѣляли войска, подъ начальствомъ гр. Орлова-Денисова. Я приказалъ моимъ войскамъ вести атаку съ наибольшею настойчивостію и живостью. Скоро французы были выбиты изъ всѣхъ занимаемыхъ ими передовыхъ позицій; я же съ колонною приближался все болѣе и болѣе къ ихъ лѣвому флангу, чтобы войти въ сообщеніе съ графомъ Орловымъ-Денисовымъ. Въ тоже время я приказалъ графу Остерману-Толстому придвинуться съ его четвертымъ корпусомъ и занять тяжелою батареею третью высоту. Мы стали поражать французовъ перекрестнымъ огнемъ, что, вмѣстѣ съ неоднократными атаками гр., Орлова-Денисова, доставило возможность вытѣснить непріятеля изъ всѣхъ занимаемыхъ имъ позицій. Французы отступили съ поспѣшностію и въ безпорядкѣ, оставивъ въ нашихъ рукахъ почетное знамя 1-го кирасирскаго полка, 24 орудія и болѣе 50 зарядныхъ ящиковъ.

Кромѣ того, множество экипажей короля Неополитанскаго и его офицеровъ, разнаго рода имущество, находившееся въ лагерѣ, осталось въ нашихъ рукахъ. Число французовъ, взятыхъ въ плѣнъ въ продолженіи сраженія, а также во время преслѣдованія ихъ на 15 верстъ, доходило до 3.500 человѣкъ, въ томъ числѣ, одинъ генералъ и тридцать офицеровъ разныхъ чиновъ. До 3.000 убитыхъ покрывали поле сраженія, въ числѣ которыхъ были также многіе генералы и, между прочимъ, генералъ Фишеръ, начальникъ штаба польской арміи и Сирэ—главный начальникъ гвардіи короля Неаполитанскаго, который пожелалъ получить сердце убитаго Сирэ; это желаніе было удовлетворено. Собранные на полѣ сраженія

ордена и знаки отличія свидѣтельствовали, что среди убитыхъ было много офицеровъ высшихъ чиновъ.

Въ донесеніи, представленномъ мною о сраженіи Его Величеству, я счелъ долгомъ упомянуть о графѣ Орловѣ-Денисовѣ, который дѣйствуя блестящимъ образомъ въ этомъ сраженіи, проявилъ большую храбрость. Онъ былъ первый, возъимѣвшій мысль о возможности обхода лѣваго крыла французовъ, послѣ сдѣланныхъ имъ рекогносцировокъ. Я не могъ обойти молчаніемъ заслуги, оказанныя Его Высочествомъ принцемъ Августомъ Виртембергскимъ; онъ выразилъ готовность доставить мои приказанія въ самыя жаркія мѣста сраженія, а также подвигалъ и разставлялъ самъ батарею, оказавшую намъ величайшую услугу. Наконецъ, я отдалъ справедливость храбрости всѣхъ войскъ, дѣйствовавшихъ подъ моимъ начальствомъ и той ихъ смѣлости, съ которой исполнялись ими различныя атаки, доставившія войскамъ новую славу и почести. Съ трудомъ повѣрятъ, что вся наша потеря немного превышала 300 человѣкъ,—это естественное послѣдствіе нападенія неожиданнаго и исполненнаго со стремительностью; оно явилось одною изъ неожиданностей, которая никогда лучше не удавалось. Мнѣ необходимо здѣсь еще упомянуть о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, которыя лучше объяснятъ вамъ причины, воспрепятствовавшія намъ воспользоваться этою побѣдою, результатомъ которой должно было быть полное пораженіе непріятельскаго корпуса. По диспозиціи корпусъ генерала Дохтурова долженъ былъ присоединиться къ корпусу графа Остермана-Толстого, чтобы составить мое лѣвое крыло и атаковать совмѣстно французовъ. Передъ самымъ началомъ сраженія князь Кутузовъ прислалъ приказаніе Дохтурову не двигаться съ мѣста, вовсе не предупредивъ меня объ этомъ. Генералъ Милорадовичъ, съ которымъ я наканунѣ на словахъ уговорился, какимъ образомъ ему, съ ввѣреннымъ ему авангардомъ арміи, надлежитъ поддерживать мои атаки, былъ также въ моментъ моихъ атакъ потребованъ лично къ князю Кутузову, за десять верстъ назадъ, гдѣ и пробылъ все время, пока сраженіе не рѣшилось. Едва я успѣлъ преслѣдовать французовъ на протяженіи 12 верстъ [1]), какъ князь Кутузовъ прислалъ ко мнѣ полковниковъ Толля и Кайсарова съ предложеніемъ приказать войскамъ, мнѣ ввѣреннымъ, возвратиться на позиціи, съ которыхъ они выступили передъ боемъ, т. е. верстъ 20 назадъ, если не болѣе. Сдѣланное мною предложеніе, чтобы онъ самъ подвинулся со всею арміею, не было имъ одобрено. Не подлежитъ сомнѣнію, что при такомъ движеніи, ни одинъ человѣкъ изъ корпуса Неаполитанскаго короля не ускользнулъ бы отъ насъ. Среди самаго сраженія я былъ контуженъ ядромъ въ

[1]) По словамъ г. Богдановича, казаки преслѣдовали французовъ до деревни Спасъ-Купля. (томъ II стр. 483).

колѣно и потому поѣхалъ теперь въ главную квартиру, поручивъ генераламъ отвести вечеромъ назадъ войска, столь храбро сражавшіяся съ непріятелемъ. Послѣдствія этого сраженія оказались тѣмъ не менѣе очень значительны, какъ это вы усмотрите изъ моего дальнѣйшаго изложенія.

Сообщу Вамъ здѣсь небольшое извлеченіе изъ рапорта генерала Винценгероде,изъ котораго вы усмотрите расположеніе ввѣреннаго ему отряда, а также французскихъ корпусовъ по другую сторону Москвы...

Французы, съ отрядомъ въ 6—7 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Пюзоль, начали 25-го сентября (6 окт.) приближаться по дорогѣ къ Дмитровску, гдѣ этотъ отрядъ занялъ позицію и выслалъ свои аванпосты верстъ на 6 или 7 впередъ, по дорогѣ изъ Дмитровска въ Клинъ. Они, равнымъ образомъ, подвигаются по дорогѣ въ Петербургъ и дошли до десятой версты, гдѣ оттѣснили мой авангардъ.

29 сент. (10 окт.) непріятель снова наступалъ по той же дорогѣ, но предвинулся на нѣсколько только верстъ; мои аванпосты удержались на половинной дорогѣ изъ Москвы въ Черную Грязь, въ верстахъ 39—40 отъ Москвы. Расположеніе моихъ войскъ въ настоящее время слѣдующее: Главный мой отрядъ, въ 1100 человѣкъ, стоитъ лагеремъ близь гор. Клина, гдѣ сходятся различныя дороги, по которымъ французы двигаются впереди меня. Одинъ изъ моихъ полковъ стоитъ по дорогѣ въ Ярославль, другой, состоящій изъ калмыковъ—по дорогѣ изъ Клина въ Дмитровскъ, казачій полкъ—между дорогами, идущими изъ Москвы въ Клинъ и въ Дмитровскъ. Два казачьихъ полка, составляющіе мой авангардъ, главной частію находятся въ Пѣшкахъ, въ 30 верстахъ отъ Клина, на дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ. Подполковникъ Брендель, съ отрядомъ въ 150 ч. въ Волоколамскѣ и его окрестностяхъ, подполковникъ Чернозубовъ съ своимъ казачьимъ полкомъ на сообщеніяхъ непріятеля между Можайскомъ и Гжатскомъ. Мнѣ нѣтъ необходимости сообщать Вашему Превосходительству, что важность прикрытія дороги въ Петербургъ много стѣсняютъ мои движенія. Что же касается движеній французскихъ отрядовъ, то могу вамъ сообщить, какъ достовѣрныя, слѣдующія: Четвертый корпусъ, состоящій изъ двухъ дивизій пѣхоты французской, двухъ дивизій итальянской, четырехъ драгунскихъ французскихъ полковъ, четырехъ легкихъ полковъ баварцевъ, двухъ конно-егерскихъ полковъ итальянскихъ, подъ общимъ начальствомъ вице-короля Итальянскаго, стоитъ прямо впереди моего отряда. Въ самой Москвѣ находится гвардейская пѣхота, дивизія пѣхоты изъ 1-го армейскаго корпуса, части конной гвардіи Наполеона и два полка польской кавалеріи. Маршалъ Мортье назначенъ губернаторомъ Москвы.

Вокругъ этого города, по дорогамъ въ Ярославль и въ Владиміръ стоитъ дивизія изъ семи кавалерійскихъ полковъ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса. Восьмой корпусъ, подъ начальствомъ герцога д'Абрантеса (маршалъ Жюно), стоитъ лагеремъ на большой дорогѣ изъ Москвы въ Можайскъ; этотъ послѣдній городъ тщательно охраняется французами; тутъ же устроенъ ими госпиталь. Въ г. Рузѣ имѣется также госпиталь, депо различныхъ кавалерійскихъ полковъ, значительный отрядъ пѣхоты и кавалерія...

Вы усмотрите изъ означенныхъ строкъ, что генералъ Винценгероде, имѣя важную для себя задачу, при небольшомъ отрядѣ, сумѣлъ численность его пополнить своею дѣятельностію и искусною распорядительностію.—

Сообщимъ при этомъ отъ себя, что за сраженіе при Тарутинѣ князь Кутузовъ удостоился Всемилостивѣйше получить при рескриптѣ золотую шпагу съ алмазами и лавровымъ вѣнкомъ, а Беннигсенъ—алмазные знаки къ ордену Св. Андрея Первозваннаго и единовременно сто тысячъ рублей. (см. Богдановичъ т. II стр. 429). По словамъ Богдановича, *послѣ* Тарутинскаго сраженія Беннигсенъ сдѣлался непримиримымъ врагомъ Кутузова и написалъ Императору Александру I письмо, въ которомъ не только указывалъ на бездѣйствіе Кутузова, но выставлялъ его сибаритомъ, утопавшимъ въ нѣгѣ и наслажденіи. Государь не обратилъ никакого вниманія на этотъ *доносъ* и послалъ письмо къ Кутузову, слѣдствіемъ чего было удаленіе Беннигсена изъ арміи (т. II стр. 484 и 389). Въ подтвержденіе своихъ словъ Богдановичъ ссылается только на изданный томъ воспоминаній Толля г. Бернгарди, когда всего лучше было-бы привести самое упоминаемое письмо Беннигсена или рескриптъ Императора къ Кутузову, при которомъ упомянутое письмо было Государемъ препровождено къ Кутузову. Этого однако Богдановичъ не дѣлаетъ, а потому мы не допускаемъ мысли, чтобы Императоръ Александръ *послалъ* бы Кутузову полученное имъ письмо Беннигсена (которое Богдановичъ называетъ неизвѣстно почему *доносомъ*), зная ихъ взаимныя отношенія, далеко не дружественныя и до сраженія при Тарутинѣ. Пересылать подобныя письма не дозволяетъ этика.—Беннигсенъ, хотя по должности своей начальника штаба всѣхъ русскихъ армій и являлся помощникомъ фельдмаршала, но не пользовался совершенною его довѣренностью, говоритъ Богдановичъ (II стр. 354). Кутузовъ, чтобы не допускать близкаго участія Беннигсена въ дѣлахъ, къ которому отношенія его были очень непріязненныя, пишетъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ (стр. 106), нашелъ нужнымъ *послѣ Бородинскаго* сраженія имѣть при себѣ особаго дежурнаго генерала, каковымъ былъ назначенъ Коновницынъ. Сему послѣднему и Толлю надобно было имѣть полное вліяніе на кн. Кутузова, и они вмѣстѣ успѣли поселить между нимъ и Беннигсеномъ вражду (стр. 106). Эта вражда еще *до Тарутинскаго сраженія* дошла до свѣдѣнія Императора, какъ это надо заключить изъ слѣдующихъ словъ рескрипта Императора изъ Петербурга, помѣченнаго 9 октября (полученнаго Кутузовымъ, конечно, *послѣ* сраженія при Тарутинѣ) „что доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы имѣете справедливый поводъ быть недовольнымъ поведеніемъ генерала Беннигсена. Если эти слухи основательны, то объявите ему чтобъ онъ отъѣхалъ отъ арміи и ожидалъ во *Владимірѣ* отъ Меня новаго назначенія.“ Кутузовъ объявилъ это Беннигсену, но не сейчасъ послѣ сраженія при Тарутинѣ, а послѣ *переправы Наполеона черезъ Березину*, 16 ноября, и Беннигсенъ все это время находился при арміи Кутузова, въ передовомъ отрядѣ, хотя очевидно образъ дѣйствія Кутузова въ Тарутинскомъ сраженіи улучшить отношенія его къ Беннигсену никакъ не могъ. По словамъ Богдановича, Кутузовъ, изъявивъ свое согласіе на нападеніе на Неаполитанскаго короля, поручилъ Беннигсену начальство надъ войсками, назначенными *для обхода* непріятельской позиціи; главныя же наши силы, подъ

личнымъ начальствомъ фельдмаршала, *должны были повести* фронтальную аттаку; диспозицію для нея составилъ Толль (т. II стр. 471). Затѣмъ, начавъ свое наступленіе, когда его войска подошли къ р. Чернишнѣ, Кутузовъ отдалъ приказаніе *остановиться*., (тамъ-же стр. 481), предоставивъ Беннигсену собственными силами продолжать и оканчивать начатое сраженіе. Едва-ли можно признать подобный образъ дѣйствія Кутузова совершенно корректнымъ; вполнѣ понятно, что онъ вызвалъ тѣ объясненія Беннигсена съ Кутузовымъ, о которыхъ Беннигсенъ подробно писалъ Государю изъ Леташевки, послѣ сраженія при Тарутинѣ, однако это письмо никакъ нельзя назвать *доносомъ*.

П. Майковъ.

ПИСЬМО IX.

Ланники, 9 (21) ноября 1812 г.

Сраженіе при Маломъ Ярославцѣ. Наше отступленіе и его послѣдствія. Бѣдственное положеніе Наполеона. Отступленіе обѣихъ сторонъ. Направленіе нашего движенія. Кутузовъ. Сраженія при Быковѣ, Вязьмѣ.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я сообщалъ Вамъ, генералъ, о моемъ возвращеніи въ Тарутино съ войсками, доблестно разсѣявшими корпусъ Неаполитанскаго короля. Но это удачное дѣло не подвинуло насъ ни на одинъ вершокъ, такъ какъ не пожелали воспользоваться выгодами этого замѣчательнаго дня. Наполеонъ самъ, не довѣривъ представленному ему донесенію, что всѣ наши войска возвратились обратно въ Тарутино, послалъ къ князю Кутузову парламентеромъ маршала Бертье, съ письмомъ неопредѣленнаго содержанія, чтобы убѣдиться въ правильности этого донесенія. Я могу еще разъ сказать, что день 6-го октября былъ великій день, ибо онъ до того встревожилъ самого Наполеона, что, рѣшившись уже оставить Москву, онъ, однако, внезапно, въ ту же ночь, съ 6 (18) на 7 (19) октября, покинулъ этотъ городъ, по полученіи въ одиннадцать часовъ вечера рапорта Неаполитанскаго короля о нанесенномъ ему днемъ пораженіи. На другой день, съ разсвѣтомъ, французскія войска съ великою поспѣшностію и въ большомъ безпорядкѣ стали очищать Москву, древнюю столицу Россіи, чтобы соединиться съ остатками корпуса Неаполитанскаго короля, и затѣмъ вмѣстѣ, соединенными силами, двинуться на Мало-Ярославецъ. Это самое движеніе Наполеона не имѣло иной цѣли, какъ ввести насъ въ заблужденіе и выиграть для себя необходимое время, чтобы главныя силы своей арміи позади себя перевести на Смоленскую дорогу. Получивъ извѣстіе о появленіи французовъ съ этой стороны и не имѣя никакихъ свѣдѣній, что Наполеонъ лично тутъ находится, главнокомандующій приказалъ генералу отъ инфантеріи Дохтурову двинуться имъ на встрѣчу однимъ армейскимъ корпусомъ, который могъ подвергнуться пораженію, еслибы только французы могли предположить, что имѣютъ предъ собою столь небольшой отрядъ. Генералъ Дохтуровъ не замедлилъ извѣстить

фельдмаршала о своемъ положеніи, и князь Кутузовъ былъ принужденъ двинуться къ нему со всею остальною арміею.

12 (24) октября Наполеонъ подошелъ къ Малому Ярославцу, который расположенъ на маленькой рѣчкѣ Лупѣ, впадающей въ Протву, имѣя съ собою отъ 50 до 60 тысячъ солдатъ, въ томъ числѣ не болѣе 5000 кавалеріи, при сорока орудіяхъ. По единогласному свидѣтельству всѣхъ плѣнныхъ, остальная артиллерія была уже выслана ранѣе, чтобы идти по Смоленской дорогѣ, или оставлена въ Москвѣ, за недостаткомъ лошадей. Вскорѣ послѣ Наполеона подошли къ Мало-Ярославцу на противоположномъ берегу Лупы также и мы, со всѣми нашими силами, т. е. около ста тысячъ пѣхоты, тридцать тысячъкавалеріи,—всего 130 тысячъ и до 600 орудій, и заняли выгодную позицію впереди французовъ. Генералъ Дохтуровъ въ это время уже дрался съ превосходными силами непріятеля, противъ которыхъ онъ не въ состояніи былъ долго держаться, еслибы мы не подоспѣли во время.

Направившись впередъ, чтобы ознакомиться съ истиннымъ положеніемъ дѣла, я нашелъ, что необходимо скорѣе усилить войска наши, занявшія небольшой городокъ, на который очень сильно наступали французы. Я немедленно отправилъ къ князю Кутузову одного изъ моихъ адъютантовъ, съ донесеніемъ объ этомъ и съ просьбою прислать двѣ дивизіи. Князь сдѣлалъ необходимое распоряженіе, и войска эти не замедлили явиться. Французы продолжали атаки на городъ; на эту бойню были преимущественно назначены итальянскія войска, потерявшія при этомъ большую часть своего состава. Въ продолженіи дня городъ одиннадцать разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Мы имѣли то значительное преимущество, что на занимаемомъ нами пространствѣ большая часть нашей артиллеріи могла дѣйствовать, открывъ огонь. Французы не имѣли этого преимущества, и въ дѣйствительности у нихъ стрѣляли не болѣе 12 орудій и то по временамъ посылая гранаты.

Къ вечеру этотъ огонь прекратился, и я сдѣлалъ распоряженія, чтобы въ теченіи ночи воздвигли на возвышенности, впереди города, двѣ батареи, одну въ 60, а другую въ 40 орудій, которыя, господствуя надъ мѣстностію, подвергали бы перекрестному огню наступающія войска, если бы Напалеонъ вознамѣрился на слѣдующій день продолжать свои атаки на это мѣсто. Кромѣ того, генералу Платову было поручено, со всѣми находящимися у него казаками, переправиться черезъ рѣчку Лупу и дѣйствовать на правомъ флангѣ фрунцузовъ.

Платовъ это исполнилъ во время. Представьте себѣ критическое положеніе, въ которомъ находился въ это время Наполеонъ, имѣя при себѣ армію, павшую духомъ, ослабленную, терпѣвшую во всемъ недостатокъ, не имѣвшую, ни кавалеріи, ни лошадей артил-

лерійскихъ и упряжныхъ, а главное, лишенную средствъ существованія. Возможно ли было, чтобы хотя одинъ человѣкъ ускользнулъ отъ насъ, если бы мы находились всегда передъ ними, не покидая ихъ. Французская армія находилась въ нашихъ рукахъ. Возможно ли было Наполеону предпринять или совершить такое продолжительное отступленіе, находясь непрерывно на нашихъ глазахъ, при постоянномъ преслѣдованіи нашей кавалеріи въ числѣ до 30 т. человѣкъ, которую мы могли поддерживать всегда остальными силами нашими?. Его движеніе замедлялось изнуреннымъ состояніемъ лошадей и худымъ положеніемъ арміи вообще въ такое позднее время года. Онъ потерялъ бы множество людей еще ранѣе своего приближенія къ берегамъ Березины, гдѣ ожидали его армія Чичагова и корпусъ графа Витгенштейна, въ 40 т. человѣкъ, съ 40 орудіями и двадцатью казачьими полками. Достаточно было однихъ казаковъ, чтобы захватить послѣдніе остатки великой арміи, составлявшей ядро военныхъ силъ Франціи и единственное основаніе могущества Наполеона, его собственной славы и славы всей націи. Эта армія, столь блестящая вначалѣ кампаніи, являлась до крайности ослабленною и изнуренною въ настоящее время. Не подлежитъ сомнѣнію, что если бы князь Кутузовъ проявилъ бо́льшую энергію въ своихъ дѣйствіяхъ, то не было бы того пролитія крови, которое намъ предстоитъ еще ожидать и спокойствіе, а слѣдовательно и благоденствіе цѣлой Европы было-бы достигнуто одною этою кампаніею въ Россіи, въ 1812 году.

Но судьба и на этотъ разъ поблагопріятствовала Наполеону. Князь Кутузовъ, вопреки обстоятельствамъ времени и интересамъ народа, въ разрѣзъ духу и желаніямъ всей арміи, совершилъ отступленіе съ позиціи, во всѣхъ отношеніяхъ выгодной, по причинамъ, которыхъ никто не могъ угадать, но которыя я Вамъ изъясню впослѣдствіи. Этому отступленію, какъ вы увидите, должно приписать всѣ бѣдствія, которыя могутъ еще воспослѣдовать отъ Наполеона для Европы и ту великую потерю, которую уже понесла Россія до того времени, какъ я Вамъ пишу эти строки. Отступленіе отъ Мало-Ярославца является пагубнымъ событіемъ этой войны и послѣдствія онаго настолько печальны, что я хотѣлъ бы скрыть это отъ потомства. Но изложеніе мною военныхъ дѣйствій этой кампаніи побуждаетъ меня сообщить Вамъ эти подробности, чтобы не прерывать нить моего изложенія.

На сколько я предвидѣлъ, что благодаря этому отступленію нашему, Наполеонъ съ главными лицами своей арміи ускользнетъ отъ насъ, лучше всего усматривается изъ письма, которое я счелъ своею обязанностью написать Государю Императору, съ цѣлію предупредить его объ этомъ. Я былъ впрочемъ не одинъ, сдѣлавшій подобное предупрежденіе. Англійскій генералъ Робертъ Вильсонъ, на-

ходившійся съ нами въ арміи, и имѣвшій Высочайшее разрѣшеніе сообщать Императору свои замѣчанія о войнѣ, писалъ Его Величеству въ томъ же смыслѣ, какъ и я, не только по этому случаю, но и позднѣе, по поводу многихъ другихъ, сдѣланныхъ нами ошибокъ, спасшихъ Наполеона отъ плѣна въ Россіи.

Не сомнѣваюсь, мы что когда либо прочтемъ оставленную этимъ извѣстнымъ военнымъ писателемъ исторію войны 1812 года, на которую онъ обратилъ свое вниманіе, какъ истинно военный человѣкъ [1]).

13 (25) Октября до разсвѣта, наша армія отступила отъ Мало-Ярославца, на десять верстъ къ деревнѣ Аѳанасьево. Можете себѣ представить, каково было удивленіе Наполеона, когда онъ узналъ объ этомъ новомъ нашемъ отступленіи, событіи для него болѣе счастливомъ, чѣмъ онъ могъ надѣяться.

Каково же было изумленіе Наполеона, когда онъ узналъ, что мы продолжаемъ наше отступленіе безъ малѣйшаго со стороны его преслѣдованія. Мы 14 (26) числа отступили еще на югъ отъ Мало-Ярославца, верстъ на двадцать до Гончарова, гдѣ армія наша имѣла 15 (27) числа дневку для отдыха, а затѣмъ, 16 (28) числа отступила еще на 25 верстъ до Полотняныхъ заводовъ, въ 24-хъ верстахъ отъ г. Калуги, или береговъ р. Оки. Такимъ образомъ, мы отступили на 50 верстъ, потерявъ на это четыре дня, не считая того, что потеряли отъ отступленія французовъ, которое они не замедлили также совершить, такъ что можно было предположить, что обѣ арміи страшатся другъ друга, что, конечно, не могло быть допущено въ отношеніи нашей арміи. Казаки получили приказаніе отступать вмѣстѣ съ послѣдними частями арміи, а потому мы одно время не имѣли свѣдѣній о движеніяхъ французской арміи и только 16 (28) октября получили донесеніе, что Наполеонъ послѣдовалъ нашему примѣру и предпринялъ также отступленіе отъ Мало-Ярославца [2]).

Здѣсь мнѣ необходимо остановиться на время, чтобы коснуться предполагавшихся намѣреній Наполеона при движеніи его на Мало-Ярославецъ, тѣхъ предположеній, которыя были присочинены, чтобы прикрыть или извинить наше несчастное отступленіе. Утверждали, что Наполеонъ намѣревался пробиться сквозь нашу армію и тѣмъ проложить себѣ дорогу на г. Калугу, чтобы, перейдя р. Оку, двинуться потомъ въ Малороссію, а затѣмъ, въ Подолію или Волынь,—словомъ сказать, галиматья совершенно безсмысленная. Стоитъ только взглянуть на карту и припомнить

[1]) Этотъ Вильсонъ напечаталъ свои замѣчанія о войнѣ 1812 г. на англійскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Narrative of events during the invasion of Russia by Napoleon Bonaparte and the retrext of the french army.—By general sir Robert Wilson. 1860. London.

[2]) Наполеонъ отступалъ къ сѣверу, на Можайскъ и, затѣмъ, Вязьму, Дорогобужъ, Смоленскъ.

занимаемыя французскими войсками позиціи, и тогда нельзя будетъ удержаться отъ смѣха, слушая подобныя предположенія.

Наполеонъ подошелъ къ Мало-Ярославцу 12 (24) октября, какъ я сказалъ, съ арміею въ 50—60 тысячъ человѣкъ, лишенный кавалеріи и артиллеріи; а между тѣмъ полагаютъ, что съ такими слабыми силами онъ намѣревался пробиться сквозь большую русскую армію, имѣвшую до 600 орудій и до 30 тысячъ одной кавалеріи.

Всю остальную свою армію, т. е. остатки своей артиллеріи, различные госпитали, бывшіе въ Москвѣ, нѣкоторые склады и запасы и даже нѣкоторые экипажи [1]), Наполеонъ нашелъ возможнымъ, подъ прикрытіемъ части своей гвардіи, направить на большую Смоленскую дорогу. Ничто не можетъ быть явственнѣе, что движеніе самого Наполеона къ Мало-Ярославцу не имѣло другой цѣли, какъ демонстраціею своею отдалить насъ отъ его сообщеній, чтобы лучше замаскировать отступленіе и лучше прикрыть свои транспорты, что ему и удалось вполнѣ. Говорятъ, что одинъ французскій генералъ, находясь въ Медынѣ и позднѣе взятый нами въ плѣнъ, увѣрялъ, что получилъ приказаніе устроить военную дорогу изъ Смоленска чрезъ Юхново на Калугу Это именно, доказываетъ только что высказанное мною, потому что если Наполеонъ имѣлъ намѣреніе чрезъ Калугу двинуться въ Малороссію, то для чего ему нужна была эта военная дорога, которая была бы прежде всего прервана русскою арміею, направившеюся преслѣдовать Наполеона? Очевидно, что если Наполеонъ дѣйствительно отдалъ подобное приказаніе, то таковая дорога должна была послужить ему при его отступленіи къ Смоленску. Достаточно здѣсь добавить, что мы прочли вскорѣ послѣ этого въ бюллетенѣ, какъ французы гордились тѣмъ, что ввели въ заблужденіе русскаго главнокомандующаго, заставивъ его этимъ движеніемъ на Мало-Ярославецъ полагать, что они намѣреваются идти на Калугу.

Наполеонъ, убѣдившись въ нашемъ отступленіи, не замедлилъ также отступить. 14 (26) Октября онъ сдѣлалъ переходъ въ 22½ версты и дошелъ до Боровска, 15 (27) октября онъ былъ въ Вереѣ, пройдя 23 версты, а 16 (28) окт. достигъ чрезъ Борисовъ Можайска, гдѣ вышелъ на большую дорогу и продолжалъ по ней свое отступленіе къ Смоленску. Своимъ отважнымъ движеніемъ на Мало-Ярославецъ Наполеонъ могъ бы выиграть еще гораздо болѣе, направившись прямо на Медынь, а затѣмъ, слѣдуя все время мимо изобиловавшихъ фуражемъ и продовольствіемъ деревень, къ которымъ французы не отваживались подходить въ небольшомъ

[1]) Изъ этого ничто не ускользнуло отъ рукъ нашихъ казаковъ, какъ мы это увидимъ впослѣдствіи.

Примѣч. Беннигсена.

числѣ, потому что крестьяне оныхъ всѣ вооружились. Принявъ самое кратчайшее направленіе на Дорогобужъ, Наполеонъ могъ достигнуть Смоленска четырьмя днями ранѣе насъ со всѣмъ своимъ войскомъ, со всѣми людьми, бывшими въ состояніи еще двигаться. Въ этомъ случаѣ, онъ могъ гораздо скорѣе притянуть къ себѣ французскія войска, находившіяся еще въ окрестностяхъ Березины и, безъ сомнѣнія, получалъ вполнѣ возможность ускользнуть отъ насъ съ довольно значительными силами. Впрочемъ, было бы безполезно, если бы Наполеонъ пожелалъ замедлить свое движеніе съ тѣмъ, чтобы притянуть къ себѣ остатки войскъ, находившіеся позади его арміи на большой дорогѣ, потому что было невозможно для него спасти что либо изъ нихъ. Все это ограничивалось немногими артиллерійскими орудіями, слишкомъ худо запряженными, чтобы они могли слѣдовать за арміею, и нѣсколькими повозками изъ обоза. Самое наибольшое число оставшихся составляли больные и раненые, которыхъ, не желая покинуть на жертву народнаго мщенія какъ въ Москвѣ, такъ и въ небольшихъ сосѣднихъ городахъ, уложили на столько повозокъ, сколько только можно было собрать. Никогда не встрѣчались люди болѣе несчастные, какъ эти больные, безъ надлежащей теплой одежды, безъ медицинскаго ухода, безъ пищи, нерѣдко въ снѣгу по колѣна, при 15° градусахъ мороза. Можно себѣ представить, сколько изъ нихъ погибло, сколько ихъ умирало ежедневно. Поэтому вся большая дорога была усѣяна трупами, брошенными съ повозокъ, по мѣрѣ того какъ они гибли. Тоже самое представляли павшія лошади, встрѣчавшіяся по всей дорогѣ, по которой шла французская армія, такъ что, судя по всѣмъ этимъ трупамъ, должно было предполагать, что по большой дорогѣ отъ Москвы до Смоленска ежедневно происходили кровопролитыя сраженія, а между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что мало французовъ лишились жизни съ оружіемъ въ рукахъ. Увѣряютъ, что Наполеонъ приказалъ осмотрѣть дорогу, о которой я только что упомянулъ, т. е. отъ Мало-Ярославца на Медынь, но посланные съ этою цѣлью офицеры донесли ему, что по причинѣ болотъ и худого состоянія дорогъ направленіемъ нельзя воспользоваться.

Вотъ, наконецъ, настала для насъ пора, когда необходимость побуждала насъ слѣдовать за непріятелемъ, чтобы усиленными переходами наверстать время, потерянное нами при безполезныхъ отступленіяхъ. Къ несчастью, у насъ избрали второе ложное направленіе, повлекшее за собою уничтоженіе части нашей арміи при движеніи по худымъ проселочнымъ дорогамъ (по которымъ до этого только проѣзжали крестьянскія телѣги) и при самой отвратительной погодѣ, какъ Вы узнаете это вскорѣ. Я поспѣшилъ предложить князю Кутузову непрерывно

наступать отъ Полотняныхъ заводовъ на Юхновъ, около 45 верстъ, гдѣ мы вышли бы на большую хорошую дорогу, по которой и могли продолжать наше наступленіе на Климовское (25 верстъ), Знаменское (25 верстъ), Божанъ (32 версты) и Славково (30 верстъ), на большую дорогу изъ Москвы въ Смоленскъ, въ 28 верстахъ отъ Дорогобужа,—куда могли бы прибыть со всею нашею арміею въ шесть переходовъ, слѣдовательно, ранѣе Наполеона. Еслибы мы приказали большей части казаковъ опередить насъ, Наполеонъ не осмѣлился бы уѣхать впередъ съ такимъ незначительнымъ отрядомъ, какъ онъ это сдѣлалъ. Между тѣмъ, мы избрали вотъ какую дорогу; она замѣчательна, генералъ,—взгляните только на карту. 17 (29) Октября изъ Полотняныхъ заводовъ мы пришли въ Адамовское, всего 14 верстъ. На слѣдующій день, 18 (30) октября, пройдя 30 верстъ, мы были въ Кременскомъ; 19 (31) окт.—въ Спасскомъ, еще 25 верстъ далѣе. Вы безъ, сомнѣнія будете изумлены этимъ направленіемъ и конечно признаете, что оно не могло имѣть никакой цѣли. Оно никакъ, не могло служить къ тому, чтобы настичь непріятеля на той дорогѣ, по которой онъ удалялся, хотя это движеніе и принимало такой видъ. Французы уже слишкомъ на много опередили насъ, вслѣдствіе нашего отступленія. Какая уже могла быть цѣль этихъ усиленныхъ переходовъ, во время которыхъотъ усталости мы теряли болѣе людей, нежели въ самыхъ кровопролитныхъ сраженіяхъ? Я полагаю, что ни одинъ военный человѣкъ не въ состояніи угадать эту цѣль. Я постараюсь разъяснить вамъ эту загадку.

Князь Кутузовъ былъ уже старъ, болѣзненъ, изнуренъ, съ большимъ трудомъ могъ держаться на лошади. Онъ одаренъ отъ природы умомъ, очень любезенъ въ обществѣ и, въ особенности, среди лицъ женскаго пола, расположеніемъ которыхъ онъ постоянно пользовался и которыя во всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ руководили его дѣлами, часто къ его же невыгодѣ, чѣмъ и побуждали нерѣдко отзывать его отъ занимаемыхъ имъ должностей. Испытываемое имъ постоянно, съ раннихъ лѣтъ, отвращеніе къ полезнымъ занятіямъ и серьезному труду, воздержало его отъ прилежанія къ наукамъ, такъ что онъ не обладалъ основательными познаніями. Тактика была ему извѣстна только по имени. Поэтому вездѣ, гдѣ онъ только командовалъ войсками, онъ имѣлъ при себѣ лицо, руководившее имъблагодаря своимъ познаніямъ,а слѣдовательно, если онъ попадалъ въ хорошія руки—дѣла шли хорошо; если же, напротивъ того, онъ попадалъ въ руки невѣжды, тогда дѣла шли худо [1]). При сво-

[1]) Этотъ отзывъ нѣмца Беннигсена о русскомъ полководцѣ можетъ показаться очень пристрастнымъ, но не должно упускать изъ виду, что и извѣстный Ермоловъ былъ также не весьма лестнаго мнѣнія о Кутузовѣ, а такой русскій патріотъ какъ графъ Ростопчинъ, писалъ: „Кутузовъ самый *гнустный эгоистъ*, пришедшій отъ лѣтъ и *развратной жизни почти въ ребячество;* спитъ, ничего не дѣлаетъ". Въ письмахъ своихъ къ Императору

ихъ принципахъ, при всеомъ образѣ дѣйствій, Кутузовъ не имѣлъ другого желанія, и не добивался ничего другого, какъ принудить покинуть наше отечество французовъ, которые не могли долѣе въ немъ держаться и не желали ничего лучшаго, какъ уйти. Его нисколько не тревожили послѣдствія неудавшихся пораженій непріятеля или упущенныхъ случаевъ нанести ему пораженіе. Несмотря на негодованіе болѣе ста тысячъ человѣкъ, свидѣтелей—очевидцевъ его боязливаго образа дѣйствія, его умъ изобрѣталъ реляціи кровопролитныхъ сраженій, никогда, впрочемъ, не происходившихъ. Вы меня спросите, какимъ образомъ онъ достигъ назначенія на столь видное и важное мѣсто? На это я Вамъ отвѣчу, что, вообще, желали и не безъ основанія, чтобы слава изгнанія Наполеона съ его арміею изъ предѣловъ Россіи пала бы на лицо съ русскимъ именемъ: вотъ причина избранія Кутузова, который, какъ достовѣрно извѣстно, не пользовался ни довѣріемъ двора ни арміи, ни той части населенія, которая его знаетъ.—Возвратимся однако, къ движенію нашей арміи.

20 октября (1) ноября, наша армія, пройдя 20 верстъ, дошла до Силенки. [1]) Я уже вамъ говорилъ, что избранное для движенія нашей арміи направленіе представляло только однѣ проселочныя дороги, по которымъ ѣздили только крестьянскія телѣги; эти дороги пролегали по болотамъ и болотистымъ лѣсамъ. Наступили уже небольшіе морозы, и по временамъ выпадалъ снѣгъ. скоро, впрочемъ, таявшій и только портившій дороги до того, что только пять или шесть повозокъ могли проѣхать полемъ по одной и той же колеѣ; слѣдовавшія за ними повозки принуждены были прокладывать себѣ новую колею по равнинѣ, которая послѣ нѣсколькихъ повозокъ дѣлалась уже непроѣзжею. Представьте себѣ нашу артиллерію, особенно тяжелую, и кавалерію, при этихъ ежедневныхъ переходахъ въ 20, 25, 28 верстъ; послѣ нѣсколькихъ подобныхъ переходовъ ихъ нельзя было узнать, и тогда уже предвидѣли гибель части нашей арміи отъ изнеможенія и усталости, которымъ и подвергали ее совершенно напрасно.

Нашъ авангардъ, подъ начальствомъ храбраго генерала Милорадовича, достигнувъ опять Мало-Ярославца, направился также по небольшой проселочной дорогѣ, между большою Московскою дорогою и тою, на которой стояла наша главная армія; эта дорога шла на деревни: Егорьевское, Губино, Покровская, и выходила на большую Московскую дорогу при селѣ Царево-Займищѣ. Тутъ

Александру, Ростопчинъ называлъ Кутузова *старой бабой, сплетницей*, который потерялъ голову и думаетъ что нибудь сдѣлать, ничего не дѣлая. Ростопчинъ совѣтовалъ Государю отозвать этаго *стараго болвана и пошлаго царедворца*. (см. Шильдеръ. Императоръ Александръ I, т. III стр. 120 и 378.

[1]) Это послѣ Спасскаго, по той же дорогѣ на Вязьмѣ. Тутъ же проходитъ дорога изъ Гжатска въ Юхновъ (см. также Богдановичъ т. III стр. 61.

онъ увидѣлъ предъ собою маршала Даву со всѣмъ арріергардомъ, состоявшимъ изъ его корпуса и корпуса короля Итальянскаго, поддерживаемыхъ маршаломъ Неемъ. Противъ такихъ силъ Милорадовичъ не въ состояніи былъ что либо предпринять, не подвергая опасности ввѣренныя ему войска, поэтому онъ рѣшился оставить большую дорогу и возвратиться на прежнюю, сперва въ Вырубово, а затѣмъ въ Спасское [1]) и наконецъ въ Ахотино, гдѣ онъ снова перешелъ на большую Московскую дорогу невдалекѣ отъ Вязьмы.—

Наша армія, совершивъ переходъ въ 24 версты, прибыла 21 октяб. (2 нояб.) въ Дубровну, а затѣмъ, 22 (3) числа, пройдя 32 версты, дошла до Быхова. Здѣсь мнѣ должно еще разъ остановиться, потому что тутъ мы въ третій разъ упустили непріятеля. Замѣтьте, что Быхово находится всего въ семи верстахъ отъ Вязьмы. Маршалъ Даву съ своимъ арріергардомъ не дошелъ еще до этого мѣста и не могъ достичь его ранѣе слѣдующаго дня вечеромъ, преслѣдуемый и поражаемый нашимъ авангардомъ, подъ начальствомъ генерала Милорадовича. Лишь только мы прибыли въ Быхово, я отправился немедленно къ кн. Кутузову, и убѣждалъ его не упускать представившагося опять прекраснаго случая истребить большую часть французскаго арріергарда. Я обратился къ князю приблизительно съ слѣдующими словами: „Не отдадите ли вы приказаніе двинуть нашу армію, если не ночью, то съ разсвѣтомъ, чтобы занять сильно Вязьму и большую дорогу до прибытія маршала Даву съ его арріергардомъ, который можетъ подойти не ранѣе вечера, преслѣдуемый нашимъ авангардомъ? „Князь мнѣ отвѣтилъ: „Слышите вы пушечные выстрѣлы?“

„Да, ваше сіятельство, это подходитъ генералъ Милорадовичъ, преслѣдуя непріятельскій арріергардъ.“

„Но онъ можетъ потерпѣть пораженіе; я отъ него не имѣю еще донесеній.“

Я ему замѣтилъ, что это предположеніе мнѣ кажется мало возможнымъ, такъ какъ маршалъ Даву не можетъ остановиться, не погубивъ себя, и что это предположеніе должно насъ тѣмъ болѣе побудить, не теряя ни минуты, отрѣзать непріятельскій арріеградъ. Этимъ движеніемъ мы въ тоже время выручимъ и нашъ авангардъ въ самомъ неблагопріятномъ для него случаѣ. Всѣ мои представленія и всѣ мои доводы не послужили ни къ чему; умъ Кутузова былъ слишкомъ пораженъ мыслію о предстоящей ему опасности при движеніи, чтобы отрѣзать корпусъ маршала Даву. Я удалился въ надеждѣ, что послѣ нѣкотораго зрѣлаго обсужденія онъ освободится отъ своего опасенія и отдастъ еще во время приказаніе арміи двинуться на встрѣчу этому непріятельскому корпусу, такъ сказать, протягивавшему къ нему свои руки.

---

[1]) См. Богдановичъ, т. III стр. 72.

Но вы съ большимъ трудомъ повѣрите, узнавъ отъ меня то, что совершилось и какое зло причинила въ данномъ случаѣ подобная нерѣшительность князя Кутузова, какъ всѣмъ обстоятельствамъ того времени, такъ и общему интересу. На другой день утромъ, въ то время, какъ я садился на лошадь, чтобы отправиться къ генералу Милорадовичу,я получилъ увѣдомленіе отъ фельдмаршала, что наша армія не двинется никуда до полученія новаго приказанія, которое однако не послѣдовало ни въ этотъ день, ни въ слѣдующій. Генералъ-лейтенантъ Уваровъ, около полудня, получилъ, и то съ большими затрудненіями, позволеніе приблизиться къ большой дорогѣ съ небольшою частью нашей кавалеріи. Онъ появился съ другой стороны Вязьмы на большой дорогѣ, за нѣсколько часовъ до прихода маршала Даву.

Не имѣя при себѣ пѣхоты, Уваровъ принужденъ былъ, однако отойти назадъ и удовольствоваться зрѣлищемъ, какъ непріятельскій отрядъ прошелъ въ недалекомъ отъ него разстояніи.

Тѣмъ временемъ, я прибылъ къ генералу Милорадовичу, который очень близко нападалъ на арріергардъ маршала Даву, находившійся уже не вдалекѣ отъ Вязьмы, занятой нашими войсками съ наступленіемъ сумерекъ. Маршалъ Ней съ 3-мъ корпусомъ остановился передъ Вязьмою, чтобы выждать приближенія 1-го и 4-го корпусовъ и поддержать ихъ.

Это подкрѣпленіе французовъ лишило генерала Милорадовича всякой возможности дѣйствовать рѣшительнымъ образомъ противъ непріятеля, безъ содѣйствія въ этомъ нашей главной арміи Князю Кутузову, занявъ эту позицію, со всѣми своими силами, чтобы преградить французамъ дорогу, было очень легко не только принять неизбѣжную атаку непріятеля, но и совсѣмъ разсѣять эту часть Наполеоновской арміи, которая очутилась бы между превосходными силами нашей главной арміи и арріергрдомъ подъ начальствомъ Милорадовича. самого Наполеона могъ въ то же время преслѣдовать, какъ я и предлагалъ фельдмаршалу, отрядъ нашей кавалеріи. Что бы сталось съ французской арміей, подъ начальствомъ Императора, если-бы мы отрѣзали отъ нея силы трехъ вышеупомянутыхъ маршаловъ?

Можно сказать, что этотъ день являлся единственнымъ моментомъ удобнымъ къ тому, чтобы завершить несчастный кризисъ французской арміи, нанеся ей окончательный ударъ, который, однако, фельдмаршалъ упустилъ, не желая послѣдовать предложенному мною плану. Французы желали удержать городъ Вязьму на ночь, чтобы доставить хотя части своихъ войскъ возможность укрыться отъ непогоды въ стѣнахъ опустѣлыхъ домовъ; это была единственная для нихъ выгода, которую они могли извлечь изъ города Вязьмы, потому что ни одинъ изъ ея обывателей не остался въ городѣ, а

большинство домовъ было уже безъ оконъ и безъ дверей. Но генералъ Милорадовичъ не хотѣлъ доставить имъ и этой выгоды; онъ приказалъ изгнать всѣхъ, находившихся еще въ городѣ. Его приказаніе было исполнено Перновскимъ[1]) полкомъ; онъ кинулся въ штыки и послѣ получасоваго боя выбилъ французовъ съ потерями изъ Вязьмы, при чемъ большая часть оставшихся еще домовъ была истреблена пламенемъ. Эта выгода была очень незначительна въ сравненіи съ тѣми, которыхъ мы могли добиться въ этотъ день.

Здѣсь, въ Вязьмѣ, я снова очутился на большой дорогѣ изъ Москвы въ Смоленскъ, въ первый разъ послѣ отступленія нашей арміи и былъ очевидцемъ того, что эта дорога дѣйствительно усѣяна трупами людей и животныхъ, транспортами съ больными всякаго рода, погибшими въ пути, брошенными орудіями, зарядными ящиками, всякими повозками и т. д. Страшныхъ, ное зрѣлище представляли собою также группы французовъ отсталыхъ изнуренныхъ голодомъ и усталостью, худо одѣтыхъ, при стоявшихъ морозахъ больные и раненые, не имѣвшіе силъ двигаться далѣе, съ изображеніемъ смерти на лицахъ, сидѣвшіе около костровъ и безъ боязни взиравшіе на приближеніе нашихъ войскъ, убѣжденные, что участь ихъ не можетъ ухудшиться; нѣкоторые изъ нихъ глодали кости павшихъ и тощихъ лошадей. Бѣдствія увеличивались среди французской арміи съ каждымъ днемъ.

23 октября (4 нояб.) наша армія, какъ я выше упомянулъ, простояла цѣлый день въ окрестностяхъ Быхова, что и спасло маршала Даву и дало ему время уйдти впередъ. 24 (5) числа мы снова тронулись съ мѣста и прошли 22 версты до Краснаго, а 26 (6) числа, пройдя 32 версты,—до Гаврюкова. Слѣдя за нашими движеніями по картѣ, вы замѣтите, по крайней мѣрѣ, указаніе на тѣ ошибки, которыхъ долженъ избѣгать главнокомандующій, что также поучительно. Посмотрите, съ какимъ стараніемъ мы избѣгаемъ непріятеля; можно пожалуй сказать, что мы его страшимся. Мы продолжаемъ наши довольно значительные переходы по проселочнымъ дорогамъ, по которымъ мало ѣздятъ, и по которымъ мы всегда движемся одною колонною, что все болѣе и болѣе губило нашу армію.

26 октября (7 ноября) мы дошли до Бѣлаго Холма, пройдя 25 верстъ. На другой день, послѣ перехода въ 25 в., пришли въ Ельню, гдѣ простояли цѣлый день 28 числа. Затѣмъ, 29 числа мы двинулись на Балтутино (всего 25 верстъ), а 30 (11) числа, совершивъ переходъ въ 24 версты, дошли до Лабкова, гдѣ простояли и 31 (12) числа. Пройдя 21 версту еще далѣе, дошли 1 (13) декабря

[1]) Этотъ полкъ, по окончаніи войны, получилъ за дѣло при Вязьмѣ знамена съ Георгіевскими лентами.

Прим. Беннигсена.

до Щелканова[1]). До чего казаки прервали уже всѣ сообщенія французовъ, можетъ служить доказатьльствомъ то, что генералъ Ожеро, съ отрядомъ гвардіи въ 600 человѣкъ, выступившій изъ Смоленска по дорогѣ въ Юхново для присоединенія къ главной арміи, былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ со всею командою: до того мало имѣли свѣдѣній въ Смоленскѣ о происходившемъ въ арміи.

Мы, въ тоже время, находились на паралелли Смоленска и все продолжали наши переходы, которые подъ конецъ должны были погубить всю нашу армію, четвертой части которой было вполнѣ достаточно, чтобы истребить остатки великой арміи Наполеона. Это побудило меня отправиться къ кн. Кутузову, чтобы переговорить съ нимъ о мѣрахъ, необходимыхъ для избѣжанія дальнѣйшихъ большихъ потерь въ нашей арміи, столь безполезно нами уже понесенныхъ. Я встрѣтилъ у него генерала Ермолова, пришедшаго къ нему съ тою же цѣлію.

Хотя всѣ наши доводы и усилія оказались безполезны, я приведу, однако, здѣсь сдѣланное мною фельдмаршалу предложеніе. Я предлагалъ изъ числа 600 орудій, состоявшихъ при нашей арміи и чрезвычайно замедлявшихъ ея движеніе, оставить только 400 при арміи, выбравъ для 200 орудій, долженствующихъ остаться позади насъ, слабыхъ и изнуренныхъ лошадей, которыя бы оправились скоро въ мѣстахъ, изобилующихъ фуражемъ.

Замѣтьте, что всѣ безъ исключенія лошади въ арміи находились еще въ наилучшемъ по возможности видѣ при нашемъ выступленіи 11 (23 октября) изъ Тарутина. Кромѣ того, я предложилъ регулярную кавалерію раздѣлить на три части, именно: въ первую включить лошадей наиболѣе изнуренныхъ и отправить въ Черниговскую губернію, въ которой онѣ поправились бы въ четыре, пять недѣль. Во вторую категорію включить слабыхъ лошадей и заставить ихъ дѣлать лишь небольшіе переходы, составивъ для этого особый маршрутъ, слѣдуя которому онѣ безъ труда могли получать необходимый фуражъ.

Наконецъ, въ третью категорію входила кавалерія, находившаяся въ хорошемъ видѣ, которую и должно было назначить для преслѣдованія французовъ. Нѣчто подобное можно было сдѣлать и въ отношеніи пѣхоты, такъ какъ не было ни одного полка, въ которомъ бы не насчитывались сотнями отсталые, не имѣвшіе уже силъ слѣдовать за арміею. Если бы князь Кутузовъ послѣдовалъ этому разумному совѣту, потеря, понесенная нашею арміею ранѣе достиженія ею границъ Имперіи, не была бы столь чувствительна.

Генералъ Милорадовичъ, со своимъ авангардомъ, и генералъ Платовъ, съ казаками, застигли на большой дорогѣ изъ Можайска арріергардъ французской арміи. Они завладѣли пушками и повоз-

[1]) См. Богданова т. III стр. 194.

ками, покинутыми французами по неимѣнію годныхъ лошадей, а также отсталыми людьми, которые по недостатку пищи не имѣли силъ слѣдовать за полками. Генералъ Платовъ въ одинъ день захватилъ 62 орудія и много повозокъ и плѣнныхъ близъ Смоленска, покинутаго маршаломъ Даву. Въ Оршѣ французы бросили 16 орудій, а въ одномъ изъ монастырей оставили болѣе тысячи больныхъ.

2 (14) ноября мы съ арміею дошли до Юрова (16 верстъ), гдѣ простояли цѣлый день. 4 (16) числа мы сдѣлали 15 в. и, дойдя до Шилова, простояли тамъ слѣдующій день, 6 (18) числа мы пройдя 15 верстъ, пришли въ Доброе, гдѣ простояли 7 (19) числа. Вы можете усмотрѣть, что въ шесть дней мы продвинулись впередъ только на 49 верстъ, избѣгая непріятеля неприличнымъ образомъ, что вамъ подтвердитъ направленіе нашихъ движеній на картѣ, тутъ я покидаю на сегодня перо; въ слѣдующемъ письмѣ я сообщу Вамъ о встрѣчѣ нашей съ французами при Красномъ 6 (18) числа и о преувеличеніяхъ въ реляціяхъ объ этомъ дѣлѣ, со стороны главнокомандующихъ обѣихъ армій.

ПИСЬМО X.

Витебскъ, 24 ноября (5 декабря) 1812 г.

Сраженіе при Красномъ. Реляція о немъ. Движеніе на Игуменъ. Отъѣздъ Кутузова въ Вильну. Дѣйствія маршаловъ Макдональда и Удино, а также графа Витгенштейна. Отъѣздъ Беннигсена изъ арміи.

Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я обѣщалъ Вамъ сообщить подробныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ, совершившихся 6 (18) ноября подъ Краснымъ; онѣ могутъ послужить Вамъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что фельдмаршалъ Кутузовъ твердо рѣшился не приближаться къ французамъ, для прегражденія имъ дальнѣйшаго отступленія. Никакое соображеніе, никакое предзнаменованіе, обѣщавшее полное истребленіе бѣжавшей уже непріятельской арміи, если-бы только онъ пожелалъ дать генеральное сраженіе, не могли побудить Кутузова нанести французамъ окончательный ударъ, безъ большого пролитія крови съ нашей стороны. Приведу Вамъ факты.

Я уже сообщилъ, что 5 (17) ноября мы находились въ Шаловѣ, почти въ 19 верстахъ отъ Краснаго, расположенномъ на большой дорогѣ, которой Наполеонъ не могъ никакъ миновать. Дѣйствительно, въ нашей главной квартирѣ была отдана диспозиція для атаки на другой день непріятеля. Долженъ васъ предупредить, однако, что она была составлена вовсе не для того, чтобы въ дѣйствительности ее выполнить, но единственно, чтобы только упомянуть о ней въ рапортѣ и извѣстіяхъ, какъ вы это сейчасъ усмотрите.

6 (18) Ноября рано утромъ я сѣлъ на лошадь, чтобы присутствовать при назначенной атакѣ, хотя и не могъ постичь, какъ она можетъ состояться противъ непріятеля, бѣгущаго и разбросаннаго болѣе нежели на сто верстъ. Каково же было мое удивленіе, когда, при выѣздѣ изъ деревни, въ которой помѣщалась наша главная квартира, я очутился внѣ длинной цѣпи казаковъ, стоявшихъ на часахъ, а за этой цѣпью, въ центрѣ ея, я увидѣлъ фельдмаршала, въ саняхъ, окруженнаго свитою. Я спрашиваю у всѣхъ, что это все значитъ, гдѣ войска, назначенныя для атаки, гдѣ, наконецъ, армія? Мнѣ отвѣчаютъ, что армія впереди. Я покинулъ эту цѣпь и выѣхалъ впередъ верстъ на десять, гдѣ увидѣлъ на-

шу армію, занимавшую двѣ назначенныя ей позиціи, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ той большой дороги, по которой проходили французы, не останавливаясь. Первая часть, или главныя силы нашей арміи, подъ начальствомъ генерала Тормасова, находилась въ окрестностяхъ Краснаго, а вторая—подъ командою генералъ-лейтенанта князя Димитрія Голицына, стояла почти въ четырехъ верстахъ вправо отъ нея. Я проѣхалъ къ этому послѣднему, гдѣ предварительно не могъ вовсе разобраться, нисколько не подозрѣвая всей тонкости придуманнаго маневра. Я обратился къ князю Голицыну съ вопросомъ: какія ему даны дальнѣйшія приказанія на сегодняшній день. Оказалось, что ему было приказано стоять въ этой позиціи до дальнѣйшихъ приказаній. Тогда я понялъ ясно въ чемъ дѣло. Дѣйствительно, князю Голицыну стоило только всѣми своими сосредоточенными силами занять большую дорогу, отъ которой, какъ выше сказано, мы находились только на пушечный выстрѣлъ, чтобы преградить Наполеону путь дальнѣйшаго его движенія; это же самое мы могли сдѣлать уже двумя днями ранѣе, какъ вы легко можете сообразить. Наша артиллерія стрѣляла цѣлый день, не причинивъ большого вреда непріятелю, который, съ своей стороны, выставилъ четыре орудія, изрѣдка посылавшія намъ также ядра и гранаты.

Французы выдвинули два слабыхъ баталіона молодой гвардіи для прикрытія дороги, по которой двигались. Одинъ изъ этихъ баталіоновъ сталъ противъ позиціи, занимаемой генераломъ Тормасовымъ, а другой—противъ князя Голицына. Первый изъ нихъ подвергся съ нашей стороны нападенію гвардейскаго егерскаго баталіона, а второй - нападенію нашего Ревельскаго линейнаго пѣхотнаго полка. Оба непріятельскіе баталіона, имѣвшіе не болѣе 300 человѣкъ въ каждомъ, слишкомъ удалившись отъ своихъ колоннъ, не могли быть поддержаны во-время, и были всѣ, или убиты, или взяты нами въ плѣнъ. Долженъ къ этому прибавить, что мы видѣли еще около 400 человѣкъ непріятельской кавалеріи, которые не отважились выступить на равнину и простояли спокойно весь день, опираясь на маленькій городокъ Красное. Вотъ въ чемъ состояло, могу васъ завѣрить, такъ называемое сраженіе при Красномъ, въ которомъ мы только видѣли, какъ французы проходили въ небольшомъ разстояніи, мимо фронта всей нашей арміи и только недоставало, чтобы они снимали шляпы въ благодарность за нашу любезность и оказываемую имъ милость. Но они должны были уже привыкнуть къ этому, потому что это въ четвертый разъ князь Кутузовъ оказываетъ имъ подобную вѣжливость [1]).

[1]) Г. Богдановичъ также говоритъ, что Кутузовъ приказалъ Тормасову остановиться и, такимъ образомъ, французы получили возможность отступить по дорогѣ, ведущей къ Оршѣ. (т. II, стр. 127).

Къ вечеру генералъ Милорадовичъ подошелъ съ авангардомъ къ нашей арміи, слѣдуя за непріятельскимъ арріергардомъ, находившимся въ то время подъ начальствомъ маршала Нея, отрѣзаннымъ отъ большой дороги. Генералъ Милорадовичъ требовалъ, чтобы маршалъ Ней сдался со всѣмъ корпусомъ, но онъ и не подумалъ сдѣлать это. Маршалъ отыскалъ ночью небольшую дорогу, по которой, сдѣлавъ обходъ, онъ ускользнулъ отъ насъ съ отрядомъ силою не болѣе 2500 человѣкъ; остальная часть его корпуса, изнуренная и частью уже разсѣянная, сдалась понемногу небольшими отрядами [1]). Всѣ только съ сожалѣніемъ толковали и съ горестью вспоминали о томъ, что можно было бы сдѣлать въ этотъ день, какъ вдругъ, къ величайшему изумленію, узнали, что сочинена реляція о кровопролитной битвѣ, продолжавшейся *три дня*, непрерывно, въ которой французы были почти совершенно истреблены 5 (17) ноября подъ Краснымъ. Въ этой реляціи упоминалось о всѣхъ орудіяхъ, утраченныхъ или покинутыхъ французами на всемъ пути ихъ отступленія отъ Смоленска, исчислялись всѣ больные и раненые, захваченные въ различныхъ госпиталяхъ, всѣ отсталые, взятые въ плѣнъ въ продолженіи многихъ дней; число ихъ было очень значительно. Тамъ же упоминались и плѣнные, на другой день захваченные Милорадовичемъ, изъ числа войскъ корпуса маршала Нея.

Кто бы могъ подумать, что такая пресловутая реляція была дѣйствительно отправлена въ Петербургъ вмѣстѣ съ знаменами, штандартами, фельдмаршалскимъ жезломъ маршала Даву и другими вещами, найденными въ экипажѣ и повозкахъ въ числѣ прочаго имущества различныхъ французскихъ полковъ, уже не существовавшихъ на самомъ дѣлѣ. Князь Кутузовъ долженъ былъ ожидать, что блестящая реляція вызоветъ торжественныя благодарственныя молебствія, какъ въ столицѣ, такъ и въ прочихъ большихъ городахъ Имперіи и что, вѣроятно, армія удостоится Высочайшихъ милостей [2]). Его изобрѣтательный умъ пришелъ ему на помощь и въ этомъ случаѣ: онъ приказалъ въ арміи служить благодарственное молебствіе *за всѣ одержанныя* надъ врагомъ сраженія, начиная съ 6 (18) октября, когда былъ застигнутъ и разбитъ король Неаполитанскій (по этому поводу на другой же день служили молебенъ еще въ Тарутинѣ), не упоминая, однако, о битвѣ при Красномъ, чтобы не вызвать смѣха по поводу молебствія во всѣхъ

[1]) Это происходило 6 (18) ноября у Лосмины, послѣ чего Ней двинулся къ Днѣпру, перебрался по довольно тонкому льду и двинулся къ Оршѣ по едва замѣтнымъ тропинкамъ, при мятели (см. Богдановичъ, т. III, стр. 135—140).

[2]) За побѣды подъ Краснымъ, и вообще, въ Смоленской губерніи князю Кутузову повелѣно было Императоромъ Александромъ I именоваться *Смоленскимъ*, Милорадовичу пожалованъ орденъ св. Георгія 2-го класса, а Платовъ возведенъ въ графское достоинство Имперіи (см. Богдановичъ, т. III, стр. 146).

чинахъ, начиная съ генерала до послѣдняго солдата. На этотъ разъ французскіе бюллетени оказались скромнѣе нашихъ; они только напечатали, что французская армія пробилась съ оружіемъ въ рукахъ сквозь русскія войска при Красномъ.

Замѣтьте, генералъ, что, несмотря на все, совершенное нами съ цѣлью избѣгать столкновеній съ непріятелемъ, невозможно было, тѣмъ не менѣе, воспрепятствовать тому, чтобы онъ съ нами не встрѣтился снова. Генералъ-маіоръ баронъ Розенъ [1]), высланный впередъ съ отрядомъ по ту сторону Краснаго, очутился такъ близко отъ французовъ, что ожидалъ получить на слѣдующее утро приказаніе двинуться на него и завязать сраженіе, которое должно было бы задержать французовъ и замедлить ихъ отступленіе. Надлежало только слѣдовать по дорогѣ, на которой мы уже находились, чтобы прибыть одновременно съ Наполеономъ къ берегамъ Березины, гдѣ мы могли воспрепятствовать его переправѣ черезъ эту рѣку и дать время адмиралу Чичагову двинуться со всѣми силами къ тому именно мѣсту, гдѣ французы наводили мосты для переправы. Адмиралъ Чичаговъ долженъ былъ, очевидно, получать отъ насъ ежедневно какимъ-либо окольнымъ путемъ свѣдѣнія, какъ о нашихъ движеніяхъ, такъ и о движеніяхъ Наполеона; однако, онъ ихъ не получалъ по причинѣ того отдаленія, въ которомъ мы сами постоянно держались отъ французовъ.

Съ большимъ трудомъ повѣрятъ, что, вмѣсто того, чтобы хотя на этотъ разъ остаться вблизи французовъ, придумали возможность движенія Наполеона влѣво, съ цѣлью направиться на Игуменъ и соединиться позднѣе съ корпусомъ князя Шварценберга; это, однако, Наполеонъ не могъ исполнить иначе, какъ двинувшись по большой дорогѣ впереди или позади насъ. Ясно, что ему не представляло никакого интереса подвергнуться очевидной опасности, которой онъ избѣгалъ всевозможными способами. Кромѣ того, было извѣстно уже, что маршалъ Викторъ со своимъ корпусомъ и корпусомъ Удино ожидаетъ Наполеона, чтобы усилить его и затѣмъ совмѣстно совершить переправу чрезъ Березину. Но это свѣдѣніе послужило намъ предлогомъ, чтобы самимъ направиться со всѣми нашими силами на Игуменъ, оставивъ Наполеона съ остатками его арміи и съ притянутыми имъ къ себѣ подкрѣпленіями въ распоряженіи одного адмирала Чичагова, войска котораго не были сосредоточены по причинѣ значительнаго протяженія той линіи, которую онъ долженъ былъ охранять. Слѣдовательно, невозможно было предполагать, чтобы адмиралъ Чичаговъ былъ въ состояніи

---

[1]) Розенъ командовалъ авангардомъ у Тормасова, дошелъ до Добраго и могъ бы настичь французовъ, говоритъ Богдановичъ (т. III, стр. 136), *но ему было приказано остаться въ городѣ.*

остановить Наполеона, если только наша главная армія не слѣдовала за нимъ по пятамъ.

7 (19) Ноября наша армія, дѣйствительно, покинула большую дорогу [1]), а слѣдовательно и французовъ, и направилась влѣво, боковыми дорогами на Доброе, до котораго отъ Краснаго было 15 верстъ. Это мѣстечко—невдалекѣ отъ большой дороги, по которой французы продолжали свое движеніе къ Борисову, какъ намъ было хорошо извѣстно. Несмотря на это, мы держались взятаго нами направленія, удалявшаго насъ все болѣе и болѣе отъ непріятеля и, пройдя 8 (20) числа еще двадцать пять верстъ, дошли до Романова. На другой день, 9 (21) числа, армія, сдѣлавъ переходъ въ 19 верстъ, пришла въ Ланники, гдѣ и простояла весь слѣдующій день. По тому же направленію армія прошла еще 17 верстъ до Морозова 11 (23) числа и на слѣдующій день еще 18 верстъ до Копыса на Днѣпрѣ, гдѣ и простояла 13 (25) числа. По картѣ можно усмотрѣть, что эти послѣдніе переходы не слишкомъ еще далеки отъ Борисова. Возможно-ли повѣрить, что князь Кутузовъ, имѣя до 40 казачьихъ полковъ, не былъ освѣдомленъ во-время, что французы даже не дѣлали никакихъ демонстрацій, что желаютъ покинуть избранную ими дорогу. Но съ этого дня кн. Кутузовъ съ каждымъ переходомъ все болѣе и болѣе сталъ удаляться отъ французовъ; такъ, 14 (26) числа онъ прошелъ 17 верстъ и былъ въ Старосельѣ; 15 (27) ч.—въ Кругломъ, пройдя 25 верстъ; 16 (28)—послѣ перехода въ 31 в.—въ Сомрахъ; 17 (29), сдѣлавъ 17 верстъ въ Михесвичахъ [2]), а 18 (30) числа въ Ушахъ, причемъ наша первая армія переправилась чрезъ Березину. Обратите, генералъ, ваше вниманіе на мѣста, гдѣ стоитъ князь Кутузовъ со всею своею арміею и гдѣ находится Наполеонъ съ остатками своей великой арміи въ 14 верстахъ, по другую сторону Березины, и 55 верстахъ отъ Уши, главнаго сборнаго пункта русскихъ силъ, которымъ никакой непріятель не угрожалъ ни вблизи, ни вдали. Князь Кутузовъ считалъ этотъ пунктъ предѣльнымъ для своей славной кампаніи. Но что-бы стало съ Наполеономъ, если-бы даже послѣ Краснаго князь Кутузовъ его не покидалъ, а слѣдовалъ за нимъ, съ первою нашею арміею и вмѣстѣ съ нимъ подошелъ къ Березинѣ? Могъ-ли-бы Наполеонъ переправиться черезъ эту рѣку? Конечно нѣтъ, тѣмъ болѣе, что мы имѣли возможность притянуть къ себѣ еще корпусъ Витгенштейна, какъ вы это увидите позже.

Въ Ушахъ князь Кутузовъ получилъ донесеніе, что Наполеонъ переправился чрезъ Березину 15 (27) ноября и на-

---

[1]) Т. е. ту, которая шла изъ Краснаго на Оршу и взявъ влѣво, двинулась на Копысъ черезъ Романово, Ланники, Морозово къ Днѣпру (см. Богдановичъ, т. III, стр. 153).

[2]) Это все селенія по направленію отъ Копыса на Днѣпрѣ къ рѣкѣ Березинѣ, при чемъ Уша находится уже на правомъ берегу Березины.—Еще ранѣе этого Наполеонъ совершилъ уже свою переправу черезъ Березину.

правляется на Вильну и что адмиралъ Чичаговъ со своею арміею его преслѣдуетъ. Тогда кн. Кутузовъ рѣшился оставить Уши и свою армію и лично отправиться въ Вильну, откуда располагалъ нескоро вернуться. Онъ препоручилъ генералу Тормасову вести всю армію по тому же направленію. Тормасовъ двинулся на Смолевичи, Городокъ, Воложинъ, Вишнево, до Ольшаны, гдѣ и получилъ приказаніе остановиться на шесть дней. Я Вамъ такъ много сообщалъ, генералъ, о князѣ Кутузовѣ, что предоставляю Вашему обсужденію всѣ размышленія, вызываемыя его образомъ дѣйствія, какъ генерала и патріота.

Съ этого времени я пересталъ быть свидѣтелемъ-очевидцемъ всего происходившаго въ нашей арміи; я ее покинулъ и поѣхалъ въ Петербургъ. Мое здоровье, очень разстроенное ненастною погодою, побудило меня остановиться на нѣсколько дней въ Витебскѣ, откуда и пишу вамъ это письмо. Продолженіе моего повѣствованія должно сообщить вамъ подробности о переходѣ Наполеона черезъ Березину. Это событіе входитъ въ очеркъ дѣйствій адмирала Чичагова, а потому необходимо мнѣ начать изложеніе оныхъ немного издалека; я это и сдѣлаю въ слѣдующемъ письмѣ. Но прежде скажу вамъ еще нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ князя Витгенштейна, котораго мы оставили на Двинѣ послѣ того, какъ первая армія покинула укрѣпленный лагерь при Дриссѣ, чтобы соединиться со второю арміею.

Прежде всего сообщу Вамъ нѣсколько словъ о движеніяхъ маршаловъ Макдональда и Удино. Первый со своимъ корпусомъ, состоявшимъ изъ 15 т. пруссаковъ и 15 т. французовъ, прикрывалъ дорогу изъ Кенигсберга и сѣверную часть древней Пруссіи, угрожая въ то-же время Ригѣ, осаду которой, повидимому, было предназначено ему начать. Удино же, вступившій въ наши предѣлы съ отрядомъ въ 24 т. человѣкъ, былъ скорѣе назначенъ непосредственно для наблюденія за графомъ Витгенштейномъ и для защиты Двины, нежели для наступленія на Петербургъ, куда онъ не могъ и думать дойти съ такимъ небольшимъ отрядомъ.

Вамъ, генералъ, уже извѣстна судьба этихъ корпусовъ; сообщу Вамъ ихъ дѣйствія. Маршалъ Макдональдъ переправился чрезъ Нѣманъ 24 іюня и направился на Россіены. Онъ былъ 15 іюля въ Шавляхъ, а къ 4 августу пришелъ къ Динабургу, но не двинулся далѣе по этому направленію и скоро взялъ влѣво и до конца кампаніи занималъ своимъ корпусомъ Самогитію, высылая въ то-же время отряды въ прилегающую часть Курляндіи. Его приближеніе до того встревожило генерала Эссена, командовавшаго войсками въ Ригѣ, что по ложной тревогѣ, онъ наскоро, среди ночи, приказалъ выжечь предмѣстье этого города, такъ что, благодаря этой непростительной стремительности, часть обывателей понесла значительныя потери.

Маршалъ Удино, перейдя Нѣманъ, двинулся 14 (26) іюня къ Вилькоміру и 16 (28) числа имѣлъ при Девельтовѣ стычку съ графомъ Витгенштейномъ, отступившимъ на Вилькоміръ. Объ этомъ сраженіи, а также о слѣдующихъ отдѣльныхъ, происходившихъ вблизи р. Двины, пишу по бюллетенямъ, напечатаннымъ обѣими сторонами, изъ которыхъ вы почерпнете необходимыя свѣдѣнія и усмотрите, что они не лишены преувеличеній. Вы замѣтите стремленіе придать особенную важность дѣйствіямъ графа Витгенштейна, котораго, повидимому, предназначали какъ бы въ спасители С.-Петербурга. Впрочемъ, военныя дѣйствія, происходившія на этомъ театрѣ войны, не имѣли никакой существенной важности, по причинѣ слабости корпуса маршала Удино, имѣвшаго къ концу кампаніи не болѣе 18 т. человѣкъ, тогда какъ силы графа Витгенштейна, получившаго значительныя подкрѣпленія, многимъ превосходили отрядъ маршала Удино. Совсѣмъ было бы иное дѣло, если бы Макдональдъ, оставивъ для наблюденія за Ригой отрядъ въ 15 т. человѣкъ, всѣ остальныя войска свои направилъ бы на подкрѣпленіе своего сотоварища; они вмѣстѣ численнымъ своимъ превосходствомъ принудили-бы графа Витгенштейна удалиться отъ Двины, и оба маршала, двинувшись по направленію къ Петербургу, дѣйствительно вызвали бы опасенія за участь столицы....

Считаю здѣсь не лишнимъ Вамъ сообщить, что мой взглядъ на службу и ея обязанности, мои убѣжденія и взгляды на вещи вообще, а также весь мой образъ мыслей слишкомъ расходились съ взглядами и убѣжденіями князя Кутузова, а потому мое присутствіе въ арміи, конечно, не могло быть ему пріятнымъ, тѣмъ болѣе, что ему было извѣстно, что при всякомъ обстоятельствѣ я доводилъ о фактахъ, съ моими замѣчаніями, до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества.[1]) Князь Кутузовъ, убѣжденный, что ему болѣе не придется имѣть серьезныхъ столкновеній съ французами, воспользовался временемъ, когда я былъ дѣйствительно боленъ, и прислалъ мнѣ форменное предписаніе, чтобы я покинулъ армію для излеченія. Изъ писемъ моихъ, отправленныхъ Его Величеству, Вы усмотрите, генералъ, что я уже давно просилъ о моемъ увольненіи. Я направился въ Петербургъ и по дорогѣ имѣлъ счастіе

---

[1]) Нельзя не обратить вниманія на установившуюся въ нашей арміи въ 1812 году систему донесеній высшихъ чиновъ непосредственно Государю Императору, минуя главнокомандующаго и своихъ непосредственныхъ начальниковъ. Даже нынѣ, по истеченіи ста лѣтъ, трудно взвѣсить всю пагубность такого образа дѣйствій. Прямымъ послѣдствіемъ этого и были интриги и разбродъ во мнѣніяхъ, благодаря чему Наполеону поразительно счастливо удалось ускользнуть, а Россіи пришлось предпринимать походъ 1813 года и разъигрывать изъ себя спасительницу Пруссіи и Европы. Во всякомъ случаѣ, „донесенія“ Беннигсена Императору мало помогали дѣлу, не выводили Кутузова изъ бездѣятельности и не укрѣпляли его въ рѣшимости раздавить окончательно Наполеона.

Примѣч. редакціи „Воен. Ист. Вѣстн.“

встрѣтить Государя Императора въ Порховѣ, проѣздомъ, когда онъ изволилъ ѣхать въ Вильну. Объ этомъ я поговорю съ Вами впослѣдствіи.

Г. Богдановичъ въ своемъ трудѣ, т. III, стр. 285, говоритъ: „Въ числѣ распоряженій Кутузова по прибытіи въ Копысъ, 12 Ноября, замѣчательна высылка Беннигсена изъ арміи". Что въ этомъ замѣчательнаго—авторъ не поясняетъ. При томъ разстройствѣ, въ какомъ уже находилась французская армія при переходѣ черезъ Березину и послѣ онаго, высылка изъ нашей арміи не только Беннигсена, но хотя бы и многихъ другихъ генераловъ, не могла являться замѣчательною: она была совершенно безразлична для дальнѣйшаго хода военныхъ дѣлъ. Замѣчательнымъ въ этомъ распоряженіи Кутузова можно признать развѣ только то, что оно является прямымъ нарушеніемъ приказанія Государя Императора. Мы выше уже упомянули, что Императоръ Александръ 9 Октября 1812 г. разрѣшилъ Кутузову объявить Беннигсену, чтобы онъ выѣхалъ во *Владиміръ*. Кутузовъ же 15 ноября 1812 г. изъ м. *Круглое* приказываетъ ему „по причинѣ болѣзненныхъ его припадковъ, съ полученіемъ сего, отправиться *въ Калугу*, гдѣ и ожидать дальнѣйшаго вашего назначенія отъ Его Императорскаго Величества" [1]). Но Беннигсенъ этимъ не особенно смутился, какъ человѣкъ, убѣжденный въ правотѣ своего дѣла. Онъ препроводилъ полученное имъ предписаніе на другой же день, 16-го ноября, Государю Императору въ Петербургъ и удостоился получить отъ Государя рескриптъ отъ 1 Декабря 1812 г., въ которомъ „сожалѣя о всемъ происшедшемъ между Беннигсеномъ и фельдмаршаломъ", Императоръ приглашалъ Беннигсена обождать его на дорогѣ „гдѣ Я предполагаю переговорить съ вами и передать вамъ Мои намѣренія въ отношеніи къ вамъ".

Послѣ этого, т. е. уже послѣ 1-го Декабря, Беннигсенъ уѣхалъ изъ арміи и встрѣтился въ Порховѣ съ Государемъ, который призналъ необходимымъ лично отправиться въ армію, не разсчитывая на исполнительность Кутузова, и выѣхалъ изъ С.-Петербурга 7 (19) Декабря въ армію, въ открытыхъ саняхъ на тройкѣ. Въ Вильнѣ 11 (23) Декабря встрѣтилъ его Кутузовъ въ парадной формѣ со строевымъ рапортомъ. По словамъ Вильсона, Императоръ выразилъ, что фельдмаршалъ *ничего* не исполнилъ изъ того, что слѣдовало сдѣлать, не предпринялъ противъ непріятеля *ничего* такого, къ чему бы *онъ не былъ буквально вынужденъ* обстоятельствами. Онъ побѣждалъ всегда только противъ воли и т. д. (см. Шильдеръ, т. III, стр. 134). О разговорѣ Беннигсена съ Императоромъ свѣдѣній не имѣется, но очень скоро, именно въ началѣ 1813 года, Беннигсенъ былъ назначенъ начальникомъ формируемой въ герцогствѣ Варшавскомъ резервной арміи (такъ называемой *польской*), которая въ концѣ августа 1813 г. перешла р. Одеръ и принимала значительное участіе въ битвѣ народовъ подъ Лейпцигомъ 6 (18) октября.

П. Майковъ.

---

[1]) Нельзя не замѣтить, что, донося объ этомъ распоряженіи Его Величеству, Кутузовъ пишетъ: по случаю болѣзненныхъ припадковъ генерала Беннигсена и *разныхъ другихъ обстоятельствъ*, предписалъ я ему и т. д. „(Богдановичъ, т. III, стр. 482)."

ПИСЬМО XI.

Вильна, Февраль 1813 года.

Дѣйствія арміи адмирала Чичагова. Соединеніе его съ генераломъ Тормасовымъ. Письмо Кутузова. Движеніе на р. Стырь. Приказанія, доставленныя Чернышевымъ. Движеніе на Минскъ и сдѣланныя Чичаговымъ распоряженія. Движеніе на Борисовъ и дѣйствія на р. Березинѣ.

Въ этомъ письмѣ я намѣреваюсь сообщить Вамъ подробности военныхъ дѣйствій адмирала Чичагова съ его, такъ называемою, Молдавскою арміею. Пользуюсь при этомъ преимущественно изложеніемъ, составленнымъ адмираломъ по моей о томъ просьбѣ.

Вамъ извѣстно уже изъ моихъ писемъ прошлаго года, что первоначально имѣлось намѣреніе означенную армію, послѣ заключенія мира съ турками, отправить въ Далмацію, для диверсіи. Могущія встрѣтиться при этомъ большія затрудненія всякаго рода, какъ напр., въ продовольствіи арміи въ 40 т. человѣкъ и затѣмъ признаніе очевидной надобности въ этой арміи для усиленія войскъ, прикрывающихъ, подъ начальствомъ генерала Тормасова, Вильну и дѣйствующихъ въ тылу французской арміи, побудили благоразумно отказаться отъ этого плана. Эта молдавская армія, покинувъ берега Дуная, совершила, какъ мнѣ писалъ адмиралъ Чичаговъ, слѣдующее.

25 іюля (6 августа) Чичаговъ, по его словамъ, удостоился получить приказаніе Государя Императора идти на соединеніе съ арміею генерала Тормасова, т. е. принять направленіе діаметрально-противоположное тому, для котораго, на основаніи предшествовавшихъ приказаній, были сдѣланы различныя распоряженія всякаго рода, какъ физическія или матеріальныя, такъ и нравственныя. „Въ нѣсколько дней я выступилъ въ походъ, пишетъ Чичаговъ, и, несмотря на страшныя жары и затѣмъ различныя, встрѣченныя мною, препятствія отъ разлива рѣкъ въ этой странѣ, армія моя 28 августа (9 сентября) перешла Днѣстръ, а 6 (18) сентября находилась близъ Луцка у береговъ р. Стыри, гдѣ и соединилась съ арміею генерала Тормасова, имѣвшаго предъ собою австро-саксонскія войска подъ начальствомъ князя Шварценберга, который прекратилъ свое преслѣдованіе послѣ приближенія моей арміи.

„Дунайская или Молдавская армія въ то время состояла изъ неполныхъ четырехъ дивизій; для полнаго укомплектованія ея требовалось отъ 12 до 15 тысячъ рекрутъ, которыхъ я неоднократно пытался взять изъ депо, проходя по Херсонской губерніи, но могъ получить только послѣ моего прихода въ Брестъ. Обязанный выступить немедленно въ Минскъ, я этихъ рекрутъ не взялъ, и они не подошли ко мнѣ во всю кампанію. Во время моего перехода изъ Валахіи къ берегамъ Стыри, я насчитывалъ у себя людей, дѣйствительно находящихся въ строю, около 30 т. человѣкъ всѣхъ родовъ оружія. У Тормасова находилось около 20—25 тысячъ человѣкъ. Князь Шварценбергъ и генералъ Ренье имѣли свыше 40 т. человѣкъ, т. е. около 30 т. австрійцевъ, 12 т. саксонцевъ и нѣсколько польскихъ войскъ. Они, занимая все теченіе р. Стыри, стояли противъ насъ, но въ нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи; посты, расположенные во Владимірѣ и Устьлугѣ, могли быть легко поддержаны войсками, составлявшими гарнизонъ въ Замостьѣ. Мы имѣли большой постъ въ Мозырѣ, занимаемый генералъ-лейтенантомъ Эртелемъ, съ отрядомъ въ 15 т. человѣкъ.

„Во время свиданія моего съ генераломъ Тормасовымъ 6 (18) и затѣмъ 9 (21) сентября, мы съ нимъ сговорились, что сдѣлаемъ одновременно нападеніе на непріятеля, если онъ намѣренъ насъ ожидать; если же онъ отступитъ,—то будемъ его преслѣдовать. Въ это самое время мы получили извѣстіе о назначеніи кн. Кутузова главнокомандующимъ надъ всѣми нашими арміями. Несмотря на всѣ выгоды, могущія послѣдовать отъ этого единства власти, выборъ самаго лица показался, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно страннымъ. Слишкомъ хорошо знали слабости этого лица и его взгляды и не ожидали отъ него много хорошаго. Въ письмѣ его, мнѣ написанномъ, отъ 14 (26) августа, Кутузовъ сообщалъ, что французы, сосредоточивъ всѣ свои силы, находились между Смоленскомъ и Москвою; что наши арміи стоятъ въ Дорогобужѣ; что онъ не знаетъ въ точности, гдѣ находится армія генерала Тормасова; что, по его предположенію, я долженъ быть близъ Днѣстра, но все еще въ Молдавіи и т. д. Къ этому онъ добавлялъ, что теперь не время думать объ отдаленныхъ диверсіяхъ и что самое существенное—дѣйствовать на правый флангъ непріятеля, что̀ является единственнымъ средствомъ остановить его стремительность и т. д.

„Такъ какъ я уже покинулъ Молдавію и Валахію, то и не думалъ о диверсіяхъ, которыя предполагалось совершить въ этой сторонѣ на югѣ Европы. Но что разумѣлъ его сіятельство подъ словами *„правый флангъ непріятеля“*? Изъ 29-го французскаго бюллетеня было извѣстно, что Императоръ Наполеонъ называлъ правымъ флангомъ французской арміи корпуса, находившіеся подъ

начальствомъ князя Шварценберга, генерала Ренье и Домбровскаго. Принимая означенное выраженіе въ этомъ смыслѣ, мы все уже исполнили, потому что эти войска нисколько не безпокоили фельдмаршала. Первые два изъ означенныхъ корпусовъ находились передъ нами, а Домбровскій – передъ Бобруйскомъ и генераломъ Эртелемъ. Если же князь Кутузовъ имѣлъ намѣреніе направить насъ на правый флангъ французской арміи, находившейся подъ непосредственнымъ начальствомъ Наполеона, то какъ намъ это исполнить, принявъ въ соображеніе разстоянія, насъ отдѣлявшія, и различныя, могущія намъ представиться вѣроятныя затрудненія? Если даже австро-саксонская армія и не являлась достаточнымъ препятствіемъ, чтобы помѣшать намъ покинуть занимаемое нами положеніе, то разстояніе, которое намъ предстояло пройти отъ Луцка до Москвы,—гдѣ стояли французы,—исключало всякую возможность для насъ явиться на правомъ флангѣ французской арміи во-время.

„Наконецъ, 10 (22) сентября мы переправились черезъ Стырь въ трехъ мѣстахъ, для этого избранныхъ. Непріятель произвелъ 10 (22)сентября усиленную реконосцировку тѣхъ мѣстностей, гдѣ были наведены наши мосты и принялъ затѣмъ мѣры къ своему отступленію. Мы направились на Порѣцкъ, Владиміръ, Лохачи, Торчинъ, возложивъ на особый отрядъ обязанность наблюдать за дорогою въ Ковель.[1]) Непріятель отступалъ во всѣхъ мѣстахъ и въ замѣчательномъ порядкѣ. Багажъ и возы его были всѣ отправлены заранѣе; все обременяющее движеніе арміи, доведено до минимума; всѣ переправы чрезъ Турію и Бугъ подготовлены заранѣе, при чемъ были устроены мостовыя укрѣпленія. Сдѣлавъ только два перехода, мы настигли въ Лохачи 11 (23) сентября къ вечеру отрядъ польскихъ войскъ, который былъ скоро опрокинутъ на всѣхъ пунктахъ и самое мѣстечко нами занято. Мы преслѣдовали поляковъ до деревни Павловичи, которую они защищали, пользуясь домами деревни. Ночь благопріятствовала ихъ дальнѣйшему отступленію; мы захватили въ плѣнъ человѣкъ пятьдесятъ, все молодыхъ поляковъ изъ герцогства Варшавскаго. Наша потеря состояла въ одномъ офицерѣ Бѣлорусскаго гусарскаго полка и одномъ рядовомъ того же полка и около двадцати раненыхъ.

„12 (24) числа мы были принуждены сдѣлать дневку, въ ожиданіи прибытія фуража, а также потому, что генералъ Тормасовъ пожелалъ видѣться со мною, получивъ съ курьеромъ письмо отъ фельдмаршала. Я отправился въ его главную квартиру, гдѣ онъ мнѣ и сообщилъ о полученномъ имъ приказаніи оставить Волынь

[1]) Чичаговъ переправился чрезъ р. Стырь въ различныхъ мѣстахъ и шелъ по различнымъ дорогамъ. Рѣка Турія течетъ съ Юга и впадаетъ въ Припеть. При этой рѣкѣ г. Ковель.

и двинуться къ главной арміи, въ виду того, что французы рѣшили повести рѣшительный ударъ на Москву. Мы оба очень хорошо сознавали, что коль скоро генералъ Тормасовъ съ его войсками оставитъ меня, я окажусь слабымъ и подвергнусь тѣмъ же самымъ опасностямъ и неудачамъ, которыхъ онъ избѣгнулъ, благодаря прибытію моей арміи къ нему. Впрочемъ, онъ подошелъ бы къ главной арміи слишкомъ поздно, чтобы оказать ей какую либо пользу, между тѣмъ какъ навѣрно разстраивалъ наши совмѣстно начатыя съ нимъ военныя дѣйствія, цѣлью которыхъ было заставить непріятеля очистить обѣ губерніи, наиболѣе плодородныя въ Польшѣ, вытѣснить его изъ нашихъ предѣловъ или же принудить къ сраженію, въ которомъ онъ численностію былъ слабѣе насъ. Генералъ Тормасовъ рѣшилъ не покидать меня до тѣхъ поръ, пока французы будутъ на Волыни. Чрезъ нѣсколько дней мною было получено новое приказаніе отъ фельдмаршала, которымъ мнѣ предписывалось идти къ главной арміи, а генералу Тормасову оставаться.[1]) Тѣмъ временемъ Императоръ Наполеонъ еще подвинулся впередъ и находился уже въ нѣсколькихъ переходахъ отъ древней столицы, спасти которую взялъ на себя фельдмаршалъ. Но я также не оказался неблагодарнымъ; я остался, чтобы не покидать генерала Тормасова, армія котораго иначе была бы разбита или отброшена во внутреннія губерніи и принуждена очистить наши южныя польскія губерніи. Предположимъ, прежде всего, что генералъ Тормасовъ направился бы по полученнымъ имъ приказаніямъ. Ему, по новому распоряженію слѣдовало бы затѣмъ возвратиться, а мнѣ, въ свою очередь, двинуться по его же дорогѣ. Я стоялъ немного восточнѣе отряда Тормасова; казалось, что фельдмаршалъ намѣревался заставить насъ протанцовать менуэтъ предъ Шварценбергомъ, въ то время, какъ онъ самъ галопомъ бѣжалъ чрезъ Москву передъ Наполеономъ.

„Съ 24 авг. (5 сент.) по 21 сент. (2 окт.) мы продолжали преслѣдовать непріятеля до деревни Орхавки почти напротивъ Влодавы, гдѣ онъ переправился чрезъ р. Бугъ. Въ это самое время[2]), адъютантъ Его Величества, полковникъ Чернышевъ доставилъ мнѣ новыя приказанія, которыми мнѣ предписывалось изъ деревни Остроса направиться на Пинскъ, куда мнѣ должно прибыть непремѣнно 25 сентября (6 октября). Главнѣйшею цѣлью всей этой операціи было прикрытъ мое движеніе арміею генерала Тормасова, выиграть нѣсколько переходовъ надъ генералами Шварценбергомъ и Ренье, направляясь изъ Пинска на Несвижъ и Минскъ съ тѣмъ чтобы опередить ихъ въ означенныхъ двухъ мѣстахъ и совершенно отрѣзать отъ Минской губерніи, отъ Березины и великой

[1]) То же самое говоритъ и М. Богдановичъ, см. т. II стр. 450.

[2]) Чернышевъ прибылъ къ Чичагову 17 (29) Сентября въ Любомль (см. Богдановичъ т. II стр. 450).

французской арміи. Я долженъ былъ прибыть въ Несвижъ никакъ не позже 1 (13) октября и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Послѣ этого, возстановивъ сообщеніе съ арміею Тормасова, усилить ее, если это необходимо, отрядомъ войскъ, бывшихъ подъ моимъ начальствомъ и привести ее въ состояніе преслѣдовать Шварценберга и Ренье и изгнать ихъ изъ предѣловъ нашего отечества.

„9 (21) Октября, никакъ не позже, говорилось въ предписаніи и даже ранѣе, если только возможно, вы займете Минскъ съ большею частію ввѣренныхъ вамъ войскъ и въ тотъ же день къ вамъ присоединиться отрядъ войскъ изъ Мозыря, подъ начальствомъ генерала Эртеля. Затѣмъ вы, какъ можно скорѣе, займете теченіе р. Березины и городъ Борисовъ, гдѣ устроите укрѣпленный лагерь, займете лѣса и деревни, лежащія по дорогѣ изъ Борисова до Бобра, укрѣпите всѣ мѣста, которыя къ тому пригодны, чтобы непріятель при своемъ возвращеніи встрѣчалъ бы на каждомъ шагу затрудненія въ своемъ движеніи, въ то время, какъ его преслѣдовала бы наша главная армія. Съ другой стороны, 15 (27) октября вы войдете въ соединеніе съ арміею графа Витгенштейна (со стороны Докшицъ), что усилитъ вашу коммуникаціонную линію, [1]) самую прямую съ Петербургомъ и Кіевомъ. Вы составите, такимъ образомъ, центръ трехъ соединенныхъ армій, имѣя при томъ еще четвертую въ резервѣ на Вислѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Штейнгеля. Сообразно съ событіями, послѣдующими въ главной арміи, о которыхъ нельзя ничего вамъ сообщить положительнаго, вы будете готовы разсѣять непріятеля, или на лѣвомъ флангѣ, по другую сторону рѣки Улы, или въ центрѣ, въ Борисовѣ и у Березины, или же на правомъ флангѣ со стороны Бобруйска. Ваши соединенныя арміи должны съ величайшею поспѣшностію и рѣшительностію двинуться или на центръ или на одинъ изъ фланговъ, словомъ, на тотъ пунктъ, гдѣ непріятель обнаружитъ попытку пройти, съ тою цѣлію, чтобы не только ни одна часть великой арміи французовъ не перешла бы нашу границу, но даже курьеры и шпіоны не могли нигдѣ проскользнуть и чтобы непріятельская армія, столь далеко зашедшая, ослабленная переходами и усталостію, была бы совершенно истреблена до выхода ея изъ предѣловъ нашего отечества“. [2])

„Въ то же время предписывалось графу Витгенштейну атаковать Полоцкъ, соединиться затѣмъ съ корпусомъ генерала Яшвиля и дѣйствовать съ наибольшею поспѣшностію на корпусъ Удино; его надлежало истребить или отбросить на корпусъ генерала Штейнгеля, который въ это время долженъ находиться около Видзы и Свѣнцянъ. „Такимъ образомъ, отрѣзавъ Удино и прикрывъ, говорилось

[1]) См. также у Богдановича т. II стр. 607, приложеніе.

[2]) См. тоже у Богдановича, томъ II ст. 608.

въ приказаніи, вашъ флангъ войсками графа Штейнгеля, вы направитесь съ величайшею поспѣшностію въ Докшицы, гдѣ вы можете быть 15 (27) октября и затѣмъ, установивъ сообщенія съ Минскомъ и соединившись съ генераломъ Чичаговымъ, перейдя Березину, вы займете Лепель и все теченіе р. Улы, начиная отъ Березины до самаго мѣста впаденія ея въ Двину". [1]) Таковы были инструкціи, полученныя изъ Петербурга.

„Изъ этихъ инструкцій можно усмотрѣть, что главная цѣль моихъ дѣйствій состояла въ томъ, чтобы собрать большія силы вдоль теченія р. Березины, а затѣмъ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ, и пользоваться всякимъ случаемъ наносить наибольшій вредъ непріятелю. Фельдмаршалъ, сообщая мнѣ означенныя инструкціи Его Величества, ничего не добавлялъ отъ себя, кромѣ того, что считалъ несостоявшимися всѣ его приказанія ко мнѣ, посланныя ранѣе этого.

„22 сентября (4 октября), принявъ начальство надъ обѣими арміями, я направился на Брестъ, [2]) гдѣ нашелъ всю австро-саксонскую армію, за исключеніемъ отряда генерала Мора, котораго я преслѣдовалъ. Потерявъ пять офицеровъ и до ста человѣкъ, этотъ отрядъ укрылся чрезъ Кобринъ въ Пружаны. За время же всего моего преслѣдованія, непріятель потерялъ около 2500 человѣкъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ.

„Нѣсколько разъ онъ, повидимому, ожидалъ сраженія, но въ дѣйствительности постоянно отъ него уклонялся. Въ Брестѣ этотъ отрядъ еще усилился; но въ самый день, назначенный для атаки, французы, воспользовавшись туманомъ, скрывавшимъ всѣ движенія ихъ войскъ, переправились чрезъ Бугъ и очистили, такимъ образомъ, всю Волынь.

„Я далъ войскамъ моимъ нѣсколько дней отдыха въ Брестѣ [3]) и занялся въ то время составленіемъ плана дальнѣйшаго движенія, мнѣ предстоявшаго, чтобы достигнуть результатовъ наиболѣе соотвѣтствующихъ даннымъ мнѣ вышеизложеннымъ инструкціямъ. Я рѣшился оставить довольно значительный отрядъ во Владимірѣ, чтобы охранять вступленіе въ Волынь со стороны Замостья; численность этого отряда доходила до 5000 человѣкъ; часть войскъ, оставшихся позади, а также вышедшихъ изъ больницъ, послужили для его составленія.

Я понималъ, что, оставленный въ Брестѣ наблюдательный отрядъ, чтобы сдерживать князя Шварценберга, легко могъ бы оказаться недостаточнымъ. Выславъ часть своихъ войскъ противъ этого отряда, Шварценбергъ, съ остальною арміею, могъ стѣснить

[1]) Тамъ-же, стр. 610.

[2]) Брестъ-Литовскій, на той же рѣкѣ Зап. Бугъ, что и Влодава.

[3]) Г. Богдановичъ говоритъ (т. II стр. 455), что Чичаговъ оставался въ Брестѣ въ бездѣйствіи двѣ недѣли, стараясь собрать запасы.

мое движеніе на Минскъ, являвшееся для меня главною цѣлью, какъ скоро была уже выполнена часть инструкціи объ изгнаніи союзной арміи и о соединеніи нашихъ обѣихъ армій. Чтобы дѣйствовать съ наибольшею обезпеченностію въ столь критическомъ положеніи, я рѣшился оставить отрядъ въ 17,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ лейтенанта Сакена, какъ старшаго изъ генералъ-лейтенантовъ, бывшихъ въ Брестѣ. Другой отрядъ, въ 10 тыс. человѣкъ я поставилъ на дорогѣ въ Пружаны, предоставивъ и его также въ распоряженіе генерала Сакена, въ случаѣ, если бы ему представилась необходимость притянуть оный къ себѣ, а до этого означенный отрядъ долженъ былъ поддерживать сообщенія между нимъ и мною. Всѣ эти войска, численностію въ 27 тыс. человѣкъ, и отрядъ во Владимірѣ были подчинены генералу Сакену, получившему приказаніе охранять Волынь отъ всякаго вторженія непріятеля и, въ особенности, препятствовать ему слѣдовать за мною, сдѣлавъ въ послѣднемъ случаѣ сильное на него нападеніе. Съ остальными войсками въ 25.000 человѣкъ я двинулся на Минскъ, отдавъ приказаніе генераламъ: Эртелю направиться по данному мною маршруту въ Игуменъ въ тотъ день, какъ я прибуду въ Минскъ, и Лидерсу—придти ко мнѣ на соединеніе въ Минскъ. Лидерсъ имѣлъ при себѣ отрядъ въ 3 тыс. человѣкъ, составленный изъ отставшихъ и изъ собранныхъ по польскимъ госпиталямъ солдатъ. Онъ очень хорошо исполнилъ данное ему приказаніе. Эртель же не двинулся, а простоялъ все время въ Мозырѣ до тѣхъ поръ, пока я его не отстранилъ и возложилъ командованіе его отрядомъ на генералъ-маіора Тучкова. Дѣлая всѣ эти приготовленія къ моему дальнѣйшему движенію, я выслалъ также нѣсколько отрядовъ для вторженія въ герцогство Варшавское; эти небольшіе отряды подошли даже къ стѣнамъ Варшавы, истребляя хлѣбные магазины и всякіе склады, захватывая плѣнныхъ и взимая контрибуціи. Одинъ изъ отрядовъ, подъ начальствомъ генерала Чаплица, проникъ до Слонима, гдѣ застигъ и захватилъ въ плѣнъ цѣлый гвардейскій уланскій полкъ, составленный изъ польскихъ дворянъ, вмѣстѣ съ генераломъ Конопкою, занимавшимся формированіемъ этого полка.

„Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, я выступилъ изъ Бреста 15 (27) октября по дорогѣ на Пружаны, Ружаны, Слонимъ и Минскъ. Прибывъ въ Слонимъ, я узналъ, что князь Шварценбергъ слѣдуетъ за нами и что его авангардъ уже въ Волковыскѣ. Дѣйствительно, Шварценбергъ, увидѣвъ, что я оставилъ передъ нимъ только наблюдательный отрядъ, ввѣренный генералу Сакену, отрядилъ противъ него Саксонскія войска генерала Ренье, а самъ двинулся за мною. Но Сакенъ удачно атаковалъ саксонцевъ, которые, скоро замѣтивъ свою слабость, обратились съ просьбою о помощи къ

Шварценбергу.[1]) Это побудило послѣдняго вернуться и оба означенные генерала на время не пожелали меня болѣе преслѣдовать.

„Изъ Слонима я послалъ полковника Чернышева съ однимъ казачьимъ полкомъ открыть сообщеніе между мною и корпусомъ графа Витгенштейна, увѣдомить послѣдняго о моемъ движеніи на Минскъ и Борисовъ и предложить ему сдѣлать съ его стороны все возможное для ускоренія нашего соединенія чрезъ Новый Лепель по лѣвой сторонѣ Березины, какъ это было сказано въ инструкціи. Это порученіе Чернышевымъ было исполнено, но наше соединеніе не состоялось, потому что, вмѣсто того, чтобы взять вправо, графъ взялъ влѣво и чрезъ это очутился не впереди непріятеля при переправѣ чрезъ Берелину, а въ хвостѣ его.

„Прибывъ въ Несвижъ 30 окт. (11 ноября) я узналъ, что генералъ Косецкій съ его дивизіею, входившею въ составъ корпуса Домбровскаго, занимаетъ мостъ на Нѣманѣ у Новосвержина.[2]) Я немедленно послалъ туда Ламберта съ дивизіею и нѣкоторыми другими войсками, который настигъ непріятеля, его разсѣялъ и до того сильно преслѣдовалъ, что поляки принуждены были отступить, не успѣвъ разрушить мостъ и даже оставивъ одно орудіе. Генералъ Ламбертъ, обезпечивъ такимъ образомъ арміи переходъ чрезъ Нѣманъ, безъ чего движеніе ея было бы значительно замедлено, продолжалъ преслѣдовать непріятеля, и, настигнувъ его у Кейдановo,[3]) уничтожилъ весь отрядъ, захватилъ двѣ пушки, 60 офицеровъ и болѣе 2000 рядовыхъ. Усиленными маршами мы двинулись на Минскъ, который и занялъ мой авангардъ 4 (16) ноября, а затѣмъ, 5 (17) числа я вступилъ въ городъ.

„Во все это время я получилъ нѣсколько писемъ отъ фельдмаршала, но никакихъ разъясненій о томъ, что мнѣ предстояло дѣлать и никакихъ указаній, какія мѣста наиболѣе существенныя я долженъ занять; онъ ничего не упоминалъ о переправѣ чрезъ Березину, ни о мостовомъ укрѣпленіи предъ Борисовымъ, которымъ я долженъ былъ овладѣть, хотя всѣ инженеры, бывшіе при этихъ работахъ, а также наиподробнѣйшія карты находились у него въ главной квартирѣ. Меня всего болѣе безпокоило, то, что полагая преслѣдовать по пятамъ французовъ, Кутузовъ мнѣ сообщалъ, что они намѣреваются, повидимому, двинутся въ Украйну и что мнѣ необходимо усилить гарнизонъ въ Кіевѣ; это послѣднее меня значительно ослабило-бы, если бы я не ограничился направить въ Кіевъ только нѣсколько баталіоновъ рекрутъ изъ депо, которые не могли бы ко мнѣ подойти.

---

[1]) См. соч. Богдановича т. III стр. 208. Въ Слонимѣ Чичаговъ 25 октября получилъ извѣстіе объ отступленіи Наполеона изъ Москвы и увидѣлъ необходимость спѣшить къ р. Березинѣ (тамъ же стр. 219).

[2]) Къ сѣверу отъ Несвижа, по дорогѣ изъ Слуцка въ Новогрудокъ.

[3]) См. у Богдановича т. III стр. 224—25.

„Мнѣ нельзя было терять времени. Я приказалъ авангарду выступить впередъ 7 (19) ноября, и усилилъ его двумя полками и одною тяжелою артиллерійскою ротою. 8 (20) Ноября вся моя армія выступила тремя колоннами. Одна слѣдовала за авангардомъ и направлялась на Борисовъ; другая шла на Зембинъ, имѣя приказаніе истреблять мосты и паромы, если таковые встрѣтятся на Березинѣ; это было поручено генералу Чаплицу. Третья колонна шла на Игуменъ, а оттуда къ Березинѣ, по самой кратчайшей дорогѣ. Въ Борисовѣ польскій генералъ Домбровскій занималъ мостовое укрѣпленіе отрядомъ въ 7—8 тысячъ. Послѣ упорнаго и продолжительнаго сраженія въ теченіи цѣлаго дня 9 (21) ноября, дивизія Ламберта приступомъ овладѣла мостовыми укрѣпленіями. Непріятель потерялъ около 3 т. человѣкъ убитыми и ранеными, семь орудій и одно знамя. Часть его войскъ ушла чрезъ Борисовъ и это была наибольшая; другая, направившись вдоль Березины, была захвачена нашею колонною, шедшею изъ Минска на Игуменъ. Занятіе нами Борисова и главнаго перехода черезъ рѣку было слѣдствіемъ этой побѣды. На другой день я произвелъ рекогносцировку и убѣдился въ невозможности устроить укрѣпленный лагерь у Борисова. Мнѣ оставалось еще осмотрѣть столь восхваляемые дефилэ, со стороны р. Бобра. Я всего болѣе заботился о соединеніи съ корпусомъ Витгенштейна, который не показывался, однако. Все это вмѣстѣ побудило меня выслать отрядъ впередъ, чтобы добыть свѣдѣніе или объ отдаленіи отъ насъ французовъ или объ ихъ приближеніи. Посланный для этого отряда едва прошелъ 12 верстъ, какъ встрѣтилъ голову первой колоны великой арміи Наполеона, подходившей къ Борисову. Отрядъ мой принужденъ былъ отступить къ Борисову; мостъ чрезъ рѣку былъ очень длинненъ и узокъ, такъ что нѣкоторыя наши повозки, бывшія позади, попали въ руки французовъ. Мы потеряли, при этомъ сотню людей, но ни одного орудія: весь отрядъ состоялъ изъ 2000 человѣкъ, не болѣе.

„Теперь я раздѣлилъ мою армію на нѣсколько отдѣльныхъ частей, чтобы охранять переправы черезъ Березину; самая главная находилась въ мостовомъ укрѣпленіи, центральной позиціи, которая дѣлала удобными и быстрыми мои движенія въ разныя стороны.

„Слѣдующіе дни: 11 (23), 12 (24) и 13 (25) ноября не было никакого движенія,—обѣ стороны наблюдали другъ за другомъ.

„Прибывшій въ эти дни отъ фельдмаршала курьеръ доставилъ извѣстіе, что французы имѣютъ намѣреніе двинуться на Игуменъ, чтобы стать на дорогу въ Минскъ. [1]) Я долженъ былъ, конечно,

[1]) Это извѣстіе привезъ Чичагову поручикъ Орловъ 11 (23) ноября—см. Богдановичъ т.III стр. 224.

вѣрить свѣдѣнію, сообщаемому мнѣ фельдмаршаломъ и считать это письмо его приказаніемъ для меня. Съ цѣлью рисковать всего менѣе, я въ тотъ же день двинулся вправо, на Шабаневичи, съ однимъ корпусомъ Войнова, чтобы быть ближе къ мѣсту дѣйствія, если таковое представиться въ этотъ день.

„14 (26) Ноября французы сдѣлали видъ, будто намѣрены навести мостъ въ Ухолодѣ и серьезно работали по устройству переправы у Зембина. Французская армія, соединившись съ корпусами Виктора и Удино, получила чрезъ это подкрѣпленіе въ 20 т. человѣкъ и насчитывала всего около ста тысячъ человѣкъ при значительной артиллеріи. Съ этими силами Наполеонъ появился у Березины. Эта рѣка мѣстами была покрыта льдомъ; въ другихъ же можно было пройти ее въ бродъ, такъ что защита переправы на протяженіи болѣе ста верстъ требовала несравненно болѣе значительныхъ силъ, нежели находившіяся въ моемъ распоряженіи. Я былъ одинъ съ моими войсками; Эртель и Витенштейнъ не подошли еще. Великая армія Наполеона находилась въ десяти дняхъ пути отъ того мѣста, гдѣ должна была сосредоточиться въ полномъ составѣ.

„Въ числѣ 25.000 состоявшихъ у меня солдатъ, насчитывалось съ трудомъ 16 т. пѣхоты, которыхъ и надо было разставить на протяженіи ста верстъ, поросшихъ лѣсомъ. Сильные морозы сдѣлали совершенно проходимыми чрезвычайно болотистыя берега рѣки и тѣмъ облегчили Наполеону переправу. Корпусъ французской пѣхоты имѣлъ возможность занять лѣса, покрывающіе лѣвый берегъ Березины и тѣмъ затруднялъ намъ препятствовать переправѣ французской арміи, совершаемой ею подъ защитою сильныхъ артиллерійскихъ батарей, выставленныхъ на прилегающихъ высотахъ. Это побудило дивизію Чаплица покинуть лѣсъ послѣ горячаго боя, продолжавшагося до 10 часовъ вечера.

„15 (27) Ноября весь день прошелъ въ сборѣ различныхъ корпусовъ и отрядовъ, расположенныхъ вдоль рѣки; къ вечеру этого же дня раздались въ тылу французовъ пушечные выстрѣлы подходившаго корпуса Витегенштейна. Намъ удалось установить съ нимъ сообщеніе и согласиться о совмѣстной атакѣ на слѣдующій день. Выдержавъ очень сильный бой весь день 16 (28) ноября съ войсками, занимавшими лѣса, французы подъ конецъ отступили и потеряли одно орудіе; мы настигли ихъ армію въ томъ мѣстѣ, гдѣ она собиралась переправляться. Въ тоже время Витгенштейнъ атаковалъ французскій арріергардъ, въ занятой имъ позиціи на другой сторонѣ рѣки. По приказанію Наполеона мостъ былъ разбитъ, отрядъ французовъ въ 7000 человѣкъ былъ принужденъ сдаться въ плѣнъ; часть артиллеріи, а также огромный обозъ съ упряжными лошадьми остались на правомъ берегу рѣки, не считая

9000 человѣкъ убитыми и безчисленнаго количества утонувшихъ въ рѣкѣ, при попыткѣ пройти по льду, послѣ того, какъ мосты были сломаны; они всѣ исчезли подо льдомъ. На лѣвомъ берегу рѣки французы покинули шесть орудій. Мы потеряли въ этомъ дѣлѣ отъ 4-хъ до 5-ти тысячъ человѣкъ. Французскіе кирасиры потеряли два штандарта.

„17 (29) Ноября утромъ не видно было уже французовъ; они двинулись къ Зембину [1]). Болота всѣ промерзли; дефилеи и рѣки не представляли затрудненій для прохода по нимъ. Французы могли причинить намъ очень большой вредъ, еслибы двинулись по дорогѣ на Минскъ; мнѣ одному было рѣшительно невозможно имъ противиться. Къ счастью для насъ, они объ этомъ не подумали, ибо слишкомъ торопились уходить; главное, они не знали размѣра моихъ силъ. Я пустился преслѣдовать французскую армію, шелъ усиленнымъ переходами и захватилъ у французовъ множество плѣнныхъ и много орудій; мнѣ, наконецъ, удалось, истребить ихъ арріергардъ при Ошмянахъ. Послѣ этого отступленіе французовъ обратилось въ полное бѣгство; всѣ корпуса, всѣ дивизіи, всѣ полки перепутались и шли въ безпорядкѣ. Мы уже не трудились захватывать плѣнныхъ; отсталые, умирающіе, артиллерія, ружья, зарядные ящики, обозы, повозки покрывали дорогу, и великая французская армія была почти разсѣяна, не перейдя еще нашихъ границъ.

Вотъ все, что писалъ мнѣ Чичаговъ о своихъ дѣйствіяхъ; мнѣ остается дополнить весьма немного.

8 (20) Ноября, когда наша армія была въ Романовѣ, французы подходили къ Оршѣ. Нельзя не замѣтить, что, благодаря медленности въ движеніяхъ нашей арміи, Наполеонъ послѣ Краснаго значительно ушелъ впередъ, такъ что онъ безъ труда 13 (25) ноября очутился въ окрестностяхъ Борисова, гдѣ и соединился съ корпусами Виктора и Удино, которые доставляли ему 30,000 свѣжихъ войскъ, 3000 кавалеріи въ хорошемъ состояніи и до 300 орудій. Замѣтьте, что мы съ нашими войсками, бывшими въ несравненно лучшемъ состояніи, нежели войска французскія, имѣли возможность подойти къ Борисову не позже седьмого дня, т. е. 12 (24) ноября. Удино въ этотъ еще день дѣлалъ демонстраціи противъ Борисова, чтобы вселить убѣжденіе, что французская армія намѣревается совершить въ этомъ мѣстѣ переправу и овладѣть мостовымъ укрѣпленіемъ, оную защищавшимъ.

Вы уже видѣли, что адмиралъ Чичаговъ съ частью своей арміи двинулся вправо, къ деревнѣ Шабаневичи, невдалекѣ отъ Березины, на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ ему княземъ Кутузовымъ о намѣреніи Наполеона двинуться на Игуменъ. Чичаговъ оставилъ въ Игуменѣ графа Ланжерона; съ другою и большею

[1]) Зембинъ—селеніе на р. Березинѣ выше Борисова.

частью своей арміи, онъ сталъ въ Борисовѣ, откуда и былъ отряженъ генералъ Чаплицъ съ корпусомъ въ Брили, [1]) на правой сторонѣ Березины, противъ Студеницы, лежащей на лѣвомъ берегу этой рѣки, гдѣ Наполеонъ и сосредоточилъ свои силы. Между этими двумя мѣстами имѣется бродъ чрезъ рѣку; нѣкогда тутъ пролегала большая дорога, которая вела изъ Литвы въ Малороссію. По этой дорогѣ шелъ Карлъ XII, направляясь къ Полтавѣ. Надо полагать, что мѣстные жители доставили Наполеону свѣдѣнія объ этомъ мѣстѣ, которое онъ и избралъ для переправы. Видя, что Удино производитъ демонстраціи противъ мостового укрѣпленія у Борисова, генералъ Чаплицъ съ войсками покинулъ Брили и направился къ Борисову, гдѣ онъ могъ оказаться болѣе полезнымъ, какъ полагалъ. По его уходѣ для охраны переправы оставался въ Зембинѣ одинъ генералъ Корниловъ, имѣя при себѣ 400 человѣкъ изъ 28 пѣхотнаго егерскаго полка и четыре орудія и 130 казаковъ полка Мельникова. Начальникъ этого отряда, узнавъ отъ своихъ аванпостовъ о скопленіи непріятельскихъ войскъ у деревни Студеницы, послалъ немедленно въ Борисовъ донесеніе объ этомъ, откуда сообщили онос и главному начальнику. Тѣмъ временемъ, французы стали наводить мосты въ этомъ мѣстѣ, подъ прикрытіемъ сильныхъ батарей, выставленныхъ на высотахъ, господствующихъ надъ окрестностями. Генералъ Корниловъ изъ своихъ четырехъ орудій открылъ огонь по этому мѣсту, но его орудія были скоро подбиты. Не смотря на всю храбрость Корнилова, и рвеніе его доблестыхъ войскъ, онъ не могъ нисколько воспрепятствовать работамъ французовъ по устройству мостовъ, а затѣмъ и переправѣ ихъ войскъ. Маршалъ Удино 14 (26) ноября первый со своимъ корпусомъ перешелъ Березину и занялъ позицію, чтобы защищать мосты въ случаѣ нашего на нихъ нападенія. 15 (27) ноября продолжалась переправа французскихъ войскъ, причемъ безпорядокъ сталъ увеличиваться съ того времени, какъ Наполеонъ самъ перешелъ на другую сторону. Сдѣлалось общее смятеніе; все перемѣшалось, пѣхота, кавалерія, артиллерія, экипажи, обозы, женщины съ дѣтьми, и т. д. всѣ кидались, какъ пришлось, въ толпу, чтобы скорѣе пройти по мостамъ на другую сторону, въ особенности, когда услыхали пушечные выстрѣли позади себя. Эта свалка скоро обратилась въ кровопролитную; прибѣгали къ оружію, чтобы проложить себѣ дорогу къ мосту; множество было убито на самомъ мосту, немало сброшено съ моста въ воду; очень многіе пытались пройти по льду, который ломался, и люди гибли въ волнахъ. Послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ, совершенныхъ французами надъ собою при переправѣ, Наполеонъ приказалъ сломать мосты,

[1]) Брили—деревня на Березинѣ, выше г. Борисова; за нею еще выше лежитъ Зембинъ. Противъ Брили на другомъ берегу сел. Студянка или Студеница. Ниже Борисова по теченію Березины—Ломница, Ухолодъ, Уша.

что исполнили 17 (29) ноября утромъ, когда генералъ Партуно находился еще въ арріергардѣ корпуса Виктора съ отрядомъ въ 6 тысячъ человѣкъ по другую сторону рѣки; онъ былъ принужденъ положить оружіе и сдаться въ плѣнъ. Это же самое совершали и прочіе непріятельскіе отряды, къ которымъ приближались наши войска; тоже должно было быть участью всей французской арміи, еслибы только наша не уклонялась постоянно дѣйствовать массою тамъ, гдѣ должно было.

Адмиралъ Чичаговъ, получивъ рапортъ, что французы переправляются чрезъ Березину по ту сторону Борисова, немедленно двинулся къ этому мѣсту, приказавъ войскамъ, подъ начальствомъ графа Ланжерона, къ нему присоединиться, чтобы общими силами напасть на французскую армію.—Чичаговъ это и сдѣлалъ 15 (27) ноября, въ тотъ самый день, какъ Наполеонъ переправился чрезъ Березину. Онъ атаковалъ лѣсъ, покрывавшій берега рѣки по лѣвой сторонѣ моста, но французы до того сильно заняли этотъ лѣсъ, что не было возможности ихъ вытѣснить; кромѣ того, лѣсъ мѣстами былъ довольно рѣдокъ и представлялъ для кавалеріи возможность дѣйствовать. Этимъ воспользовались французскіе кирасиры и принудили отступить не только нашихъ казаковъ, но даже баталіонъ егерей, стоявшій отдѣльно. Эти атаки продолжались до глубокой ночи,—результатомъ ихъ было, что лѣсъ остался въ рукахъ французовъ, и маршалъ Удино удержалъ свою позицію. Адмиралъ Чичаговъ, имѣя 25 т. человѣкъ, не имѣлъ никакой возможности одолѣть французскую армію, имѣвшую свыше 90 т. человѣкъ.

16 (28) Ноября рано утромъ, Наполеонъ отступилъ по дорогѣ въ Вильну. Мостъ, находившійся на маленькой рѣкѣ Гойна, впадающей въ Березину, остался не сломаннымъ; это облегчило Наполеону его отступленіе; въ противномъ случаѣ, онъ вышелъ бы на дорогу въ Вильну не иначе, какъ сдѣлавъ большой обходъ. Пройдя означенный мостъ, Наполеонъ приказалъ его сжечь.

Генералъ Платовъ съ частью казаковъ прибылъ 14 (26) ноября къ Березинѣ, переправился черезъ рѣку влѣво отъ Борисова и присоединился къ арміи адмирала Чичагова, который сталъ преслѣдовать французовъ. Снова въ непріятельской арміи распространился ужасъ. Я выше упомянулъ, что въ корпусахъ Виктора и Удино порядокъ и дисциплина еще соблюдались въ рядахъ войскъ, но съ 16 (28) числа, когда началось отступленіе Наполеона по той сторонѣ Березины, всякая дисциплина исчезла и въ этихъ корпусахъ. Солдаты оныхъ, слѣдуя примѣру другихъ войскъ, терпѣвшіе наравнѣ съ ними всякія лишенія и видя приближеніе со всѣхъ сторонъ нашихъ казаковъ, позабыли и дисциплину и военный строй. Большая часть этой арміи до 90 т. человѣкъ шла въ раздробъ и безпорядкѣ, за исключеніемъ гвардіи, соблюдавшей ряды и поря-

докъ; большая часть солдатъ побросала ружья, одни,—чтобы скорѣе идти, другіе, не имѣя силы ихъ нести; у солдатъ исчезла всякая охота обороняться. Изъ всей многочисленной артиллеріи, вступившей въ Россію, весьма малое число орудій перешло обратно за предѣлы нашего отечества. Дороги, по которымъ проходила при своемъ отступленіи французская армія, были уже усѣяны умершими или увезенными изъ различныхъ госпиталей, умиравшими отъ болѣзней и ранъ, а также изнуренными отъ голода, усталости и холода. Морозы съ 8 (20) ноября сдѣлались не выносимыми. По всѣмъ дорогамъ валялись, кромѣ того, орудія, зарядные ящики, различное оружіе, всякаго рода повозки и пр. и пр., которые оставлялись на каждомъ переходѣ по недостатку лошадей, погибшихъ отъ изнуренія по дорогѣ. Французы, отступивъ отъ Березины, имѣли въ своемъ арріергардѣ корпусъ Виктора, ежедневно терявшій столько людей, что, дойдя до Ошмянъ,—въ верстахъ около 50-ти недоходя г. Вильны, этотъ корпусъ пересталъ существовать; всѣ его солдаты были или взяты въ плѣнъ или разсѣяны. Нельзя было сосчитать число французовъ, ежедневно забираемыхъ нами въ плѣнъ; перестали даже забирать людей безъ оружія, едва влачившихъ еще ноги и большею частью умиравшихъ на большой дорогѣ. Извѣстно, что въ одномъ городѣ Вильнѣ, было зарыто въ землю двадцать пять тысячъ французскихъ солдатъ, умершихъ на улицахъ этого города и въ его окрестностяхъ.

Мнѣ необходимо здѣсь сказать нѣсколько словъ о переходѣ французовъ черезъ Березину. Когда Наполеонъ, переправясь черезъ рѣку, двинулся на небольшой отрядъ генерала Корнилова, онъ сказалъ окружавшимъ его лицамъ: „Теперь мы еще Парижъ увидимъ“. Изъ этихъ словъ надо заключить, что онъ считалъ свое положеніе таковымъ, какимъ ему надлежало быть, то есть, что ему не предстояло уйти изъ Россіи, если бы каждый изъ насъ исполнилъ свою обязанность. Что сталось-бы съ Наполеономъ, если, прибывъ къ берегамъ Березины, онъ нашелъ бы тутъ войска адмирала Чичагова, соединенныя уже съ корпусами Витгенштейна и Эртеля, и готовыя преградить ему переправу, при чемъ вся наша главная армія приближалась одновременно вмѣстѣ съ нимъ къ той же рѣкѣ? Во все время отступленія Наполеона силы его отъ большой потери людей уменьшились до того, что у него осталось очень мало войска и къ чему бы послужили ему тогда корпуса Виктора и Удино, которые также подошли къ Березинѣ? Всѣ наши силы были бы сосредоточены въ томъ же самомъ мѣстѣ и Наполеонъ кромѣ того, былъ бы окруженъ 60 казачьими полками; все это являлось согласнымъ съ данными Императоромъ инструкціями нашимъ генераламъ. Кто-бы изъ французовъ могъ тогда ускользнуть отъ насъ?

Вамъ конечно извѣстно, генералъ, что, при полученіи извѣстія о переходѣ Наполеона чрезъ Березину и дальнѣйшемъ его отступленіи, всѣ вообще стали негодовать на адмирала Чичагова, утверждая, что онъ виною того, что Наполеонъ ускользнулъ отъ нашего плѣна. Заинтересованные въ томъ, чтобы этому вѣрили, старались всячески утверждать и поддерживать это возрѣніе, но я обращаюсь къ вамъ, какъ боевому человѣку, и знакомому изъ моей переписки со всѣми подробностями военныхъ дѣйствій, съ различными маршами, инструкціями и приказаніями Государя и предлагаю вамъ вопросъ; еслибы всѣхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ нашихъ военныхъ дѣйствій въ кампанію 1812 года, предали суду военной коммиссіи, то не были-ли бы самые безпристрастные суды принуждены признать адмирала Чичагова наиболѣе невиннымъ изъ всѣхъ начальниковъ армій, потому что онъ единственный исполнилъ въ точности данныя ему приказанія и предписанія; онъ единственный очутился на указанномъ ему мѣстѣ, т. е. на Березинѣ передъ французскою арміею, чтобы встрѣтить ее и воспротивиться ея переправѣ чрезъ Березину. Взгляните только на карту, гдѣ находились въ то время другіе начальники арміи, и въ особенности первая армія, заключавшая въ себѣ главныя наши силы?...

Чтобы остановить Наполеона, адмиралъ Чичаговъ долженъ былъ сосредоточить свои силы на томъ именно пунктѣ, который былъ избранъ для переправы, предполагая, что Чичаговъ угадалъ намѣренія Наполеона и двинулся бы со всѣми своими силами туда гдѣ онъ переправился. Наполеонъ, однако, могъ скоро измѣнить свое намѣреніе, искать другое мѣсто для переправы, по другую сторону Борисова, что не представляло ему затрудненій. Кромѣ того, что могъ сдѣлать Чичаговъ съ 25 т. человѣкъ противъ цѣлой арміи Наполеона, превышавшей конечно 90 т. человѣкъ?. Какъ могъ онъ занять все пространство, на которомъ непріятель могъ избрать любой пунктъ, чтобы навести мостъ чрезъ рѣку, при томъ неширокую, на что достаточно нѣсколько часовъ. Къ тому же Чичаговъ долженъ былъ оставить значительный отрядъ для защиты мостового укрѣпленія въ Борисовѣ. Я также вполнѣ убѣжденъ, что всѣ обвиненія, столь несправедливо возводимыя на адмирала Чичагова, могутъ быть признаваемы только временно и скоро узнаютъ, кто въ дѣйствительности является истиннымъ виновникомъ того, что Наполеонъ имѣлъ возможность перейти нашу границу. Очень замѣчательно также, что изъ всѣхъ его маршаловъ и главнѣйшихъ офицеровъ, находившихся не только при немъ въ его свитѣ, но также въ главной арміи, ни одинъ не былъ захваченъ нами. Это является доказательствомъ самымъ убѣдительнымъ, что французская армія во все время своего отступленія никогда не была очень стѣснена значительными наши-

ми силами, въ которыхъ мы недостатковъ не имѣли; мы имѣли, между прочимъ, шестьдесятъ казачьихъ полковъ, распредѣленныхъ по различнымъ арміямъ и корпусамъ, однако, очутившихся всѣ, хотя и разбросанными, при Березинѣ.

Наполеонъ, пройдя Сморгонь [1]), опередилъ свои войска и прибылъ въ Вильну. 25 ноября (6) дек. онъ остановился въ предмѣстьѣ Вильны на самое короткое время и, потребовавъ къ себѣ герцога Бассано (т. е. Марэ), чтобы переговорить съ нимъ, продолжалъ свой путь на Ковну. До этого мѣста его сопровождалъ эскадронъ польской кавалеріи, но въ окрестностяхъ Вильны польская кавалерія была истреблена. Тутъ уже французская армія лишилась послѣднихъ своихъ экипажей и остатковъ добычи, награбленной въ Москвѣ и другихъ городахъ, которая до этого времени не была еще отбита у нихъ казаками. Тутъ же была захвачена значительная военная касса и множество другихъ вещей.

Послѣ того, какъ послѣдніе остатки французской арміи покинули Вильну 28 ноября (9 дек.), преслѣдуемые казаками, и первые отряды Чичагова вступили въ этотъ городъ, чрезъ нѣсколько дней прибылъ и князь Кутузовъ. Съ этого времени перестали и думать о преслѣдованіи французовъ; всѣ расположились въ Вильнѣ, какъ будто война уже окончена; это также спасло очень много людей у французовъ и, быть можетъ, даже спасло отъ полнаго истребленія остатки ихъ арміи, потому что, замѣтивъ, что ихъ преслѣдуютъ одни казаки, французы скоро приняли мѣры къ отраженію ихъ нападеній. Къ счастью, прибылъ въ Вильну 10 (22) декабря самъ Императоръ Александръ и скоро привелъ все въ движеніе. Объ этомъ я поговорю съ вами въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ.

---

[1]) Мѣстечко на половинѣ пути отъ Минска до г. Вильны, невдалекѣ отъ Ошмянъ.

ПИСЬМО XII.

Ошибки противниковъ въ кампаніи 1812 г. Ослѣпленіе Наполеона и его легкомысліе. Медленность движеній, долгое пребываніе въ Москвѣ. Отступленіе на Смоленскъ, а не на Сычевку и Полоцкъ.

Окончивъ описаніе войны 1812 года, позволю себѣ сообщить нѣсколько заключеній и общихъ соображеній объ ошибкахъ, совершенныхъ въ продолженіе оной обѣими воюющими сторонами. Повидимому, главные начальники обѣихъ сторонъ старались превзойти и перещеголять другъ друга ошибками и промахами, совершенными въ ихъ дѣйствіяхъ съ начала войны до самаго ея конца.

Начнемъ съ Наполеона.—Этотъ великій полководецъ, избалованный судьбою, счастьемъ и еще болѣе ошибками своихъ противниковъ, повидимому, въ войнѣ его съ Россіею, не столько руководился строго обдуманнымъ планомъ военныхъ дѣйствій, сколько вліяніемъ своей первоначальной, счастливой звѣзды, которая, покровительствуя ему во многихъ обстоятельствахъ, своимъ блестящимъ свѣтомъ ослѣпляла его и скрывала отъ глазъ его всѣ опасности, которымъ онъ такъ необдуманно пожелалъ себя подвергнуть. Въ минувшихъ его войнахъ ему достаточно было нерѣдко выиграть одно или два сраженія, чтобы послѣ нихъ овладѣть цѣлыми странами и занять столицы государствъ, до того запугавъ своихъ противниковъ, что они, въ ужасѣ отъ постигшихъ ихъ неудачъ, соглашались не только на весьма тяжкія условія мира, но даже не рѣдко и на унизительныя. Подобныя счастливыя случайности не должны были, однако, ослѣплять его до той степени, что онъ возъимѣлъ увѣренность съ подобною же легкостію достичь таковыхъ же выгодъ въ обширной Россійской Имперіи.

Одинъ взглядъ на карту долженъ былъ устрашить Наполеона и убѣдить его въ невозможности съ арміями своими пройти эту Имперію также легко, какъ иное государство Европы. Его должна была воздержать отъ этой войны мысль о трудностяхъ разсчитать средства Россіи, и о появленіи новыхъ войскъ, могущихъ даже послѣ цѣлаго года или двухъ лѣтъ самыхъ счастливыхъ успѣховъ предпріимчиваго врага, изгнать его, съ потерею, изъ предѣловъ ихъ территоріи въ то время, какъ страны, лежащія между Россіею и

Франціею, имѣющія каждая достаточно основаній быть имъ недовольными, не могли представить ему достаточнаго обезпеченія для собственной его цѣлости и еще менѣе на полученіе отъ нихъ помощи въ случаи неудачи. Вотъ это должно было указывать Наполеону, что, назначая свои страшныя силы противъ Россіи съ намѣреніемъ отторгнуть отъ нея нѣсколько провинціи, онъ обязанъ былъ основывать всѣ свои дѣйствія на самой строгой осторожности, разсчитавъ очень точно малѣйшій шагъ, сдѣланный имъ въ предѣлахъ Россіи. Но, кромѣ этого, онъ долженъ былъ лучше беречь свои силы, которыя представлялись ему необходимыми, употребляя ихъ не столько при началѣ войны, при первыхъ нападеніяхъ, сколько впослѣдствіи, когда онъ сталъ подвигаться все болѣе и болѣе впередъ. Я не хочу сказать, что необходимо беречь людей во время сраженія; я имѣю въ виду лишь ненужныя сраженія, а также вѣрно и хорошо устроенную систему снабженія арміи всѣмъ необходимымъ, систему, однако, бывшую въ полномъ пренебреженіи, но безъ которой, однако, одинъ милосердый Богъ въ состояніи содержать въ хорошемъ видѣ такія массы войскъ и соблюдать въ нихъ дисциплину. Наполеонъ погрѣшилъ противъ всѣхъ этихъ основныхъ правилъ, вслѣдствіе чего уже въ началѣ кампаніи у него оказалось до 60 т. людей отсталыхъ, бродившихъ позади арміи, которые, чтобы съискать средства поддержать свою жизнь, опустошали губерніи, по которымъ они проходили, между тѣмъ, какъ оставшіеся въ рядахъ арміи страдали отъ всякихъ лишеній и теряли благодаря этому не мало физической силы. Госпитали также представляли ужасное зрѣлище той горькой участи, которая постигала французскаго солдата. Громадное количество больныхъ совершенно лишало возможности за всѣми вполнѣ хорошо ухаживать, а, между тѣмъ, помощь, оказанная въ половину, не была достаточна, чтобы спасти ихъ. Едва *одинъ* изъ пятидесяти больныхъ избѣгалъ смерти. При столь малой заботливости, предусмотрительности и осторожности, какъ могъ Наполеонъ надѣяться просуществовать въ Россіи и удержаться въ ней и сверхъ того—а это было еще труднѣе,—принудить Императора Александра I заключить миръ, на основаніи предписанныхъ имъ однимъ условій?.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что французская армія погибла скорѣе отъ необдуманнаго образа дѣйствій Наполеона I, нежели отъ силы русскаго оружія. Я не хочу этимъ сказать, что русскія войска не одержали побѣды надъ Наполеономъ. Неоднократно въ лѣтописяхъ своихъ, Россія упрочила свою военную славу, но самыя лучшія войска, руководимыя неискусно, могутъ потерпѣть неудачи въ своихъ дѣйствіяхъ и записки объ этой войнѣ, выставляя на свѣтъ въ блестящемъ видѣ характеръ народа и личныя достоинства его воиновъ, указываютъ, что только одни на-

чальники дѣлали ошибки, и, еслибы не ихъ промахи, вся Французская армія нашла бы себѣ могилу въ равнинахъ Россіи, претерпѣвшихъ всѣ ужасы непріятельскихъ опустошеній и грабежа.

Война 1812 года угрожала Россіи потерею большихъ и прекрасныхъ губерній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишеніемъ вліянія въ общей политической системѣ Европы. Желающему заняться столь важнымъ и труднымъ предметомъ, какъ изученіе войны 1812 года, необходимо, прежде всего, исходить изъ того основного начала, что планъ военныхъ дѣйствій долженъ былъ имѣть цѣлью обезпечить въ неприкосновенности главную массу войскъ и отдѣленіе отъ нея корпусовъ въ началѣ войны для прикрытія губерній наиболѣе подверженныхъ опасностямъ, не лишать ее возможности оказать дѣйствительное сопротивленіе врагу, не полагаясь на различныя химерическіе проекты, что она можетъ быть легко усилена, какъ скоро встрѣтиться въ томъ надобность и смотря по обстоятельствамъ.

Для насъ являлось дѣломъ первой необходимости наблюдать за сосредоточеніемъ нашихъ силъ и не отдѣлять армій такимъ образомъ, что онѣ лишались возможности поддерживать одна другую и не могли сосредоточиться, чтобы съ успѣхомъ противодѣйствовать врагу въ благопріятное время и остановить его движеніе во внутрь нашей страны. Между тѣмъ, первоначальное направленіе, принятое нашею первою арміею, парализировало наши силы, которыя, не будучи незначительными, но всякій день все болѣе разсѣяваясь, были доведены, наконецъ, до того, что не въ состояніи были осуществить цѣли предположенной планомъ диверсіи, такъ какъ каждая наша армія въ отдѣльности не могла совершить иного дѣйствія, какъ отступленіе при появленіи непріятеля. Еслибы Наполеонъ въ своихъ движеніяхъ не сдѣлалъ бы тѣхъ ошибокъ, о которыхъ я упомяну впослѣдствіи, мы бы никогда не въ состояніи были завершить соединеніе нашихъ первыхъ двухъ армій, и каждая изъ нихъ была бы принуждена отступить предъ превосходившимъ ее вдвое непріятелемъ, при чемъ онѣ не могли бы даже заранѣе опредѣлить, ни направленія этого отступленія, ни его предѣлы. Значительное превосходство силъ на сторонѣ французовъ, конечно, должны были побудить насъ очистить большую часть пограничныхъ губерніи, но наша первая армія изъ за этого не должна была, отодвигая свои главныя силы, разъединять другія наши арміи, слишкомъ слабыя, чтобы имѣть возможность противиться тѣмъ, которыя Наполеонъ отдѣлилъ для борьбы съ каждою изъ нихъ въ отдѣльности. Чрезъ это центръ нашего отечества былъ открытъ для французовъ, начиная съ тѣхъ губерній, прикрыть которыя и предохранить отъ вторженія непріятеля являлось наибольшею для насъ важностію.

Если бы пожелали разсмотрѣть цѣль нашихъ ошибочныхъ дѣйствій при самомъ началѣ этой войны, то нашли-бы, что всѣ они

были направлены къ тому, чтобы привести насъ къ худо избранной нами позиціи, которую сперва представляли неприступною твердынею, долженствующею служить ловушкою, чтобы раздавить Наполеона со всѣми его непріятелями. Изъ моего словеснаго доклада Государю Императору. Вамъ извѣстны уже недостатки этой позиціи; въ дополненіе этого дамъ вамъ совѣтъ прочесть бюллетень французовъ, въ которомъ имѣется планъ этой позиціи съ объясненіями, а также и особыя замѣчанія о ней, изложенныя съ цѣлію выставить на свѣтъ въ смѣшномъ видѣ составителя этого плана, что имъ вполнѣ заслужено.

Если указанныя мною выше ошибки привели насъ къ послѣдствіямъ, которыя могли быть для насъ чрезвычайно пагубными, то и ошибки, сдѣланныя Наполеономъ, являлись не менѣе значительными, потому что онѣ содѣйствовали сохраненію нашей арміи, доставивъ ей не только время познать свое критическое положеніе, но даже и поправить оное.

Наполеонъ проявилъ довольно большую быстроту, какъ при переправѣ всѣхъ своихъ войскъ черезъ р. Нѣманъ, такъ и въ первыхъ движеніяхъ своихъ отъ границъ нашихъ до Вильны. Не заставъ насъ въ этомъ мѣстѣ, Наполеонъ, вмѣстѣ того, чтобы воспользоваться нашею ошибкою, остановился въ Вильнѣ съ главными силами своей арміи и простоялъ почти шестнадцать дней, принимая въ это время различныя поздравленія, какъ то, дворянства, оставшагося въ этихъ губерніяхъ, магистратовъ, кагала евреевъ, Виленской академіи; прочія присутственныя мѣста всѣ покинули эти мѣста; кромѣ того, онъ занялся составленіемъ комиссіи для устройства управленіи краемъ и для производства большихъ наборовъ. Наполеонъ тратилъ въ подобныхъ занятіяхъ дорогое время, которое долженъ былъ посвятить на то, чтобы поставить насъ въ полную невозможность совершитъ наше угловое движеніе на Полоцкъ. Это движеніе одно могло поправить наши дѣла, и ему единственно могла благопріятствовать трата времени со стороны Наполеона, потому что, безпрерывно насѣдая на насъ большею частію своихъ силъ, очень легко могъ достичь крайней точки нашего лѣваго крыла близь Дисны, поставить значительное количество войскъ по обѣимъ берегамъ Двины съ достаточнымъ числомъ мостовъ для взаимнаго ихъ сообщенія и тѣмъ не только парализовать всѣ наши движенія, но лишить насъ совершенно возможности соединиться подъ Смоленскомъ съ арміею князя Багратіона. Этотъ храбрый князь былъ и слишкомъ удаленъ отъ другихъ отрядовъ и слишкомъ слабъ самъ по себѣ, чтобы двинуться одинъ противъ великой арміи Наполеона, будучи, притомъ, въ то же время принужденъ противиться арміи, подъ начальствомъ Даву, который и безъ того его заботилъ не мало одинъ, ожидая къ тому же подкрѣпле-

нія отъ приближавшагося съ этою цѣлію 5-го корпуса, подъ начальствомъ короля Вестфальскаго: это довело бы армію Даву до ста тысячъ человѣкъ. Намъ осталась бы шаткая надежда совершить соединеніе нашихъ армій гдѣ нибудь гораздо далѣе, въ сердцѣ нашей страны, подверженной всѣмъ несчастнымъ случайностямъ, которыя влечетъ за собою худо веденная война. Наполеонъ, раздѣливъ надвое наши силы, и находясь постоянно въ численномъ превосходствѣ надъ каждою изъ этихъ двухъ частей, могъ вполнѣ по своему усмотрѣнію вести военныя дѣйствія, оставаясь постоянно на лѣвомъ флангѣ нашей главной арміи. Въ его полной власти было принудить насъ направиться къ Петербургу, тогда какъ онъ по этому пути присоединилъ бы къ себѣ корпуса Удино и Макдональда, дѣйствовавшихъ оба отдѣльно съ весьма малымъ успѣхомъ. Судя по осадной артилеріи, находившейся при корпусѣ сего послѣдняго, очевидно, что онъ предназначался для осады Риги. Графъ Витгенштейнъ, не имѣя возможности противостоять силамъ обоихъ соединеныхъ маршаловъ, поддерживаемыхъ къ тому же Наполеономъ, долженъ былъ по необходимости покинуть свою позицію и отступить съ главной арміей. Стремленіе соединить своихъ маршаловъ было во всякомъ случаѣ полезно Наполеону, потому что силы ихъ были бы вполнѣ достаточны, чтобы отдалить графа Витгенштейна отъ Двины и сдѣлать безполезными всѣ подкрѣпленія, при содѣйствіи которыхъ графъ могъ находиться въ состояніи дѣйствовать съ успѣхомъ противъ Удино, силы котораго въ августѣ мѣсяцѣ значительно уступали силамъ графа.

Если, принявъ эти мѣры, Наполеонъ направилъ бы Виктора, стоявшаго въ Варшавѣ, на усиленіе арміи принца Шварценберга, численность котораго, въ такомъ случаѣ достигла бы 70.000 человѣкъ, то она была бы въ состояніи принудить генерала Тормасова очистить Волынь,—губернію, которая съ самаго начала должна была обратить на себя вниманіе Наполеона, по ея большимъ средствамъ доставлять арміи всякаго рода съѣстные припасы, а также людей, тѣмъ болѣе, что большая часть населенія была расположена къ нему. Генералъ Тормасовъ не имѣлъ другого пути отступленія какъ на Кіевъ, куда Шварценбергъ могъ слѣдовать за нимъ и воспрепятствовать его соединенію съ Молдавскою арміею, подъ начальствомъ адмирала Чичагова.

Но недостатокъ дѣятельности и согласованія въ дѣйствіяхъ, проявленныхъ Наполеономъ, позволилъ намъ прибыть ранѣе его на позицію у Дриссы и тѣмъ далъ намъ время, не только разсмотрѣть всѣ недостатки плана нашихъ дѣйствій, по которому начали эту кампанію, но и быстро устранить наше опасное положеніе, направивъ движеніе на Полоцкъ, къ Смоленску, который намъ надлежало сохранять съ самаго начала.

Наполеонъ, съ главными силами своей арміи, выступилъ изъ Вильны, чтобы слѣдовать за нами. Узнавъ, что мы покинули нашу позицію въ Дриссѣ, онъ направился на Полоцкъ, куда и прибылъ, однако, уже *послѣ* нашего пребыванія въ этомъ городѣ и, слѣдовательно, слишкомъ поздно. Мюратъ въ то же время перешелъ Двину въ Диснѣ, чтобы громить нашъ арріергардъ; это намѣреніе ему также не удалось, потому что нашъ арріергардъ находился уже внѣ опасности.

Остальныя движенія и дѣйствія Наполеона вамъ извѣстны изъ моихъ предшествовавшихъ писемъ, также какъ и ошибки, сдѣланныя нами. Остановлюсь только здѣсь, чтобы коснуться невѣрнаго разсчета Наполеона при вступленіи въ Москву. Конечно, я воздержусь отъ критики его намѣренія сдѣлаться послѣ Бородинской битвы властелинамъ столицы нашей Имперіи. Но, найдя тутъ большой городъ почти опустѣлымъ, съ весьма скудными средствами существованія для его арміи и представлявшимъ собою только нѣкоторую выгоду для грабежа и расхищенія его солдатамъ, зачѣмъ онъ оставался въ городѣ шесть недѣль и выжидалъ худое и суровое время года вдали отъ всякой помощи, не имѣя ни продовольствія, ни запасовъ? Иное совсѣмъ было-бы дѣло, если-бы онъ, причинивъ Москвѣ всевозможнѣйшій вредъ, пробылъ въ городѣ всего никакъ не болѣе двухъ недѣль и направился бы въ обратный путь, чтобы снова занять правильное направленіе и защищать Днѣпръ, видя притомъ, что князь Кутузовъ вовсе не расположенъ вовлекать его въ рѣшительное сраженіе. Если-бы даже Наполеонъ и не въ состояніи былъ удержаться на Днѣпрѣ, то имѣлъ возможность очень спокойно дойти до Литвы, собрать всѣ свои силы, попытаться удержаться тамъ, а въ случаѣ невозможности этого, направиться на другую сторону Нѣмана, который онъ по всѣмъ признакамъ могъ защищать съ успѣхомъ. Тутъ онъ могъ ожидать подкрѣпленій изъ Франціи, чтобы начать новую кампанію. Все это, конечно, онъ могъ бы исполнить, не понеся тѣхъ великихъ потерь, которыя онъ претерпѣлъ, ожидая въ Москвѣ ненастное время. Онъ имѣлъ бы вполнѣ достаточное время вызвать сильныя подкрѣпленія изъ Франціи и чрезъ это держать Пруссію въ полномъ своемъ распоряженіи, столь выгодномъ для его интересовъ.

Послѣ совершеннаго нами обходнаго движенія вокругъ Москвы съ цѣлью приблизиться къ нашимъ сообщеніямъ по Смоленской дорогѣ, Наполеонъ долженъ былъ, не теряя времени, принять всѣ вышеозначенныя мѣры. Но, однажды сдѣлавъ ошибку, оставшись въ Москвѣ шесть недѣль, видя, что послѣ пораженія, испытаннаго королемъ Неаполитанскимъ 6 (18) октября мы не пользуемся на сколько можно плодами этой главной побѣды и, зная отъ своихъ лазутчиковъ, что мы остаемся по прежнему спокойно сто-

ять на нашихъ позиціяхъ у Тарутина, Наполеонъ не могъ и не долженъ былъ брать направленія на Смоленскъ; этимъ онъ только ускорилъ вѣрную свою гибель. Напротивъ того, ему надлежало, притянувъ къ себѣ короля Неаполитанскаго, съ остатками его корпуса, двинуться на Рузу со всѣми своими силами, чтобы обезпечить себѣ отступленіе по новой, и совершенно прямой дорогѣ на Сычевку, Бѣлую, Городокъ, Полоцкъ, затѣмъ, переправиться чрезъ Двину, притянуть къ себѣ Удино, Макдональда, Виктора (чрезъ что и генералъ Уоркъ не имѣлъ бы смѣлости дѣйствовать вопреки его интересамъ) и, направляясь далѣе по Самогитіи на Свенцяны, при чемъ Вильна бы оставалась влѣво, достигнуть Ковны на Нѣманѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ могъ сдѣлать распоряженіе, чтобы въ Пруссіи и въ губерніяхъ герцогства Варшавскаго, прилегающихъ къ Нѣману, было бы заготовлено все необнимое для существованія его арміи. Такимъ образомъ, прибывъ въ эти мѣста, Наполеонъ имѣлъ возможность располагать всѣми средствами, которыя Пруссія могла ему еще доставить. Чрезъ это онъ сильно повліялъ бы на короля Прусскаго, который не въ силахъ былъ отказать ему предоставить въ его распоряженіе остальныя Прусскія войска. Шварценбергъ подступилъ бы въ то же время къ Бресту, чтобы остановить движеніе нашихъ войскъ въ гергогство Варшавское.

Если-бы Наполеонъ рѣшился покинуть Москву, какъ я сказалъ, спустя двѣ недѣли послѣ ея занятія, даже если-бы онъ и былъ принужденъ очистить нашу страну, онъ исполнилъ бы это безъ значительной съ его стороны потери и тогда потеря для насъ самихъ Москвы сдѣлалась бы еще болѣе чувствительною, не будучи возмѣщена какою либо существенною потерею непріятеля. Но, избравъ для своего отступленія ту-же самую дорогу, опустошенную и покинутою населеніемъ, по которой онъ пришелъ, Наполеонъ лишалъ себя всякихъ средствъ существованія и всякихъ вспоможеній на пути, такъ что, если-бы нашъ главнокомандующій дѣйствовалъ сколько нибудь энергичнѣе, рѣшительнѣе и живѣе, не только бы никто изъ этой великой арміи Наполеона не ускользнулъ отъ насъ, но и онъ самъ, король Неополитанскій, вице-король Итальянскій, и всѣ его главнѣйшіе генералы неизбѣжно попали бы въ наши руки. Подойдя къ границамъ съ сильною арміею, хорошо сохраненною, а не такъ разстроенною, какъ она была вслѣдствіе плохихъ распоряженій нашего главнокомандующаго (изъ чего можно было скорѣе полагать, что мы потерпѣли пораженіе, а не французы), наше положеніе было-бы иное [1]). Россія пріобрѣла бы дѣйст-

[1]) Можно при этомъ указать, что наша главная армія, выступавшая изъ Тарутина въ составѣ 97.112 человѣкъ, считала въ рядахъ своихъ по прибытіи въ Вильну только 27.464 человѣкъ; изъ 622—орудій оставалось только 200! (см. Шильдеръ — Императоръ Александръ I. т. III стр. 130.

вительное преобладаніе въ Европѣ и могла бы свободно располагать своимъ вліяніемъ, чтобы предписывать условія, которымъ остальная Европа была бы не въ силахъ противиться. Такая блестящая участь, подобное твердо упроченное положеніе въ Европѣ и такой величественный выходъ изъ лабиринта бѣдствій, въ который мы были вовлечены, могли бы конечно насъ утѣшить отъ потери нашей столицы и великихъ жертвъ и пожертвованій, принесенныхъ народомъ на алтарь Отечества. Великая слава государства залѣчила-бы кровавыя раны частныхъ лицъ. Взамѣнъ всего этого мы ограничились преслѣдованіемъ непріятеля и однимъ его изгнаніемъ изъ предѣловъ нашей Имперіи! Все честолюбіе князя Кутузова этимъ и ограничилось: онъ полагалъ, что этимъ вполнѣ прочно утверждена за нимъ слава избавителя отечества, не предвидя сколько крови придется намъ еще пролить впослѣдствіи. Однако этого не достаточно, чтобы намъ позабыть тягость всѣхъ оскорбленій и потерь, понесенныхъ достояніемъ частныхъ лицъ, достоинствомъ Имперіи, духомъ народа и всей арміи. Хотя сперва и распространился слухъ, поддерживаемый потомъ нѣкоторыми невѣждами или злоумышленниками, что сдача столицы французамъ было дѣломъ зрѣлаго обсужденія, задуманнымъ съ цѣлію вовлечь врага въ западню, тѣмъ не менѣе остается несомнѣннымъ, что это одно ложное предположеніе. Самымъ неопровержимымъ образомъ это подтверждается тѣмъ, что въ самый моментъ очищенія Москвы, передъ этимъ городомъ состоялся изъ различныхъ генераловъ военный совѣтъ [1]) о выборѣ дороги, по которой должны были отступать наши войска.

Нерѣшительность выраженныхъ при этомъ мнѣній, причемъ одни предлагали дорогу на Владиміръ, другіе же на Рязань, доказываетъ, что очищеніе Москвы было мѣрою необходимости, принятою въ ту же самую минуту и никоимъ образомъ не являлось послѣдствіемъ обдуманныхъ соображеній, предварительныхъ обсужденій. Генералъ-губернаторъ Москвы, графъ Ростопчинъ узналъ о рѣшеніи этого совѣта покинуть Москву и сдать ее французамъ, только за нѣсколько часовъ до прохода нашихъ войскъ чрезъ Москву.

[1]) Беннигсенъ, очевидно, говоритъ о совѣтѣ въ Филяхъ 1 сентября 1812г., послѣ котораго Кутузовъ писалъ графу Ростопчину: „невыгодное здѣшнее мѣстоположеніе вынуждаетъ меня съ горестью оставить Москву". Такимъ образомъ, графъ Растопчинъ получилъ *первое* опредѣлительное свѣдѣніе о намѣреніи Кутузова оставить Москву за нѣсколько часовъ до появленія французовъ въ виду столицы (Шильдеръ—Александръ I. т. III стр. 116.). На этомъ совѣтѣ въ Филяхъ Беннигсенъ высказался противъ отступленія отъ Москвы и настаивалъ на необходимости еще разъ сразиться съ Наполеономъ. Его мнѣніе раздѣляли Дохтуровъ, Уваровъ, Ермоловъ и Коновницынъ, т. е. половина лицъ, бывшихъ въ совѣтѣ Но Кутузовъ, *заранѣе еще рѣшившійся оставить* Москву, говоритъ Богдановичъ т. II стр. (248, 250 и 251), приказалъ отступить и перейти на Рязанскую дорогу.— Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ созывать Совѣтъ?!...

П. Майковъ.

Если нѣкоторымъ частнымъ лицамъ и было позволено покинуть городъ и тѣмъ сохранить какъ либо свое достояніе и свою личность, то это было дозволено единственно съ тѣмъ, чтобы не противодѣйствовать желаніямъ каждаго отдѣльнаго лица и чтобы предоставить каждому, по своему усмотрѣнію, принять мѣры, какія онъ сочтетъ необходимыми для спасенія себя и своего достоянія.

Л. Л. Бежингсенъ.

Конецъ.